

Аркадий Липидус

Паранойя

*байки
о вкусной и здоровой
жизни*

3

*Светлый образ
одного из персонажей
и главного героя книги жизни
автора*

СОДЕРЖАНИЕ

Послесловие-предисловие.....	3
Пролог.....	5
Повторение характеристик героев.....	8
Убери из жизни яд.....	12
Штиль.....	27
Шеф.....	38
Крик.....	45

Метаморфозы.....	50
Божьи подарки.....	60
Парад покойников и пока живых.....	64
“Дурной пиджак”.....	89
Божественные турбулентности.....	97
“Саранча”.....	108
Наваждение.....	118
Виктория.....	126
Во имя жизни.....	144
Опыты.....	154
Не тайная вечеря.....	174
Фантасмагории.....	179
Эйфория.....	198
P.S.(эпилог).....	212

ПОСЛЕСЛОВИЕ-ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизненный прогресс бушевал вовсю. Я уже точно знал, что я – Бог, а Бог, что он – это я. И хотя третий, опять только посмеивался, но продолжал «косить» под моего двойника из параллельной действительности.

– Что значит «косить»? – опять врезался в мои мысли двойник. – Я – это ты, а ты – это я.

– И вы – это трижды я, – подчеркнул Бог.

– Почему трижды, когда дважды? – упрямо не согласился я.

– Потому что дважды – вы это я, и одиножды – я отдельно. Один плюс два – три!

Мда-а... Действительно, весёлая компашечка... А, главное, очень устойчивая...

Сегодняшняя наука не исключает существование Создателя. Впрочем и в атеистическом вчера некоторые научные гении, обнаруживая какую-нибудь ошеломляющую закономерность, втихоря крестились или восхищённо произвольно выкрикивали «Барух а Шем!» или «Аллах Акбар!». А такие ненаучные товарищи вроде меня, которые не всегда могут до конца и безапелляционно объяснить «Почему? Отчего? Откуда? Зачем? Для чего?» и так далее, но чувствуют, что то, что видят и о чём говорят – правильно, верно, благоприятно, вкусно и перспективно, всегда с уважением относились к природным шедеврам и их проявлениям.

– Опять бросил! – воскликнул Бог и, выпрыгнув из меня уже не в виде старца или крепенького мужичка, а в виде юного безусого и очень знакомого хлопчика, подбежал к очередному прохожему.

Выдернув из-под его ног окурок, он, молча, отнёс его в близстоящую урну.

– Бестолку! – сказал двойник и неторопливо тоже полез из меня.

Отодвинув огалу (тележку с пахом (ведром) для мусора), он развалился на скамейке рядом со мной. Всё опять повторялось, но уже не так точно как в предыдущие разы. Но я, как и раньше, не шелохнулся.

– Бедный Булгаков! – изрёк Бог, располагаясь тут же.

– Да слышали, слышали! – лениво протянул двойник. – И то, что мы – Булгаковы, и то, что нашего дьявола твоими функциями мы пытались наделить и получилось не «За жизнь!», а «За смерть!», и то, что из-за таких как мы до сих пор почти все молятся “За жизнь!”, а голосуют “За смерть!”. Фантазиям твоим нет границ! Ты бы ещё нас Достоевскими или Львами Толстыми окрестил!

– Никого я ни в кого не крестил! Законы сами по себе, а я сам по себе! Ну, чего расселся? – толкнул Бог локтём двойника. – Пах полный!

– Ты свистни – тебя не заставлю я ждать. Приду я дерьмо от тебя убирать! – как и раньше слово в слово, вяло огрызнулся двойник.

Он вытащил из паха очередной сакит (полиэтиленовый мешок) с мусором, лениво завязал его и понёс к контейнеру. Я потянулся и уставился в голубейшее небо. Работа в Израиле продолжала быть для меня сплошным удовольствием. И это не потому, что практически всю её выполняли собранные воедино после написания моих ретрансляций, а теперь опять расщеплённые мои «Я». Физически уставал я к концу рабочего дня точно так же, как и раньше, но морально...

Ах, как мне было хорошо! Действительно, никто не следил за каждым моим шагом, не выскакивал неожиданно из-за угла, чтобы уличить в безделии и нерадивости, не подгонял и не унижал.

Чудо, – но мне доверяли!!!

– Какие у вас противные самодовольные рожи! – сказал Бог, когда двойник вернулся. Что толку от скрижалей, если жизнь всё так же не улучшается!

– Как это не улучшается? Мы-то - улучшаемся! – возмутился я.

– Вот именно! Сам пью, сам гуляю, сам стелю и сам лягаю! Кайф! – как и раньше ухмыльнулся двойник.

– Идиоты! – теперь уже печально пробурчал Бог и побежал к следующему прохожему...

Что произошло в предыдущих циклах

*Всё так же –
то ли во сне, то ли наяву –
я продолжал встречаться со своим двойником,
и уже оба мы с удивительным Богом, то
в виде дырки от бублика, а то и в виде
двуполрой обезьяны. Бог и переносил
нас через чтение универсальной
молитвы «Отче наш»
в последнюю стадию
«развитого»
социалистического
прошлого.
Там мы, непостижимым
образом растворённые в героях,
уже не на бумаге, а в реальности
переживали ещё раз ряд
экстремальных
удовольствий.*

ПРОЛОГ

Каменистая тропинка, похожая на русло ручья, завернула направо, налево и... сердце моё бешено забило. В надвигающихся сумерках и тишине дворец из тёмно-красного мрамора (или гранита) выглядел мрачновато, но это был мой родной дом. Уже не раз, засыпая, я заказывал повтор этого сладостного сна, но лишь сегодня он снова осуществился.

Взбежав по отшлифованным до зеркального блеска ступенькам, я толкнул дверь и... оказался на громадном астероиде (или маленькой планете). На чёрном бархате космоса

чистыми и яркими алмазами неподвижно сверкали знакомые с детства родные созвездия, а три особенно крупных бриллианта светили, как три солнца. И хотя вокруг были лишь скалы да камни, но мне было необыкновенно уютно и хорошо.

Родина! Это тоже была моя Родина!

Я подпрыгнул от радости и... очутился даже не знаю где... Не было ничего! Ни верха, ни низа, ни правой стороны, ни левой, ни задней, ни передней, ни времени, ни пространства. Но была... Мысль! И этой Мыслью был я, и неисчислимое количество других «я», которые тоже были – я. И я общался со своими «я», которые были совершенно не похожими друг на друга. И не надо было никого выделять. Я одновременно общался со всеми, а вернее, был настолько их частью, а они моей, что и общаться в обычном смысле не надо было. Общение было непрерывным и совершенно неутомительным. Похоже было, что это была Родина из Родин. Супер-Родина! Абсолютная гармония и завершённость!

– В Начале было Слово (оно же – Мысль), и Слово было у Бога... – блаженно начали хором мои «я», но были прерваны.

– Это было потом! А в Начале было ЧУВСТВО, которое было – ЛЮБОВЬ, которая была – БОГ, который был – ЖИЗНЬ! – перебил нас всё тот же сверхродной голос, и все «я» воплотились в точку, которая поделилась на две, потом на четыре, потом на шестнадцать, потом ещё и ещё...

И образовалась новая вселенная!

И я проснулся!

В окно израильской халупы, которую можно назвать только с сильно пьяных глаз виллой, а с трезвых – непременно сараем, опять светила круглая и нахальная, как дурак, луна. Справа всхлипывала во сне некрасивая от хронического переутомления и недосыпа жена, слева посапывала и вздрагивала счастливая в своей животной свободе и потому беременная Бог знает от кого собачка Чуча-Божий Подарок, а за стеной свистела и хрюкала вечно живая и неистребимая тёща.

Натыкаясь на стулья и косяки дверей, я дошёл до туалета, а после него завернул на кухню и...

– А где же?..

– Здесь я, здесь! – послышался со двора измученный и истерически надрывный голос двойника. – «Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю. Тихо смотрит месяц ясный в колыбель твою. Стану сказывать я сказки, песенку спою; ты ж дремли, закрывши глазки, баюшки-баю!».

– А-а!.. – раздался дикий рёв, и входная дверь закрипела.

В руках двойника дёргался и вопил очень характерный свёрток.

– Опять обделалась, зараза! – выругался двойник и, положив свёрток прямо на стол, засыпанный исписанными листками, начал его разворачивать.

Это была девочка.

– Где ты её откопал? – спросил я, когда процесс подмывания и смены пелёнок из разорванной мною старой простыни закончился.

– Я? Это «дырка» подкинула. Это одна из наших реинкарнаций. Это – мы!

Девчушка как будто бы поняла, что речь идёт о ней. Она весело задргала ножками и ручками и, улыбаясь, загукала...

– Развеселилась, засранка! За каких-то полчаса уже третий раз гадит.

– Может быть, перекорм?

– Какой перекорм? Чем я её мог кормить? Грудью? Я думаю, это оттого, что «дырка» в неё вдрынулась, и опять пытается что-то отрегулировать. Она сначала её материализовала, а потом, как всегда, запричитала и нырнула...

– Для вашего же блага! – голосом нашего отца сказала девчушка.

– Вот видишь! С ума сойти можно! Тысяча и одна ночь! Спиритический сеанс!

– А что, вполне симпатичная Шехерезадка вырастет.

– Да ты что? Она же периодически слепоглухонемая! Саму себя иногда не слышит, а не то что нас. Вот – смотри!

Двойник подбежал к столу и, зычно рыкнув, помахал перед лицом девчушки рукой.

Реакции не было...

– Имя-то у неё есть? «Дырка» что-нибудь говорила?

– А как же! Зовут её не более не менее как Цивилизация!

– Отче наш... – прошептал я ошарашено и тут же вместе с двойником оказался в следующем цикле сюжета нашего бессмертного произведения.

ПОВТОРЕНИЕ
ХАРАКТЕРИСТИК
ОСНОВНЫХ ГЕРОЕВ
В ЦИТАТАХ ИЗ ПЕРВОГО ЦИКЛА
И ИХ ПРОБЛЕМ,
НЕ РАЗРЕШИВШИХСЯ
И ВО ВТОРОМ

АПОЛЛОН:

«Молодой человек не был грузином, хотя и обладал фуражкой-аэродромом с необъятными полями и маленьким отверстием для головы. Не был он и одним из сыновей или внуков Остапа-Сулеймана-Берта-Мария Бендер-бея Задунайского. Впрочем, кто его знает... Несколько избыточная космополитичная улыбка молодого человека на столь же космополитичном по своей географии лице была той визитной карточкой, которая любому представителю как большой, так и малой нации и народности заявляла о своей лояльности и родстве. Словом, в крови владельца фуражки-аэродрома бурлил и искрился коктейль из исторически выдержанных и характерных кровей...

– Всё своё лучшее несу с собой! – любил повторять он, видимо, не без оснований скрывая местонахождение всего своего не лучшего».

«...Аполлон пел, прекрасно танцевал, играл на множестве музыкальных инструментов, свободно рифмовал кожу с рожей и ударом ребра ладони раскалывал обожжённый кирпич».

Как говорится – герой во всех отношениях, но...

«... Хотя на его лице не меркла лёгкая, как солнечный блик, улыбка, на душе было пасмурно.

– У каждого человека горе – смерть близких! – без конца повторял он в последнее время, что было связано с преждевременной кончиной его горячо любимой матушки...»

И это бы ещё ничего, если бы не навязчивая мысль, что маму он похоронил заживо.

« – Моя мама не вписывалась в социально удобную женщину, но она была для меня и папой, и мамой, и бабушкой, и дедушкой... Я всем обязан ей... Всем! А она растаяла, как свечка... На глазах... Саркома, граждане! Злокачественное новообразование! И метастазы! Метастазы, чёрт бы их подрал! Она была тёплая, когда я её хоронил! Почему? Она не умерла! Она занималась йогой! Она умела отключаться... Это была каталепсия! Да-да – она не умерла! Я похоронил её живую!...»

Мучительное чувство роковой вины и безысходное желание покаяться привело Аполлона в Алма-Ату, где, по весьма сомнительной информации, было место прямого контакта с загробным миром. И немудрено, что от таких «идей фикс» у героя возникали иногда

приступы сильнейших сердцебиений, сопровождаемые смертельными страхами, которые чудесным образом снимал его друг и коллега Федя наложением руки.

ФЕДЯ:

«... Дверь кабинета отворилась, и в помещение, не обращая никакого внимания на присутствующих, проник бледный худой юноша в помятой рубашке и таких же брюках без стрелок. Всклоченная причёска и подозрительно горящие глаза завершали картину первого впечатления, свидетельствуя о том, что в данной голове не всё в должном порядке. Юноша подошёл к столу и бесцеремонно начал копаться в бумагах.

– Опять рукопись потерял? – доктор зазвенел ключами, открывая сейф.

– Опять, опять...

– На! И не бросай где попало!

Доктор вынул из сейфа папку и протянул её юноше.

– Кстати, познакомься – наш новый директор!

– Ещё один... – вздохнул юноша и протянул ладонь. – Гений! Я – гений!

– Я тоже, – улыбнулся Аполлон.

– Иронизируете? А жаль. Улыбка у вас хорошая, – сказал юноша и неожиданно тоже улыбнулся.

– У вас тоже, – ответил Аполлон и не соврал: улыбка бледного юноши была светлая.

Звали его Федей, и он занимал должность художественного руководителя Дома культуры».

«... Федя был смелым человеком! Он писал и говорил правду! Естественно, что его никогда и нигде не печатали и всерьёз не воспринимали. Это совсем не значит, что те, кого печатали, лгали. Просто их правда особенно глаз не колола и, обходя рифы социальных закономерностей, шибко не тревожила. Даже профессиональные сатирики не решались поднять глаза вверх, против течения – к истокам, и смотрели лишь вниз – по течению, указывая на уже образовавшиеся заторы, а не на те места, откуда несло мусор. Естественным следствием этого было то, что не успевали благодарные труженики ликвидировать один затор, как тут же образовывался новый, и, зачастую, в совершенно непредвиденном месте.

Сизифов труд народа благ стране не прибавлял, и некоторые литературные угодники чувствовали от этого дискомфорт. Неудобно становилось таскать на себе скафандр позорных связей и унижительного попрошайничества. На какие-то мгновения разум отключался, и чего только не звучало... К счастью, это случалось нечасто и в основном в кругу семьи. Да и то с оглядкой на жену, которая вполне могла оказаться стукачкой (среди богемы ходили чёрные истории о спрятанных в холодильниках магнитофонах и вызовах на собеседование в КГБ).

Федя же всегда плыл и смотрел против течения (то есть – вверх!) и не понимал – почему выше министров ошибающиеся или бездарные смертные прижизненной гласной критике не подлежат».

Понятно, что этот герой страдал от отсутствия своей литературной реализации, а поддерживал его и всячески поощрял до появления Аполлона лишь Наум Аркадьевич.

НАУМ АРКАДЬЕВИЧ:

«Наум Аркадьевич был личностью незаурядной. В разговоре с собеседником, внушающим доверие, он представлялся не иначе как беспартийной сволочью, видимо, не исключая того, что попадаются ещё и партийные. Конечно же, сволочью Наум Аркадьевич не был, а был по характеру и жизненной позиции Дон-Кихотом, а по профессии врачом. Больные уважали его за то, что он делал их здоровыми, а здоровые – за то, что он не делал их больными.

Надо сказать, что живых Дон-Кихотов не любили, не любят и, видимо, никогда не будут любить власть имущие, благополучные и бескрылые. Как смеялись они над ними, так и продолжают смеяться, а если смех не помогает, то их просто выдёргивают, как вылезший гвоздь из каблука, и швыряют в придорожную жизненную грязь, предоставив полную свободу для окисления. Поэтому биография Дон-Кихота-доктора, так же как и биография его литературного коллеги Ламанчского, была сложна, необычайна, полна мытарств и треволнений, падений и подъёмов.

Однако в данном случае результат не был трагичен. По крайней мере, пока... Доктор закалился, обрёл бойцовские качества, умел постоять за себя и, главное, научился побеждать. Перед самой пенсией он осуществил вечную мечту странников поневоле: купил крохотный саманный домишко с садиком, построил огромную беседку, повесил в ней гамак и бросил свой трудовой якорь в медпункте авторемонтного завода, а в настоящем – объединения. Вот уже более пятнадцати лет он крепко держал здоровье заводчан в своих опытных добрых тёплых ладонях, и, когда считал нужным, группировал их в кулаки и бил по бюрократическим столам, без спросу повышая голос и совершенно не взирая на лица. В результате этого досрочно были построены профилакторий и роскошный физиотерапевтический комплекс с лучшим отечественным и неотечественным оборудованием и заметно уменьшился поток больничных листов. Вся администрация объединения, включая инженерно-технический персонал и самого генерального директора, лечились только у Наума Аркадьевича и, называя его профессором своего жизнеобеспечения, берегли доктора пуще глаза, терпя все его причуды».

И всё бы ничего, если бы Наум Аркадьевич не мучался от непроходящего жгучего желания вылечить не только всех больных, но и общество в целом. Его друг – Абрам Моисеевич – тоже горел этим огнём, но, в отличие от доктора, не верил в эволюцию извращённого социализма.

АБРАМ МОИСЕЕВИЧ:

«... Очень сильно подозревая, что слово «еврей» произошло от слова «европа», Абрам Моисеевич собирался уезжать в Израиль, а оттуда в Швейцарию».

– Я знаю, что я делаю и на что иду! – жарко заявлял он своим знакомым, отговаривающим его от такого сомнительного шага, и задавал такие вопросы, честно отвечать на которые было или чрезвычайно трудно, или небезопасно.

В своё время Абрам Моисеевич экстерном сдал полную колоду экзаменов физико-математического, исторического и филологического факультетов. Универсальное гуманитарно-аналитическое образование постоянно им самим совершенствовалось и расширялось. Благодаря этому он, не считая своего родного еврейского и русского языков, в совершенстве владел английским, немецким, французским, испанским, итальянским, а также был ярким поборником и пропагандистом эсперанто. Кроме того, Абрам Моисеевич с детства безумно увлекался всеми семью музами, и, как и в любой интересующей его области, здесь тоже достиг вполне приличных высот и разве что только не танцевал балетно. Он писал и переводил стихи и небольшие новеллы, рисовал маслом в стиле мастеров Возрождения и имел обширнейшую фонотеку классической и современной музыки, а также литературных и драматических записей.

Так вот, питая естественную симпатию к незаурядным способностям Абрама Моисеевича, горячее всех отговаривал его от отъезда в Израиль, а оттуда в Швейцарию Наум Аркадьевич. Он уверял, что за счастье нужно бороться там, где ты живёшь, а не думать, что где-то оно в готовом виде изнемогает от ожидания своего избранника.

– Брось, Ньюма, детсадовскую ерунду пороть – ты же неглупый человек! – обычно отвечал на это Абрам Моисеевич. – У каждого счастье своё. Одному нужно нажраться, другому накомандоваться, третьему с бабами наспаться, четвёртому скорее на пенсию податься, и так далее и тому подобное... Я же не хочу и не могу жить в стране, где слово «еврей» произносится как ругательство.

– Где? Где произносится? – отчаянно кричал Наум Аркадьевич.

– Везде!

– Кто? Кто произносит?

– Все! Даже сами евреи вынуждены!

Что мог ответить на это Наум Аркадьевич, если он сам почти всегда, отвечая на вопрос «Кто вы по национальности?», автоматически настораживался и каменел.

Ловя растерянность оппонента, Абрам Моисеевич распалялся ещё больше:

– Вот ты говоришь – бороться! Во-первых, как бороться, а во-вторых, с кем?

– Со всем! Талантом и добротой! – отвечал обычно доктор и оживлялся. – Самый естественный, надёжный и перспективный способ!

– Талантом! – взвивался Абрам Моисеевич. – Пусть я нескромный человек, но этим Бог меня не обидел. И что я вижу? Зависть! Чёрную зависть! «Вот, еврей, сволочь, шпарит!» – говорят. Это о языках. Или: «Вот, жид, гад, пишет!». Это о стихах. Или... Да что там

говорить! Талантливым в этой стране делать нечего! А насчёт доброты, так тут чем ты добрее, тем, значит, трусливее. И даже если еврей герой, то всё равно трус. И тут хоть головой об стенку бейся! Да что там говорить!.. И почему это я вместо того, чтобы нормально жить, должен всю жизнь доказывать, что я добрый и талантливый и имею не меньше прав на недостатки и ошибки, чем кто-либо другой?

Абрам Моисеевич знал, что говорил, – недостатки были! И главный из них – это десять лет молодости и зрелости, проведённые на сталинских лесоповалах от звонка до звонка. Ослабленные авитаминозом, недоеданием, антисанитарией и каторжным трудом, люди умирали там от малейшей царапины, и он выжил только благодаря тому, что пристроился к медпункту. А осуждён был за то, что во время фашистской оккупации сотрудничал во вражеских газетах, втолковывающих неразумным славянам и неславянам про единый и такой же всегда и для всех правильный, как и псевдокоммунистический, национал-социалистический порядок.

...Выйдя на свободу, «враг народа» узнал, что уже три года как реабилитирован. Нашлись документы, объясняющие его околелитературные вояжи по немецким тылам. И хотя даже награда нашла “предателя и подонка”, и он получил какой-то изрядно запоздавший орден или даже «Звезду» за свои давнишние подвиги разведчика и выслушал скучно-равнодушные извинения от роботовидного бюрократа-полковника с необъятным брюхом, но вопросы без ответов оставались, и это ещё более укрепляло его эмиграционную решительность.

Спор всегда заканчивался одним и тем же – Абрам Моисеевич громко кричал, что всё равно уедет в Израиль, а оттуда в Швейцарию, а Наум Аркадьевич так же громко и упрямо отвечал ему:

– Ну и дурак!..»

УБЕРИ ИЗ ЖИЗНИ ЯД – ЖИЗНЬ ТЕРЯЕТ АРОМАТ!

Утро было...

Ох, ничего не могу поделать - опять свежо и очаровательно!

Машин на трассе “Алма-Ата – Капчагай” попадалось мало и это ещё более украшало предстоящий пикник у воды.

– Омерзительная штука – это наше биологическое существование, – философствовал Аполлон, крутя баранку. – Все эти химические реакции с выделением всяческих газов и слизей – такая гадость!.. А размножение? Это же супернесовершенство и морока! Хорошо бы питаться космической энергией и поменьше бы грязи...

– Смотри-ка ты, какой брезгливый! – довольно отозвался Федя, блаженно развалившийся на заднем сидении.

– Да! Представь себе! Вообще мне давно уже кажется, что я и не человек вовсе. Только попытаюсь во что-то вмешаться, так как будто кто-то стенку ставит. Мол, не твоё это дело! Твоё дело – наблюдать! Нет, точно! Я внедрённый в человеческую оболочку какой-то телевизионный глаз. Деталь! Понимаешь? Фиговинка механическая. С самого рождения я гляжу на этот мир и не понимаю его. Вокруг смеются над этим, плачут над тем, дерутся из-за того или иного, а я не понимаю – с чего это они?

– Бывает... Такое и у меня случается... Надо же! Вот здорово-то!

– Что здорово?

– Ну, если предположить, что мы с тобой космические исследователи, которых впихнули в земные эмбрионы, а может, и пораньше, то это же здорово! Значит, ещё поживём! В своей среде! Как задание выполним, так и ту-ту-у к себе на Родину! И все там будем!

– Ещё чего! Ты же сам писал, что только те, кто реализовал свой шанс. Кто не реализовал – обратно в этот кошмар.

– Ну почему кошмар? Довольно весёленькие ситуации!

– Да брось ты! В этих убогих ритуалах, да играх логики на грош... а перспективы приближения к истине – ноль. Интересы дешёвые... неперспективные... Удовольствия сиюсекундные... примитивные... однообразные... И разрушительные почти все! И знаешь, что мне напоминает вся эта цивилизация?

– Ну?

– Водопроводный кран с сорванной резьбой! Только-только закручивается вентиль и что надо течёт куда надо и наполняет что надо, как – раз! И опять всё сначала. Опять утечка...

Ревя мотором, самоделку обогнал импортный автомобиль, похожий на джип с открытым верхом. Двое парней стояли в нём и, громко и визгливо хохоча, обстреливали окружающую местность пустыми бутылками.

– Во! Видел? Состоятельные сопляки, как всегда, развлекаются, как идиоты.

Федя не ответил. Слишком часто в последнее время джип попадался на глаза. Временами даже казалось, что в Алма-Ату впустили целое стадо подобных мустангов.

– Живёшь вот так и думаешь: пропади пропадом всё это человечество вместе со мной! – глядя вслед джипу, продолжал философствовать директор. – Никого не жалко! Ну, ни к чему ни детям ни внукам это отвратительное бытие!

– Если так, то конечно... – в тон другу проговорил Федя. – Но не оригинально! Некоторые вообще до полной чуши договариваются. Мол, мы родились в этой стране для

того, чтобы раньше умереть! Ерунда! Страны, как и всё, что создано людьми, появляются и исчезают, а мир вечен и разнообразен. И мы, как часть его, тоже. Помнишь физику – ничто не исчезает и не создаётся вновь. Всё переходит из одного вида материи в другой. И тут уж хочешь, не хочешь, а приходится считаться с правилами той среды, куда попал. Больше протянешь, а значит, больше успеешь. Улучшишь качество! Не знаю, как тебе, а мне по душе не та лягушка, которая плюнула и потонула в кувшине, а та, что барахталась в сливках до тех пор, пока не встала на масло.

– Убедительно! Что бы я делал без тебя?

– Не прибедряйся! То же, что и до меня. Просто мы с тобой советикусы. Измученные и усталые с рождения. Почти генетически! От этого-то все и мечтают отдохнуть. С детства быть или отдыхающими, или пенсионерами. Прямо горе какое-то! От подавленности это! С детского сада! Бессмысленности в творческом самоутверждении. Поэтому все как очумелые и соревнуются во взаимном унижении. Надо же хоть как-то почувствовать себя значительным. Чуть кто-то высунется: «А-а, ты с гонором? Получай!..». Разве это жизнь? После нашего провала на заводе, я не знаю как, но что-то делать надо. Не жить же затем, чтобы только размножаться! Вот Ньюма говорит, что психическая деятельность представляет собой высшую форму движения материи, а значит, и жизни. Это значит, что даже если меня не печатают и не читают, то я, пережив всё и записав, как-то влияю на ситуацию. И то, о чём мы спорим, – тоже. Всё работает, всё даёт свои плоды. Рано или поздно, но обязательно и у всех! И если что-то изменится в будущем к лучшему, то и мы приложили к этому руку.

– Жалкое утешение. Пощупать! Пощупать надо! Сегодня!

– Ну вот! А говоришь: “Я – инопланетянин!”. Жил я в Крыму у одной старухи. Всю жизнь она проработала на туристических теплоходах, мотающихся в загранку. Горничной. Из её рассказов я понял, что эти горничные, кроме своих прямых обязанностей, занимались в плавании ещё и сексуальной службой экипажа и пассажиров. В последнее время она была старшей горничной. Это что-то вроде хозяйки плавающего борделя. Старуха – законченный мизантроп! Только ещё большая страсть к деньгам заставляла её сдавать койки. Она столько крови перепортила всем нам, а нас у неё жило постоянно человек пятнадцать, что, если бы не море, мы бы наверняка нервнобольными уехали. За каждым шагом следила. Да как ревниво и профессионально! Утюг включишь: “Я записываю показания счетчика!”. Ну и всё прочее... “Побойтесь Бога!” – говорю я как-то ей. “Какого Бога? – трескуче и хрипло смеётся она. – Дай мне его пощупать!”. “Леди, – говорю я, – “вы не представляете даже грамма того ужаса, который случится с вами, когда вы всё-таки встретитесь с ним. Но ещё больший ужас постигнет вас, если он позволит вам себя пощупать...”

Капчагай – искусственное водохранилище в семидесяти километрах от Алма-Аты, созданное, якобы, для того, чтобы крутить турбины электростанции и давать ток столице. Ну и, как это бывает обычно, когда с природой не считаются, электростанция получилась дохлая и нерентабельная, а природа пострадала катастрофически. Но это ниже по течению. А тут представьте себе полупустыню и пустыню, а с краю этакий вроде бы кусочек Средиземного моря. Правда, климат... А что климат? Для тех, кто не здесь живёт, а только наезжает изредка, – экзотика!

Зона отдыха правобережья была закрыта. На табличке чёрным по белому было написано: “ХОЛЕРА! КАРАНТИН!”, а внизу кроваво-красной губной помадой пририсован мужской член и инструкция к его использованию.

Из самого центра зоны бедствия доносились совсем не холерные звуки мужского хохота, хлюпанья воды и женских кокетливых повизгиваний.

– Туфта! Въезжай! – скомандовал Федя. – Это ещё с прошлого года забыли убрать. Тут у них всё время то дизентерия, то сальмонеллёз, то отстойники городские прорвёт, и всё сюда. А люди как купались, так и купаются. Хоть бы хны!..

Но Аполлон уже разворачивал машину.

– Да ты что? – закричал Федя. – До левобережной зоны ещё километров тридцать!

– Доедем...

– Может, искупнёмся в черте городка – и домой?

– Нет. С ночёвкой и только с ночёвкой. Вкусим все прелести круглосуточного отдыха на взморье. Тем более что нынче полнолуние. Правда, насчет купания не знаю...

– Да ты что! На том берегу – аква дисциплията! Вода, как слеза!

– Ну, если только так...

Знаменитая левобережная зона отдыха была на левом берегу!

А что вы удивляетесь? В нашей стране это совсем не обязательно. Так же, как и элементарный указатель «Куда надо свернуть, чтобы куда надо приехать!». И долго бы плутали бедуины, если бы благочестивый и добрый странник не направил их на путь истинный. Им оказалась сильно нетрезвая и так же сильно развязная гурия лет сорока пяти. Не спрашивая разрешения, она влезла в машину и, резво обхватив Федю, приказала Аполлону:

– Прямо кати, чувак, и не оглядывайся!

Гений испуганно заверещал, вырвался и выскочил из машины. Аполлон рассмеялся и, убедительно побеседовав с гурией на библейскую тему «Ай-я-яй!», очень настойчиво предложил ей восстановить статус кво. Проповедь “пастора» велась на такой изысканной уголовной латыни, что гурия сразу утихла и попросила сигарету. Узнав же, что и такая мелочь ей не светит, она достаточно неэстетично выругалась и, покинув салон, двинулась в барханы.

Последовав за ней и дальше, друзья всё-таки приблизились к цели. Перед ними возник зелёный оазис ведомственных турбаз. «Чайка», «Голубой прибой», «Буревестник» и тому подобное морское ассорти радовало глаз своими сараеподобными фанерными домиками и техническими ёмкостями, приспособленными под жильё.

– О! Нефтебаза! Прямо у пляжа! – удивился Федя и ошибся.

За оградой из колючей проволоки стройными рядами стояли гигантские серебристые цистерны, переоборудованные в коттеджи геолого-строй-монтаж-шараш – бог знает какой конторы.

– О! Рай Диогена! – обрадовался Аполлон и направил машину в пространство, где должны были быть ворота. – Смотри, в этих бочках кондиционеры и жалюзи!

Не успел директор поразить Федю наблюдательностью, как грозный и одновременно жалкий человечек в тюбетейке выскочил из одной цистерны и чуть было не испортил праздник. Перемешивая тюркские, очень грубые, словосочетания с очень похожим на них русским матом, он махал руками до тех пор, пока Аполлон не всунул в них две бутылки водки и большую хрустящую ассигнацию.

– Одни сутки, и чтоб кондиционер пел!

Интонация! Интонация в голосе директора была такая, что даже Феде захотелось встать и вытянуть руки по швам.

Получив ключи от цистерны для “особых гостей” в которой были вполне сносный спальный гарнитур, телевизор, холодильник, радио и телефон, и, поставив машину в цистерну, оборудованную под гараж, друзья спустились к пляжу.

Пляж... Ну, ребята, пляж в советской пустыне – это конечно... Курай, колючки, антисанитария и зной...

Солнце стремительно летело к зениту. Становилось теплее, теплее, ещё теплее, и вот уже просто невыносимо. Спасаясь от зноя и прибрежной мути, поднятой детворой и опекаателями, Аполлон и Федя уплыли к буйкам.

Аполлон лег на спину, а Федя ухватился за один из буйков.

– Эх, хорошо-о! – выдохнул он в сторону гор.

– Ну да! Только убогие и нищие купаются в полдень!

– Значит мы...

– Жертвы! Все! И преступники и праведники!

– Тогда я люблю всех!

– Кстати о любви. Знаешь, за что не любят евреев?

– А как же! За жадность, трусость, сволочизм, за интеллектуальный шовинизм! – как из пушки выпалил Федя.

– Ну, этого-то у кого нет! Это конкретно от человека зависит. У Ньюмы и Абрама Моисеевича ничего подобного днём с огнём не сыщешь! Кстати, эти качества в основном питает животная борьба за выживание. Борьба не нужна – и качества не нужны. Нет, не за это не любят евреев. И не за то, что они распяли Христа. Евреев не любят за то, что Христос был еврей. И этот еврей обратил внимание на одно из древнейших антишовинистических посланий инопланетян – возлюби ближнего как себя самого! А так как даже себя возлюбить не получается – мозгов и на это не хватает, то досада и злоба и принимают всякие формы расизма, юдофобии и бог знает чего ещё. Христа не любят! Христа, а не евреев и вообще всех других. И даже когда какой-нибудь очередной дустрый академик докажет, что Христос не относился к семитской группе, а был какой-нибудь индеец или чукча, – ничего не изменится! Каждый день, распиная евреев, чёрных, жёлтых, красных, белых или ещё кого-то, подсознательно и с наслаждением распинают Христа! Так что – возлюби и еврея, как себя самого!

– Почему ты стал пастором Билл?

– Ну?

– Бог – это надёжная фирма!

– Всегда надёжная! Ну не на кого больше опереться! Разве что только на тебя!

Аполлон перевернулся и, как скутер, ринулся на друга.

– Ты что? Я сам на буйке сижу! – заголосил тот, но был опрокинут и повергнут в пучину...

После купания друзья не стали жариться на солнце. И когда они переступили порог цистерны-коттеджа, то ощущение было сравнимо разве что с мгновенным переходом из ада в рай. В живой земной рай, где не было невыносимой пыточной скуки от однообразия. Темнота от закрытых жалюзи, мерное жужжание кондиционера и холодильника, мягкие постели и абажурный свет настольной лампочки создавали его.

– Счастье – избавление от всякого несчастья, – потягиваясь, протянул Аполлон и бухнулся на кровать.

– Точно! Как бы позавидовали нам те – на пляже, если бы сравнили свой жуткий кайф с нашим, – тоже с кровати простонал Федя.

– И зря! Надо жить так же и лучше. А то, как бы опять в пещерах не оказаться... – зевая, закончил морализировать Аполлон. – Слева от буйков видел рощу? Мощная зелень! Патологически мощная для этой климатической зоны. После сна пойдём прогуляемся в ту сторону. Думаю, там мы встретимся с ещё большим чудом...

Действительно, вблизи роща производила гораздо более внушительное впечатление, чем издалека. Если посадки у ведомственных коттеджей были жидкие и чахлые, то тут, среди пустыни... Ну что описывать – южный берег Крыма, да и только! А в центре этого

рукотворного зеленого буйства стояло то, ради чего оно и было сотворено, – государственная преогромнейшая вилла.

И тишина...

Гробовая тишина...

– Эге-гей! Есть тут кто-нибудь? – крикнул Аполлон в распахнутые настежь ворота.

Тишина...

– Ковровая дорожка! – ткнул пальцем в газон Федя.

– А-а!.. – застонал кто-то в кустах, и друзья бросились на помощь.

Но помощь не требовалась. В кустах лежала пьяная и совершенно голая молодая особа. Когда Федя попробовал приподнять так во всех отношениях падшую, та визгливо закричала:

– Не трогай, скотина! Не мешай принимать эту... к... как её?.. Воздушную ванну, мать её!..

Вырвавшись из рук гения, принимающая ванну рухнула назад, на предусмотрительно подстеленный кем-то ватник, и совершенно по-мужски захрапела.

– Навязанное добро – зло! Нельзя навязывать своего понятия о счастье! Ей – хорошо! – весело прокомментировал Аполлон и тут же предупреждающе выкрикнул: – Джип!..

В ворота, как взрыв, ворвался автомобиль. В нём кричал, хохотал и пел целый клубок из молодых человеческих тел. Одно из них выпрыгнуло, закрыло ворота и повесило огромный амбарный замок.

– Начинаются приключения! Ловушка! – прошептал Аполлон.

– Жюль Верн! – с азартом так же тихо ответил Федя.

В вечернем огненно-красном закатном освещении очень рельефно и зловеще обозначились остро отточенные железные пики на воротах и таком же капитальном трёхметровом заборе. Мало того! Чёрные иглы ржавой колючей проволоки кругами вились вокруг пик и над ними.

– Надо как-то выбираться... Пошли вдоль забора! Не может быть, чтобы не было лазейки... – вполголоса сказал Аполлон, и друзья тихонько углубились в джунгли из крапивы и кустарника.

– Р-рр!.. – раскатилось в надвигающихся сумерках, и на Федю прыгнул снежный барс.

– Мама! – больше удивленно, чем испуганно, вскрикнул гений и бухнулся на пятую точку.

Аполлон тоже инстинктивно шархнулся в сторону, но тут же облегчённо вздохнул:

– Фу-ух! Ну и напугал! Бедняга... Какая же сволочь тебя сюда?..

Ударившись об увитые вьюнами и потому невидимые для героев прутья клетки, барс отскочил и с ненавистью уставился на пришельцев.

Тут был целый зоопарк.

В следующей клетке сидели беркуты и ещё какие то орлоподобные птицы, в другой спал огромный волк, и только уссурийских тигров не хватало для полного хищного букета. В загоне, который тянулся дальше, стояли лошади и два верблюда, а дальше... Дальше был бассейн. Пустой. Но выложенный разноцветным кафелем.

– Отдыхаем! – озадаченно сказал Аполлон. – Похоже, что тут и комар без пропуска не вылетит... Как мы до сих пор на охрану не напоролась... Не понимаю...

– А девица?

– Ну да, фуфайка под ней была самая что ни на есть сторожевая...

Со стороны виллы раздались женские визги и лошадиный мужской гогот. Где-то что-то стукнуло, где-то что-то рухнуло, и почти нечеловеческие звуки стали приближаться. Друзья едва успели спрятаться в кустах, как к бассейну выбежали четыре голых девицы. За ними, с прутами в руках, неслись пятеро, тоже почти обнажённых, парней. Загнав красавиц на дно бассейна, парни дружно заорали:

– Гуси, гуси!

“Гусочки” рассмеялись и так же дружно ответили: – Га-га-га!

Парни приставили пруты к низу живота и радостно проревели:

– Трах хотите-е?

– Да-да-да! – обрадовано ответили «гусочки», и началась самая что ни на есть недетская игра с таким же недетским результатом.

А так как птичек было меньше, чем птенчиков, то одну пташку подхватили двое и начали...

– Закрой рот! Трогаем в сторону корпуса! – шепнул Аполлон. – Сейчас они здесь, а ключи у них наверняка там...

Вестибюль госвиллы встретил героев магнитофонным рёвом и свинством. Видимо здесь же совершался и коллективный стриптиз, так как и мужская и женская одежда была разбросана тут же.

– Хватай все большие ключи! – крикнул Аполлон и начал выворачивать карманы первых попавшихся брюк.

Федя тут же склонился над чьими-то шортами...

Однако криминальное поведение друзей не осталось безнаказанным.

– Шарах! – и Аполлон повалился на пол.

– Шарах! – и на полу растянулся гений.

Бес с удовольствием хрюкнул и победно взмахнул над головой резиновой дубинкой. Достойный представитель одной из групп «золотой молодёжи» опять, и весьма успешно перешёл дорогу герою, а он об этом даже не подозревал.

Первым очнулся Федя. Чувствовал он себя весьма и весьма... Как мраморная скульптура молодого бога, Аполлон лежал рядом, а над ним восторженно и дико прыгал и крутился голый и полуголый хоровод.

Неожиданно магнитофон умолк.

У колонок стоял Бес.

Обнажённый по пояс, пьяный, с охапкой огромных ножей в одной руке и бельевой верёвкой в другой, он так же, как и Аполлон лишь контурами напоминал что-то человеческое.

– Шаш... лык! – икнул он.

– Ура-а! – закричали голые.

– Не-е! Из них шаш... лык будем делать! – ткнул ножами в лежащих Бес. – Атракция – “Вильгельм Телль”!

В вестибюле стало тихо.

– Сс... сопляки! – выругался Бес.

Бросив ножи на диван, он схватил Аполлона под мышки и, подтащив к огромной деревянной языческой скульптуре, пошёл за Федей.

– Как жрать, так все... а как вкалывать, так по кустам... Скоты!.. – озверело бормотал труженик.

Федя почувствовал... и уже снова ничего не почувствовал... Когда он опять увидел огромную люстру и всё, что под ней, то не особенно возрадовался. Привязанный к другу и к скифоподобной деревянной бабе, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Глаза у Аполлона были открыты и неподвижны.

– Помер! – понял Федя.

Аполлон моргнул.

Вообще ситуация сложилась пародийная и киностандартная, по типу пустышки-боевика. Как, впрочем, и всё, произошедшее до этого. Но, видимо, так устроена жизнь, что кто бы что бы ни сочинил в реалистическом ключе, всё или есть где-нибудь, или было, или будет. Воображение творческих личностей оперирует, неважно собственным или чужим, но приобретённым опытом этого бытия и его логикой, и поэтому просто невозможно придумывать что-либо такое, чего нет или не может быть (впрочем, может быть, и не так!). Просто в жизни редко бывает всё сразу, в огромном количестве в одном месте, да ещё и за полтора часа зрительского времени. Поэтому и воспринимаем мы ситуации боевиков как что-то искусственное. Нечто подобное автор уже высказывал, но это рассуждения, а жизнь – вот она!

– Шш-ше!

– Вз-зз!..

Нож пролетел мимо.

– Водки!

Бес глотнул прямо из бутылки и примерился в деревянную скульптуру вторым ножом.

– Шш-ше!

– Вз-зз-д-зинь! – отскочил от дерева нож и рикошетом разбил что-то.

– Водки! –

Шш-ше!

– Бум!

Следующий нож воткнулся прямо над головой Феи. За Бесом раздались жидкие испуганные хлопки. Гуляки явно трезвели, и некоторые даже потянулись к одежде.

– Но-но! Ни с места! Шш-ше!..

– Вз-зз!..

– Водки!..

– Как насчет лягушки? – вполне внятно прошептал Аполлон.

– Какой лягушки? – выдавил из себя Федя.

– В сливках! Накаркал сюжет... Напрягись!

Федя неожиданно почувствовал, что верёвка сползает с него, и напрягся.

– Скомандую «три» – сбрасывай верёвку и за мной!..

– Шш-ше!

– Бум!

– Раз... два... три!

Вскочив и схватив валяющуюся тут же дубинку, Аполлон прыгнул к Бесу. Федя рванулся, упал, опять рванулся, выдернул из скульптуры огромную финку и, вычерчивая ею яростные круги и, ревя, как взбесившийся бык, ринулся на бесовское окружение. Смертельная бледность и чудовищная решительность летели впереди него – убийца!

К счастью, Аполлон уже успел прорубить улочку. Двое и случайно подвернувшаяся под руку девица уже отдыхали рядом с корчившимся на полу Бесом, изо рта которого толчками выбрасывались рвотные массы. Местонахождение же остальных можно было определить только по удаляющемуся в сторону бассейна топоту.

Друзья тоже не стали задерживаться. Пробежав мимо не одного, а уже трёх джипов и панически шарахавшихся от них юнцов, они проскочили в полуоткрытые ворота и лишь далеко за ними перешли на быстрый шаг.

– Судьба бежит по кругу! Стой! Не дрыгайся!.. – сказал Аполлон и остановился, чтобы сориентироваться на местности.

Светила полная луна.

Красота вокруг была неопишуемая!

– Хищников бы ещё из клеток выпустить, да ворота запереть, да ключи выбросить...

– Смотри! – заморожено вышепнул Федя.

Взбренькивая, как кастаньетами, огромной связкой ключей, в фантастическом танце плыла над великолепной землёй хмельная голая...

– Дух и символ замка! – хмыкнул Аполлон и поперхнулся.

– Бабах! – шарахнул прямо в спину героев ружейный выстрел, и спринт возобновился.

Теперь, почти до самых «цистерн», друзья летели и летели...

– Чего ножичком размахиваешь? Зарой в песок! – приказал Аполлон, когда они добрались до бивуака. – Собирай шмотки, а я – к машине! Будем «рвать когти»! Эти сыночки и дочки сейчас такую королевскую охоту устроят...

И тут Аполлон оказался прав. Сунув испуганному замурзанному сторожу ещё одну хрустящую ассигнацию, герой как отрезал:

– Одно неосторожное слово – и твоей светлой карьере каюк! Нас здесь не было!

– Конесь-сно! Конесь-сно!.. – неожиданно с китайским акцентом запричитал сторож. – Я мольцять как могиля! Конесь-сно! Конесь-сно!..

И долго, долго ещё кланялся хранитель псевдоёмкостей вслед самоделке. Её потушенные бортовые огни, зловеще отсвечивая в лунном свете, гипнотизировали и вселяли такой ужас, что, когда на дороге появились джипы с орущими и всё время пуляющими из трёх или четырёх стволов оскорблёнными и обиженными, он непроизвольно и тоненько... Ну, увлажнился! С кем не бывает...

– Бабах! – шарахнул очередной ружейный выстрел, и городок у моря проснулся весь...

Середина лета, ночь, прозрачайший воздух, огромная луна, стерильная в волшебном освещении пустыня по обеим сторонам дороги, бог знает где позади, как в другом измерении, оставшийся городок с госвиллой на берегу Капчагайского моря – всё это переключало на другой ритм и, как и утром, снова настраивало на лирику и рассуждения.

Федя хлопнул себя по щеке и застонал:

– Что за пакость? Вроде не комар, а как больно! Ох, голова... О-ох!..

Аполлон приспустил стекло дверцы:

– Сейчас выдует... Всё по башке нас, всё по башке...

– Ну, и мы тоже...

– Закон лягушки. Кто не трепыхается, тот не живёт и зря рождается! Обгонять надо! опережать! Как тебе этот летучий бордельчик?

Федя встрепенулся:

– Ой мен, Шехерезада! Трах-тиби-дох-тиби-дох! С курсами повышения квалификации для непотомственных сперматозавров и экстрасенсов! И непгигменно по линии высшей пагтийной школы товагищи! Кош кельдиниздег! (Добро пожаловать!)

– Ну, если бы в твоём варианте, то хай живе! – неожиданно положительно оценил Аполлон рекламный ролик. – Я тоже люблю поиграться на эту тему, но чтобы ножички метать в живых людей – это ни в какие ворота!.. Я когда напиваюсь, добрую до одури.

– Да при чём тут “трах”? Я это так...

– При всём при том, дорогой мой, что как ни крути, а “трах” – основа основ для нас – обезьяно-человеков! С него всё начинается, и из-за него всё продолжается, – говорил дедушка Фрейд. И неврастении, и дистонии, и агрессии чрезмерные, и созидания, и творчество. С каждым днём я в этом всё больше и больше убеждаюсь. Да ты-то как бывший медик должен лучше меня это знать. Гормоны, брат, гормоны! Программы! Такие же, как и воспитание, которое у джентльменов само гормонами управляет!

– Что язык заплетается? Опять сердцебиение?

– Да нет... Устал. Да и голова тоже побаливает. Да и разве я не прав?

– А чёрт его знает!

– Ой-ё-ёй, как виски ломит!.. Тут понимаешь как... По бесполому образу и подобию божьему жить почти невозможно. И никак не получается так, что получил медаль – и на всю жизнь герой. Прав Наум Аркадьевич! Всё время приходится шекспирить – быть или не быть, пить или не пить, бить или не бить. Не заповеди, как баран, талдычить, а каждый раз решать. Каждый раз определять меру. Тем более что посеешь поступок – пожнёшь привычку. Посеешь привычку – пожнёшь характер. Посеешь характер – пожнёшь судьбу. А посеешь судьбу... Уж не знаю, что пожнёшь тут, но то, что пожнёшь, – точно! И наоборот тоже... Лучше, конечно, не тратиться на ерунду, но берёт верх физиология! На раздумье много энергии уходит, так она ещё и мозги отключает. Чтобы не захиреть. Вот и хапаем! Рвёмся! Я этот хапальный рефлекс ненавижу. Хотя и без него нельзя. Исчезнем как вид... И знаешь – по его уровню сразу можно определить, насколько ты скотина, а насколько – человек. Из-за его беспредела настоящими людьми и не становимся. Только что-то наработали и – шлёп! Опять мордой в грязь. Снова шерсть полезла. Снова утечка. Инстинкт достаточности в пользу ума убран, а мозги отключаются... Не выдерживает обезьяна! По трупам карабкается... К своему же трупу... И жрёт, жрёт! Захлёбываясь и давясь. Остановится не может... Мерзость!..

Аполлон помолчал и продолжил:

– Как ни крути, а всё-таки не хочется быть обезьяной. Всё-таки эта перспектива не фонтан. Всё-таки не в джунглях живём. Злоба сегодня – не выгодна! Вот мой дядюшка именно от этого и выигрывает. Его доброта – основа предпринимательства!

– Да брось ты!

И нечего бросать! – вяло возразил Аполлон. – Даже если ты писатель, а не пис-сака, то у тебя может быть только одна задача – сделать мир хоть чуточку доброжелательней. А значит – богаче! Зло – это скудость! Ущерб! И бедный сосед – опасный сосед! А когда богатых большинство, а бедных нет вообще, да ещё два или три поколения пользуются накопленным и приумножают его, то страх потерять исчезает. Да просто сытый всегда добрее голодного! Тут, я думаю, дух и физиология – разные формы одного и того же. Слово “добро” почти всегда взаимосвязано с добром материальным. Великое целесообразие и гармония!

Аполлон умолк. Голова у него продолжала раскалываться от боли, а разглагольствования хоть как-то отвлекали. И поскольку Федя не возражал, а, глядя в окошко, тоже старался отвлечься от своей головной боли, то он продолжил:

– Недобрый и жадный понятен. Он хапает! И от этого у него целый букет всякой гадости. Гораздо больший, чем у чистой обезьяны. И всё из-за попавших не к тому, к кому нужно, мозгов. А добрый среди злых – загадка. Откуда у него щедрость? Я думаю, доброта – это здоровый божий прорыв сквозь нашу хапальную дурь! А возьми удовольствия! Без них-то тоже никак! И тут целесообразие! А как же! Иначе даже сиюминутный смысл теряется. Потому, что удовольствия – индикатор. Сигнал! Самореализация произошла! Конечно у одного дважды два – и кайф! Хапанул – и зубами к стенке! И никуда уже не надо двигаться. А у другого – стимул. Для дальнейшего...

– Докопался-таки до смысла...

– Да не надо было ни до чего докапываться. Все законы – вот они! Вокруг! И не лупай глазами! Не смотреть надо, а видеть! И не ищи того смысла, который реален для другого измерения и другой формы бытия. Здесь, – только через тернии к звёздам! Но через тернии, а не через кровавые сопля! И знаешь, что я думаю? Когда это социалистическое извращение разрушат, то подёргаются, подёргаются в уже вроде бы более логичном капитализме и его звероскотинизме и опять вернуться к той же любви, к тому же добру и бескорыстию. Через религии, марксизмы-ленинизмы, демократии – неважно! И так будут прыгать до тех пор, пока окончательно от шерсти не избавятся. Потому что смысл бытия осущес... осуществляется только через живое общение, а не через хапанье. И качество общения друг с другом и миром – наш счёт перед собой и этим... как его... ну пусть Богом. Даже не уходят с постов и работы на пенсию чаще всего оттого, что подсознательно или сознательно боятся потерять иллюзию своей полноценности в общении. А некоторые как уходят, так и дуба дают. На производственном, узко профессиональном уровне вроде бы самореализовались, а на человеческом не успели. Или не смогли. Или не хотели. А человеческий – главное! Вот Лев Толстой это понял...

– Еще бы!

– Но промахнулся!

– Да-а?

– Ещё как промахнулся, хотя и был граф! А может быть, как раз и потому, что был граф! Он только на человеческое в человечестве ориентировался. А людей-то – раз, два и то сомнительно! В кого ни ткни – или зверь, или скотина. В большей своей части! И никто не хочет этого признавать в открытую. Все притворяются людьми. Но до первого шкурного интереса. И тех, кто Лёвушкино мировоззрение приняли за абсолютную истину, жизнь несчастными и сделала. Порвали их в одночасье ближние, да ещё и в душу нахаркали! С Христом то же самое получилось. Тот тоже непротивление проповедовал и всепрощение. Прекрасно и замечательно! Но только для людей! А для тех, кто есть и кто хочет всё-таки стать ЧЕЛОВЕКОМ должно быть сначала конечно «Возлюби ближнего, как себя самого!», а потом обязательно «Не позволяйте злу торжествовать!». С любовью, но воздаяние! И карающее и оно же вознаграждающее! И главное – неотвратимое! И никаких правых и левых

щёк! Безднаказанность рождает вседозволенность, а вседозволенность беспредел и разрушение. Гибель! А милосердие и прощение к врагу может быть только к поверженному! Или обращённому в твою гуманную веру! Это же элементарно! Свернули всем мозги так, что прописные истины – опять новость! Так вот вроде бы увидели ребята истину, определили смысл существования, а методы и способы реализации этого смысла у них оказались пшиковые. Пустые номера! Не стыкуются с тем, что есть! Мало почвы для зерна! Не прорастает! Так же и коммунисты. Одним махом захотели всех сделать одинаково счастливыми. Причём тут наоборот – плюнув именно на всю мизерную, но всё-таки человеческую в нас часть. Поголовно! Как скотину! Насильно! Где все – ноль. И вождь и дворник. И у них, и у графа, и у Христа ни черта не вышло!

– С коммуняками что-то не похоже...

– Да всё! Конец! Уже давно началась агония. Никому не нужна болтология! Поступки нужны! От которых этому человеку, или этому живому существу, или этому уголку природы будет хорошо и радостно. Каждый день! Каждую минуту! Чтобы это перешло в привычку, в характер, в судьбу. В генетику! Тогда не нужно будет постигать истину – она станет очевидна. Но это для тех, кто хочет быть ЧЕЛОВЕКОМ. А для остальных – только уголовный и гражданский кодекс!..

Перед машиной мелькнул какой-то зверёк, и Аполлон притормозил.

– Вот пробежала какая-то тварь, и я автоматически притормаживаю. Это же элементарно! Это же так естественно! Но и поступки поступкам – рознь! Какую пользу и радость приносили истинные комсомольцы тем, что жгли себе пятки, готовя себя к мукам борьбы и испытаниям? А? И это бы ещё ничего! Пусть бы они были готовы умереть за идею – это, в конце концов, дело личное и интимное. Но их готовили к тому, чтобы убивать за идею. Вот где ужас!..

– Комсюки и коммуняки!.. Сами себя сожрали и всех заставили это делать. Ненавижу! Ненавижу их люто! Их слепоту!..

– Ты? С каких пор?

– Всегда!

– Ну, во-первых, настоящих коммунистов и комсомольцев вырезали, постреляли и сгнобили давным-давно, а эти – потомки тех, кто выжил оттого, что молчал в тряпочку, голосовал “за”, да охранял в лагерях и сажал. А во-вторых, как же тогда твой социализм?

– Да похоронили вместе с лучшими – всё лучшее. В Швеции, Дании, Швейцарии, Норвегии, Нидерландах, Англии и даже в Сингапуре признаки социальной защищённости уже давным-давно есть! Без этих болтунов... Вот их добренькой болтовнёй и вымощена дорога в ад. Не знаю – легко ли твоему доброму дядюшке...

– Легко быть только покойником! И то это гипотеза!..

– Вот! Делаешь добро – отвечают злом. Даёшь займы – не возвращают. Да ещё и начинают тебя же и ненавидеть как кредитора. Как свидетеля своей слабости. Тьфу!..

– Но ты же всё равно продолжаешь давать и улыбаться как ни в чём не бывало?

– А как же! Грешен! Каюсь! Тоже совершаю насилие. Но над собой! Вот тут действительно, – «Через тернии...». Так и хочется сказать: «Что ж вы, ребята?..». Но я не Бог. Вот и делаю вид, что не помню и не понимаю ничего. Да и что толку от нотаций? Мизер! Среда!.. Система!.. Ситуации!.. Карёжится ЧЕЛОВЕК! Раздавливается! Превращается в грязь, в слизь. В протоплазму! Это же сколько усилий надо прилагать сегодня, чтобы всегда оставаться хоть каким-то ЧЕЛОВЕКОМ и окончательно стать им завтра. Конечно ты прав! Тем более, что тут есть и моё, и Ньюино, и... Да о чём говорить? Я тоже не могу сокрушить эту зверину. Но могу хоть что-то сделать кому-то. Пусть для меня невыгодное. И делаю! И никакого предпринимательства в этом не вижу. Хотя кто его знает... Мелькает иногда почти коммерческая мысль: «что посеешь, то и пожнёшь!»... Пусть думают, что вот, мол, дурак, но пусть и почувствуют, что от этого дурака им хорошо и радостно. Где-нибудь, да проблеск и появится. Не может не появиться! Хотя сегодня я на полном серьёзе готов был убить.

– Неужели мог?

– Мог!

Последнее слово было сказано так, что Аполлон обернулся.

– Действительно... – пробормотал он озадаченно.

ШТИЛЬ

(день первый)

Джипы носились по городу, как очумелые. Один из них как-то даже пристроился к самоделке, и ещё немного – и друзья были бы опознаны. Но всё обошлось. Аполлон вовремя вывернул в какой-то проулок и каскадёрским методом ревущего форсажа и зигзагов ушёл от преследования.

– Всё! Надо на пять-десять дней залечь куда-то! – на другой день после погони сказал он. – Я узнал, чьей компании эти джипы и кто в нас ножички метал. Бес! Это пацанская кличка некоего Олжаса – сына большой партийной кучи! Этот так просто не отвяжется.

– К Светке! Едем к Светке в «Олимпиец»! – сразу предложил Федя. – Она же всё время нас приглашает!

– Точно! Ей как раз музыкант нужен. Я и поиграю, – обрадовался Аполлон.

– А я так вообще как сыр в масле там буду... – по кошачьи облизнулся Федя.

Тут автор позволит себе сделать небольшой прыжок назад для кое-каких пояснений. Помните, как на базе завода герои попытались набрать полные легкие воздуха и размахнуться, да... да ни черта не получилось! И не у них одних. Попробуйте и вы, и у вас тоже ничего не получится. Потому и квёлые все, что с самого детства только наберёшь воздуха да попытаешься хоть что-то своё, а тебе – шарах! Да ещё и со всех сторон, вплоть до изнутри, ни к селу ни к городу, всё той же самой замороженной многострадальной совестью.

Конечно, в клубе дела более или менее наладились. Продолжая кадровую политику доктора, Аполлон насытил штат руководителей кружков опытными профессионалами. И хотя для этого пришлось пойти на финансовый риск и нарушения, так как, в основном, это были совместители, а платить им надо было как основным работникам, но зато результат был налицо. Однако, как только в клубе дело пошло, интерес к нему упал. Мало того! Считая, что его программа тут практически закончена и самореализация исчерпана, Аполлон стал даже подумывать об отъезде из Алма-Аты. Собственно, и на Капчагай-то он поехал, чтобы напоследок посмотреть – что это за хвалёное взморье, которое под боком и которое он ещё не посетил.

Посмотрел!..

Одно только ещё радовало героя и удерживало от радикального решения – это Федя и его взаимоотношения со Светой. Благоприятное влияние этого контакта на друга стало даже наводить на ещё одну мысль: «А не жениться ли самому по новой, но уже не так опрометчиво, как в прошлый раз!». И уже эта мысль вызывала пристальное внимание... Нет, не к девушкам! Они у героя были и гвоздя программы не составляли. Внимание героя обратилось к детям. Видимо, тут включилась программа отцовства с творческой возможностью вылепить из дитяти то, что не удалось вылепить из себя. Аполлон всё чаще и чаще говорил Феде, что всем им, подрезанным и пришибленным взрослым, вряд ли что удастся, а вот дети, может быть, что-нибудь ещё и успеют.

– Смотри, как они живут? На всю катушку! Вот он – смысл! Вот она – максимальная самореализация!

– Да уж! – возмущался Федя. – Вот такие, каких мы встретили в скверике, и самореализовываются...

– Ерунда! – парировал Аполлон. – Естественный отсев. И потом, кто-то побалуется и плюнет. И в наше время, и всегда кто-то в седьмом, а то и в шестом классе рожал, кто-то стрелялся или вешался, кто-то в тюрьму попадал, но большинство-то всё равно жило и живёт нормально.

Ну что сказать? Может быть, и прав Аполлон, а может быть, и нет, но факт остается фактом: дети растут быстро. Каких-нибудь несколько лет – и они уже совершенно взрослые равные нам члены общества. Вот поэтому не только будущее, но уже и настоящее зависит в большой степени от них, а наша главная задача – во-первых, не мешать, а уже, во-вторых – помогать и подсказывать. И хорошо, что нет у них ни нашего скорбного опыта, ни комплексов. И не надо с утра до ночи пугать их жизнью и рассказывать всякие жуткости.

Ясно, что от жизни умирают, но ведь никто абсолютно точно не знает – куда мы как личности деваемся после смерти и где были до рождения. Вот, может быть, в этой неуверенности и есть наше спасение. Наша гарантия, что мы ещё потрем крыльями и плюнем в глаза тому, чему просто необходимо плюнуть, дабы почувствовать себя ЧЕЛОВЕКОМ, а не винтиком и, уж тем более, не скотиной или зверем. Все корни наших пороков и достоинств – в детстве! Все разгадки всех ребусов и ответы на все вопросы – в детстве! И, увы, вся наша цивилизация – слепоглухонемой ребёнок!

И вот уже Аполлон и Федя встретили Свету... Вот она о чём-то жарко с ними спорит... Вот Аполлон махнул рукой и, остановив такси, пригласил в него Федю и его подругу... Вот они подъехали к домику Наума Аркадьевича... Вот пересели в задержавшийся в прокате из-за болезни Султанбаева самодельный автошедевр... Вот свернули на Талгарскую трассу... И вот покадровый видеоряд закончился, а жизнь продолжается!

– Представляете, санэпидстанция зыркнула и укатила! – щебетала Света. – “Месяц будете пахать, прежде чем мы этот свинарник примем!». Это предыдущая смена нагадила и, как это принято у нас, за собой не убрала. А наши «трудные» за полдня и ночь всё вылизали. Они и на учете в милиции, и семьи у них не дай бог, а вот...

– Так там что у вас – филиал исправтрудколонию? – спросил Аполлон и отметил про себя, что бензина маловато.

– Да что вы, Аполлон Александрович! Нормальные ребята! Комсомольский штаб и пионерский актив!

– Хорошенькая рекомендация! Хайль гитлерюгенд! – застонал Федя.

– Не надо! – обиделась Света. – Это только вывеска. Иначе с нами никто и разговаривать бы не стал. Я же сказала – нормальные ребята. Это Гитлер готовил солдат-роботов, а нам нужны личности! И с «трудными» мы не один год уже работаем. В лагере они у нас самые-самые... Вся дисциплина на них!.. И, знаете, как закрутили? Блеск! И по лагерю будут дежурить, и во время дискотек, и даже ночью...

– И в каком возрасте эти ваши дежурные? – опять спросил Аполлон.

– Кому шестнадцать... кому семнадцать...

– Самый возраст по ночам бдеть!

– Ой, Аполлон Александрович, им не до этого! – уверенно отпарировала Света и продолжила: – У нас уникальная ситуация – в руководстве одна молодежь!

– Как же так?

– Да старички по отпускам разъехались. И тут райком комсомола нам чуть было всё не испортил – хотел свои кадры подбросить. Но, слава Богу, всё обошлось... Мы им звоним и просим помочь с аппаратурой, а они – нате вам!.. Мы, значит, почти год готовились к этому сезону: и ребят подобрали, и отряды сформировали, и планы составили, а они на готовенькое

решили... Как всегда, покомандовать захотели да всё на себя записать. Распределители!.. Мы даже опрос общественного мнения проводили в течение года. Выясняли у ребят, что им нужно будет в этом лагере. Ну, чтоб всё интересно было... чтоб по уму... Так все были против комсомольского руководства!

– Аппаратуру-то дали? – теперь уже спросил Федя.

– Что ты! – махнула рукой Света. – Это контора ещё из тех... Ни музыканта у нас нет, ни аппаратуры для дискотек. Даже автобусы доставали через районо. Но ребята обещали что-то с магнитофонами придумать. Ну и на гитарах несколько человек играет.

Света ненадолго замолчала и тут же снова взорвалась:

– Только их авторитаризма не хватало при нашем самоуправлении! У нас же не только комсомольский штаб, но и пионерский! Младшие должны учиться у старших, а чему они могут научиться у этих «ответственных»? Кричать разве что... Есть ещё и отряд октябрят. Им вообще лучше не знать, что такие существуют... Одного нам, правда, подсунули. Сексота! Комиссаром! Но бог с ним! Мы просили сторожа для охраны по ночам, вот ему и придумали должность, чтоб амбиция не пострадала.

– Сторожит? – опять спросил Федя.

– Как суслик в норе! Зато на линейке самый громкий голос его!

– Наконец-то сбылась твоя мечта, Светка. Судя по захлёбу, ты как рыба в воде, – улыбнулся Федя и поправил локон подруги.

– Ой, не говори, Фен!

– Фен? – удивился Аполлон.

– Это она меня теперь так кличет, – опять добродушно улыбнулся Федя.

– А-а! Ну, тогда, конечно... дело семейное... – тоже улыбнулся Аполлон и с удовольствием посмотрел в зеркальце заднего обзора на друга и его подругу.

Талгарская трасса была насколько живописна, настолько узка и перегружена. Сразу же за колхозом имени Мичурина, в бывшем цветущем хозяйстве, а теперь жившем лишь памятью великого селекционера, справа и слева потянулись яблоневые сады. С юга они были ограничены слоновьими предгорными складками, постепенно переходящими в заоблачные пики. Кроны придорожных карагачей местами почти сходились над многострадальной серой лентой шоссе, и лишь мерзкая шершавая бетонность оросительного канала напоминала о том, что и здесь на природу совершилось покушение. Это, безусловно, было чудо современной инженерной мысли, так как из него по всей длине очень весело и быстро капало и текло. Оно – это чудо – высосало почти всю воду из верховьев реки Талгарки, чем породило хронически пустое и унылое русло и острый водно-поливочный дефицит для несчастных владельцев приусадебных участков.

Но вот сады и веси закончились и автошедевр пересёк границу Талгара – маленького пыльного городка, где правил бал сатана в многоликом образе поставщика мясопродуктов. Автомобиль лихо промчался по парадным улочкам, являющимся одновременно продолжением автомагистрали, спустился вниз к весьма скромной церквушке, больше похожей на амбар, чем на храм божий, и через пару минут въехал в ворота уже известного нам «Олимпийца». Там он тут же был облеплен юными суперактивистами, что было так естественно, что друзья даже не обратили на это внимания, хотя автомобиль щупали и гладили очень даже и очень. Они сразу же направились к пионерской комнате, где начальник смены, Марина Хан, заканчивала обсуждение с активом лагеря вечернего мероприятия – обязательного для отчета праздника строя и песни и необязательной, но очень желательной последующей массовки, где Аполлон должен был играть роль аккомпаниатора, а Федя – массовика-затейника.

Через пару часов ребята, слегка подтрунивая и комикуя, вышагивали, пели во всё горло и удивительно чётко... нет, даже слишком чётко разворачивались, а после оказавшейся не такой уж и скучной официальной части с упоением танцевали и играли... Во что только они не играли! Феде даже не пришлось и пальцем пошевелить – всё само собой крутилось и вертелось. Взрывы хохота, восторженные выкрики, песни, с легкой аккордеонной руки Аполлона самые различные, шум и гам – всё это было.

Хорошо прошёл вечер. Честное слово – хорошо! Все были так довольны друг другом, что Марина отступила от режимных шор и разрешила старшим ребятам посидеть после отбоя у костра. Те тут же взяли одеяла и гитары и обосновались чуть выше лагеря – на традиционной самодельной костровой площадке около речушки. Взрослые тоже развели костерок, но прямо за корпусами на горе. Там они заварили крепкий чай и, сдобрив его тем, что у кого было, устроили второй ужин.

Кто сидел у костра отдохновения (а кто не сидел у него?), тот знает, к какой творческой и лирической атмосфере располагает он. Чего только не услышишь, чему только не удивишься! И песни, и анекдоты, и рассказы... А так как место действия было дачное и, главное, советское, то постепенно темы повествований всё более и более съезжали к продовольственным, и в частности – к скандальнейшему вопросу: «Почему жрать нечего, когда страна напичкана и полезными ископаемыми, и пашнями, и мозгами, и бог его знает, чем ещё?».

– Бросьте! – наконец не выдержал Федя после того, как одна из воспитательниц заявила, что все бездельники и потому не хотят в земле копать. – Не в свои сани не садись! Каждый должен заниматься своим делом. И потогонщина к прогрессу не ведёт! Наши предки в пятилетки все пупы надорвали, и что? Богаче стали? Шиш! Всё уже было, и всё уже пробовали. И пахать всем городским миром пробовали, и свинушек разводить, и из одного котла хлебать. И разъезжались, в конце концов, в лучшем случае, чудными тёплыми вечерами, по английски – не прощаясь. И природа была изумительна! А над всеми тучными частными садами и огородами звенело и плакало такое городское и близкое: «Мой костёр в тумане светит...».

– Тургенев! – рассмеялась Света.

– Всё равно Оля права – бездельники мы все! – задумчиво не согласилась с Федей Елена Середя – работоголик с рождения и подруга первой воспитательницы. – Деревню поднимать надо!

– Опять? – ещё более жарко вскричал Федя. – Опять эта дидактическая муть! Сколько можно? Трогать деревню не надо! Мешать не надо! Помогать – пожалуйста, а мешать – ни-ни! Трудолюбия в нас нет, того нет, сего нет... Чушь! Всё это чушь! Смысла нет – вот и всё! Вот я – лентяй из лентяев, а корплю каждую свободную минуту над своими рукописями. Пусть кто-нибудь скажет, что это не работа, пусть попробует жить так же! Это тебе не то, что сходил в присутствие или на производство – и получишь в конце месяца зарплату. Тут, может быть, только после смерти какое-то признание и копейка появятся... Трудолюбие должно быть следствием смысла, цели какой-то, а не наоборот. Чего там, в селе, поднимать? Кого? Рабов над рабами? Там же рабство кондовейшее! В городе тоже не свобода, но поругался – уволился – в другое место устроился. А куда в деревне бежать? Председатель колхоза или совхоза – хан. Управляющий – бай. Бухгалтеришко, учётик какой-нибудь задрипанный – эмир бухарский! А секретарь райкома – чистый император, во всём своём пиджачном блеске в “Волге” лоснящийся. А почему? Потому что всё государственное! То есть ихнее – государственных людишек. Вот если бы земля была моя, ферма моя, трактор мой – плевал бы я тогда на них с высокой полки!

– Не на кого было бы плевать, – усмехнулся Аполлон.

– Ну да! Это же естественно! Раб и люмпен – никто! Никто ничто и производит! А имеющий свою, честно заработанную, собственность способен с уважением относиться и к чужой. Так же, как имеющий личное достоинство с уважением относится и к другому. А то истребляли чувство собственника! Калёным железом выжигали! Тут наша одна знакомая правильно говорила: ничего природное истреблять нельзя! Надо цивилизовывать и развивать! А собственность – тем более. Её нужно увеличивать до уровня, когда она исчерпывает разумные потребности личности и начинает служить всем. Все уже рождаются собственниками. Я – это я и принадлежу только себе! Так что даже «ты мой» или «ты моя!» – литература. Нет этого! Просто не может быть! Ни физически, ни психологически!

– Да-а? – удивилась Света. – А мы с тобой?

– Союз двух свободных «я», добровольно отдающих себя в аренду друг другу с обоюдной пользой и удовольствием и, может быть – навсегда, а может быть и во временное пользование.

– До первого скандала, – добавил, смеясь, Аполлон. – Страшные вещи говоришь, Фёдор Петрович!

– Да ничего страшного! Наоборот! Вы даже не представляете, до чего это здорово, правильно и интересно! Это же путь к истинной любви, которая, действительно, дитя свободы. А свобода не только капризное дитя права выбора, но и дитя ответственности и созидательной меры. Опять же – личной, а не учрежденческой! Так что скандалы скандалами, а перспектива перспективой. А перспектива – в союзе. И двух любящих друг друга, и каждого со всем миром. Пусть мы все только попутчики, но пусть – счастливые!

– Ну, замудрил... запел... – покачала головой Света.

Воспитательницы молчали. Шквал и обилие аргументов были для них неожиданными. Около затухающего костерка стало тихо. Один только знакомый нам Чайка-Трезвяк что-то пьяно бурчал себе под нос и тыкал палкой в искрящиеся угли. Хотя в лагерных сменах он лишь пил и спал, но его и на этот раз взяли. На всякий случай. Мужчина все-таки!..

– Зато воздух тут! – вдруг вполне внятно сказал он. – Пузырь раздавишь – наутро как стеклышко. Свет и чистота!

– Да уж... – брезгливо заметила одна из воспитательниц и отодвинулась от Серёжи.

– Ну-ну, девочки! – примиряюще сказал Аполлон. – Каждый имеет право на собственное мнение, и в каждом мнении есть доля истины.

– Правильно! – поддержал друга Федя. – Весь вопрос только в процентном соотношении этой доли к оставшемуся. И вообще, утро вселяет надежду, вечер – желание выспаться!

– Э-хе-хе-е... – зевнул кто-то.

– Путём... Всё путём... – уже снова почти внятно пробормотал Чайка и, подбросив в костёр веток, полуприлёг.

Пламя весело заиграло, и Федя продолжил:

– Застрял я как-то в провинции. В глухомани. Не в разваленной, как обычно, а в процветающей. Крепкие тут были хозяева. Богатели всё той же землёй, которую как-то оттяпывали у государства. Ну, видимо, потому, что слишком далеко от центра. А мне – тощему интеллигенту – богатеть было не с чего. Окладишко, сами понимаете, хоть работай, хоть не работай, – константа. В городе вроде терпимо – театры, кино, гастролёры... Не особенно их посещаешь, но всё-таки отвлекают как-то возможностью посетить. А тут мысли одолевают. О бренности! От безденежья! Философия одолевает от всяческой изначальной невозможности. Ну и решил я хозяйством заняться...

Довольно любопытное повествование захватило всех. Чайка-Трезвяк даже зажмурился от удовольствия, сладко потянулся и, когда открыл глаза, то крикнул – он попал в рай. Но не в сельскохозяйственный...

– Каждому своё! – снова крикнул он и, ничуть не удивившись, довольно огляделся.

То, что это был рай, Серёжа не сомневался, потому как представшая перед ним картина была бесконечно мила сердцу рыцаря беспробудного алкоголизма. И пока там – на земле – все внимали безысходному ужасу и грязи деревенского социалистического бытия, да ещё и для инородного тела представителя городской интеллигенции, то тут, в центре рая, стояла необъятная прозрачная реторта, в которой всё время приятно булькало. Под одним из змеевиков, струящимся из реторты, лежал пожилой ангел. Со звуком падающих в колодец капель в его широко раскрытый рот резво шлепалась подтекающая из трубы жидкость. Время от времени ангел шумно всасывал носом воздух и занюхивал жидкость рукавом. Второй

ангел, ещё совсем молодой и неоперившийся, сутился у густого сплетения змеевиков поменьше с вентилями и табличками: «Экстра», «Русская», «Столичная», «Сибирская». Особняком аварийно струился алый змеевичок с надписью «Посольская». На нём болталась на шпагате весьма внушительная сургучная пломба. Ангел занимался очень знакомым Серёже делом: вытащив из-за пазухи грелку, он наполнял её жидкостью из-под крана с табличкой «Пшеничная». Над багровыми носами занебесных тружеников сверкала и переливалась фиолетовым цветом божественная аура. Серёжа скосил глаза и с удовольствием узрел и над своим нюхалом такое же освещение.

– Привет, коллеги! Вахта как? – лихо начал он знакомство с занебесными кадрами.

– Нормально! Как всегда! Железный ритм! Порядочек! Буль-буль – и «На-гора!» – качнулся неоперившийся.

Оценив плавность и поэтичность неземной речи, Серёжа опять крикнул и, продолжая ничему не удивляться, заговорил в рифму:

– Молодец – молодёжь! Ну а ты, старик, пьёшь?

Пожилой скосил свои ангельские буркалы и выругался:

– Аль не видишь, баламут, – экономлю я продукт! Прошёл ремонт текущий, а капает всё пуще! Пропадать добру не дам! Пропаду пушай я сам!

– Буль-буль-буль-буль-буль-буль-буль-буль! – застучали скопившиеся за время монолога капли, и Серёжа ещё раз крикнул:

– Молодец, старый хрыч! Работай – не хнычь!

Неоперившийся нюхнул грелку, сделал глоток и сморщился.

– Что ты морщишься, студент? Мал тебе ассортимент? – удивился Серёжа.

– А! – махнул рукой неоперившийся. – Что «Пшеничная», что «Столичная»! Их сам чёрт не разберёт, если он, конечно, пьёт!

Грелка зашевелилась, и из неё выглянул легкий на помине чёртик.

– Цена-то одинаковая – это знать пора! – чирикнул он.

– Чур-чур меня! Ох, видимо, нельзя мне пить с утра! – вздрогнул неоперившийся ангел и торопливо перекрестил грелку, на что чёртик лишь презрительно сплюнул, а Серёжа подмигнул нечистому:

– Постой, студент, не мельтеши! Не бойся – это свой!

– А если так, тогда скажи – вкус почему такой? – не успокаивался неоперившийся.

– Какой?

– Да одинаковый!

– Не может быть!

– Всё так! – сказал чёртик и выпрыгнул из грелки.

Серёжа озабоченно потянул носом:

– Продукт, похоже, шлаковый... Сгорел пшеничный злак!

– Салаги! Так... вашу... растак!.. Пошёл не шлак! Пошёл «Арак»! – раздалось из-под змеевика, и пожилой ангел, лихо подставив вместо себя банный тазик, выбежал к вентилям.

– Какой «Арак»? Голимый брак! – не успокаивался Серёжа.

– Так этот брак и есть «Арак»! – взревел пожилой. – Перепутали краны! Ох, уж эти пацаны!..

Ангел сорвал таблички, закрыл глаза, сосредоточился и, конвульсивно вздрагивая, начал тыкать пальцем в вентиля и ставить таблички на положенные места:

– «Пшеничная»! «Столичная»! «Сибирская»! «Арак»! Тут «Русская» – отличная!

– Ну, экстрасенс! Ну, маг! – восхитился неоперившийся.

– Класс! – поддержал Серёжа.

– Вуаля! Эх, вашу так!.. – гордо выпятив грудь, бросил пожилой и щёлкнул пальцами: – «Посольскую»!

Неоперившийся испуганно съёжился и нерешительно протянул:

– Печа-ать...

– «Посольская» – вот самый смак! А на печать – плевать! – обрезал пожилой и властно добавил в сторону Серёжи: – Тройник, коллега, живо! Отметим это диво!

Серёжа, стыдливо потупясь, извлек из-за пазухи кран с тремя выходящими из него красными трубочками.

– Рраз! – ухнул пожилой и оторвал кран с plombой.

– Два! – ухнул Серёжа и ввинтил свой.

– Налетай, братва! – радостно заверещал чёртик и захлопал в ладоши.

Все трое тут же прильнули к трубочкам и зачмокали.

– А мне? А мне – нечистому? Хоть граммочку подкинь! – расталкивая присосавшихся, завопил чёртик, на что пожилой ангел лишь просвистел краем рта:

– А ну, студент, ответь ему!

– Да провались ты! Сгинь! – махнул неоперившийся и лягнул чёртика в копыто.

– Ах, так!.. – обиделся тот. – Ну, алкоголики! Устрою вам я колики! Эни бени ряба... Квинтер финтер... баба!

Нечистый хлопнул в ладоши, и тут же рядом с ним материализовалась худая, лохматая и желчная фурия в очках. Распинав пьющих и накрутив хвост чёртика на руку, она закричала так, что с потолка рая посыпалась штукатурка:

– Негодяй! Подлец! Бандит! У меня же план горит! Это что ж творится тут? Жрёте экспортный продукт? Подведу всех под статью!

– Я при чём здесь? Я не пью!.. – пожал плечиками чёртик и исчез.

– Всех под суд за этот кран! – выкрикнула фурия, на что пожилой ангел заметил:

– Всех посадишь – как же план?

– Обойдусь без вас я, воры!

– Воры? Что за разговоры? – удивился Серёжа.

– Мало здесь шары зальёте – по домам ещё несёте! – продолжала фурия.

– Клевета и наговор! – уже решительнее буркнул пожилой, а неоперившийся тут же спрятал грелку за пазуху и поддакнул:

– Кто не пойман, тот не вор!

– Ах, вы так... Ну что ж, отлично! Я поймаю вас с поличным! – крикнула женщина и, исчезая, материализовала вместо себя огромный компьютер с множеством железных манипуляторов и светящихся экранов.

– Это что за рукомойник? – ещё раз удивился Серёжа.

– Ишь, мигает, паразит! – отшатнулся пожилой. – По-той-ти сюта, распойник! – с иностранным акцентом проскрипел компьютер и протянул к пожилому манипулятор.

– Мужики, он нам грозит? – ещё больше удивился Серёжа.

– Не бойсь-ка, старики! Это дело нам с руки! – ухмыльнулся неоперившийся ангел и вытащил из-за пазухи огромный ржавый гвоздь. – Вмиг отправим на тот свет! Гвоздик в дырку – и привет!

– Диверсант! Не дам! – закричала женщина и снова начала материализовываться перед компьютером.

– Постойтэ! – остановил её тот и ловко выдернул сначала из рук неоперившегося гвоздь, а потом из-за его же пазухи грелку. – Это мне интэрэсант! Фотка в крелке?

– Э-э, не троньте! – засопротивлялся тот, но компьютер успокоил его:

– Ви, конечно, есть талант! Но приносим извиненье – получите уфольнение!

Электронное чудо застучало, затряслось и выбросило прямо в руки неоперившегося трудовую книжку.

– Ну, кастрюля! Ну, даёт! Грелка водки – и в расход! – развёл руками Серёжа.

– Вот что, эту трясогузку мы возьмём на перегрузку, – успокоил совершенно растерявшегося юного ангела пожилой. – Она рассчитана на граммы. На наш масштаб в ней нет программы.

– Гениальная мысль! – обрадовался Серёжа.

– Вуаля! – выпятил грудь пожилой, и из-за реторты прямо к нему в руки выкатился огромный булькающий баллон от заднего колеса трактора “Беларусь” с вентилем.

– И-и раз! И-и раз! Ну, кастрюля, – фас, фас! – закричали все и начали раскачивать баллон в сторону врага.

– Грандиозо! Миль пардон! Я не фидержу паллон! – затрясся тот, и его экраны налились вишнёвым цветом.

– Прекратите, изуверы! Это лучший образец! – опять закричала женщина и окончательно материализовалась перед компьютером.

– Ну и что? – закричали в ответ ангелы и особенно сильно качнули баллон в сторону уже дымящегося электронного чуда.

– При-мы-тэ мэры... – прошелестел тот и рассыпался на атомы.

– Всё! Не выдержал! Конец!.. – сказала женщина и тоже рассыпалась.

– Урра-а! – закричали все не в рифму и не в ритм, и рай рухнул в тартарары, а Серёжа вернулся на землю.

– Доброй ночи, Серёжа! – трясли его Федя, Аполлон и Света.

– А что, все уже ушли? – лихорадочно и виновато забормотал побывавший на небесах и, вскочив, начал затаптывать ещё тлеющие угли костра.

– И ушли, и пришли, и пора вам устраиваться, – сонно протянула Света.

– Ну, я сон видел... Вещий! – продолжал бормотать Трезвяк, и угольки только потрескивали под его штиблетами. – А вы тут всё про закуску... Про курочек, гусочек, свиношечек... Я слышал, слышал... Я и во сне, и тут... У меня, как у Наполеона, организм! «Поросёнок – чав-чав-чав-чав! И не то, что не жиреет, – не растёт!. Полгода прошло – как был поросёнком, так и остался! Находка для этих...» Как их... гермен...

– Геронтологов! – подсказал Федя.

– Вот именно! Чудики!.. Но у меня жизнь, конечно... Звезды! А как я стихами во сне разговариваю! Ну, это... Вы со мной пойдёте или у себя спать будете?

– С тобой, с тобой! – уже нетерпеливо сказала Света. – Я вам всё приготовила...

Аполлону и Феде предоставили отдельные апартаменты, но они отказались ночевать в них. Что-то им там не приглянулось. Друзья взяли матрацы, подушки, одеяла, постельное бельё и расположились на горе, рядом с зелёной резиденцией Трезвяка, который в лагере спал из-за хронического перегара только на воздухе. Попросив Свету к завтраку их не будить, Аполлон, Федя и Серёжа укутались и, блаженно глядя в звёздное небо, уснули.

Попал ли Серёжа снова в свой или какой-нибудь соседний рай, мы не знаем, но, судя по хихиканьям, временами раздающимся из-под одеяла, ему было хорошо. И не только ему! Удивительная благодать струилась повсюду. В беседке у лагерной арки кто-то кого-то бережно и вполне цивилизованно любил, на кухне ленивый жирный кот скучал у миски со сметаной, в траве очень мягко и приятно стрекотали и шуршали насекомые, и даже собаки из соседних дач потягивали как-то ласково и дружелюбно.

Жизнь – была!

ШЕФ

Идиллия продолжалась не долго. Миска со сметаной подпрыгнула, и из неё выплыла дырка от бублика. Она ткнула кота в морду, на что тот неожиданно миролюбиво мяукнул и, упав на спину, заёрзал от удовольствия. И тут на кухне появились мы, чем уже напугали кота чрезвычайно. Раньше, в частично независимой от героев личностной форме, мы были невидимыми – ну, что ли, сгустками какой-то энергии, – и жутко вздрагивали и шарахались в сторону пока немного не привыкли к тому, что вдруг кто-нибудь проходил через нас или что-нибудь проезжало или пролетало. Теперь же произошла полная персонифицированная материализация с одновременным сохранением богоподобных функций присутствия везде и всегда. И хотя у духов или фантомов (неважно – материализованных или нет!) вроде бы

ничего нет, за что можно было бы зацепиться на этом свете как следует, но как сейчас, так и раньше сердце моё очень остро ощущало пощемливание от ностальгии по тому времени, в котором я оказался, но уже не в том возрасте и не в том качестве, когда был здесь впервые. Да и двойник тоже периодически подозрительно щурился и то один глаз, то другой.

– Хватит растекаться слёзной лужею! Всё, что ни делается, – всё к лучшему! – бодро продекламировала дырка и, подлетев к самой большой кастрюле, хмыкнула: – Чистить вам котлы – не перечистить!

– Ещё чего! – возмутился двойник. – Всегда дежурные по кухне скоблили, а тут вдруг мы.

– Да уж! – поддержал я. – Весёленькую работёнку ты нам придумал – лагерь кормить тем, что не успел украсть Кеша.

– Отбросами да гнильём! – подхватил двойник.

– Ну, кашу заваривать и кормить будете не вы. Вы только на подхвате и для видимости. Тем более что даже яйца облупить, как следует, не можете. Что морщитесь, ненасытные вы мои? Радуйтесь, что теперь будете жить в вашей писанине и видимо, и невидимо. Слава богу, то есть опять же мне, программа наконец-то вроде бы сработала до конца, – сказала дырка и, несмотря на своё предположение, начала, так же как и раньше, мучительно превращаться... теперь уже в паренька в застиранном трико, но с белоснежным накрахмаленным поварским колпаком на голове и сверкающим половником в руке.

Пока мы вытягивали его из дырки и уже все втроем опять проклинали какую-то всё-таки не годную программу и уже совсем никуда не годное антивирусное обеспечение, о которых никакого другого понятия не имели, кроме как с его же слов, он, конвульсируя, раз пять саданул меня половником и раза три двойника. И не случайно! Мало того, что Бога время от времени скручивало, как жертву церебрального паралича, но и весь он был явно не совсем доведённый. Одна рука было короче другой, ноги разной толщины и невероятно кривые, огромная голова болталась на тоненькой длинной шее, и глаза были... Ну, урод! Типичный урод, да ещё и больной. Но когда это божественное недоразумение шмякнулось об пол и, преобразившись наконец в нормального, вполне симпатичного паренька, тут же вскочило и радостно заорало: “Довольно жить законом, данным Адамом и Евой! Клячу истории загоним! Левоу! Левоу! Левоу!”, мы разудыбались. Весёлый нрав теперь уже вполне презентабельного юного шефа был потрясающе заразителен.

– Похож на повара? А скоро буду – два в одном! – радостно сказал добрый молодец ещё не адаптированным голосом нашего, совсем не молодого отца и показал фотографию своей теперешней копии. – Оригинал уже в дороге. Материяльчик, конечно, ещё тот... но не впервой! Будем раскручивать и приводить в порядок! В пассиве я в вас всегда, но в активе не часто, не часто... В активе всегда и постоянно вы во мне. Ну-ка, разомнёмся:

Как молодой повеса ждёт свиданья

С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль душой им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам.
Счастливым день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук ещё не полный)
Горсть золота накопленного всыпать.
Немного кажется, но понемногу
Сокровища растут...

Растут сокровища! Точно! Недавно какая-то хреновина прилетает, а оттуда камешки речные, как из мешка, сыпятся. Я таких видом не видывал, о таких слыхом не слыхивал. Разноцветные такие, гладенькие. Увидели меня – и ну верещать! Молиться, то бишь! Балаган! Оказывается, они уже давным-давно куролесят и тоже считают себя единственно избранными, да ещё и почище, чем вы. Так вот, с вашими обезьянами тоже фальстарт произошёл. Типичный комплекс жуткой неполноценности! Не соскучишься с вами!

– С тобой – тоже! – тут же отпарировал двойник. – Как молодым быть – не напрягает?

– А когда я был старый? Старцем меня представляют, чтобы авторитет себе нагнать. “Не расстанусь с комсомолом. Буду вечно молодым!” – пропел уже действительно молодым голосом Бог и, патетически выбросив руку, продекламировал в том же духе:

Кто-то ворчит –

“Холод и сырость!

Дождик стучит,

давит тоскливость!”

Кто-то грустит –

“Песня забылась!

Время летит,

молодость скрылась!”

Я же смеюсь!

Звёзды срываю!

Где-то напьюсь,

где-то страдаю.

Старческий бред

песней развею.

В беглости лет

лишь молодею.

Мне ль унывать!

Пусть дождь и холод!

Мне – цвет срывать!

Я – вечно молод!

Мне – песни петь,

чтоб кровь искрилась!

Мне – жить хотеть,

чтоб радость билась!

Мы захлопали в ладоши, на что Бог повертел пальцем у виска:

– Совсем сдурели! Это же ваше!

– Действительно... – озадаченно пробурчал двойник, а я вдруг такое вспомнил...

– Ну, вы тут посудой займитесь, а я, пока меня не сморило, пойду попрелюбодействую! – то ли подмигнул, то ли просто дёрнул веком Бог.

– Чего-о? – в голос удивились мы.

– Любовью буду действовать! Любовью! – сказал Бог и ушёл, комически вихляя и дёргая бёдрами.

– Опять закадрит какую-нибудь Машку и будет ей тюльку гнать про голубков среди васильков в пустыне, – завистливо проворчал двойник и поднял один из фотоальбомов, сваленных кучей в углу кухни.

Я тоже поднял один и с любопытством и удивлением листал его. Какой-то шутник (или шутница) вклеил (или вклеила) в самые торжественные места порнуху, и, похоже, наши кухонные предшественники (тоже мужчины) притащили их сюда из-за схожего с нашим любопытства. Окая и огокая, мы листали хранителей торжества псевдокоммунистической разнузданности и традиционного сексуального диссидентства, и рвать и метать желания не было. Замечательным образом одно гармонировало с другим, и всё вместе умиляло до чрезвычайности.

Но каждому удовольствию есть предел и тут он наступил быстро. Двойник отбросил очередной альбом и вытащил из-за пояса первое издание моего “Любимца Израиля”.

– Вот тут ты пишешь, что интеллигент и интеллектуал не всегда одно и то же и чаще всего это вообще разные существа. Что интеллигентом может быть совершенно неграмотный человек и даже ребёнок или собачка, а хамом и скотиной – лауреат Нобелевской премии и руководитель государства. Это что, – для красного словца?

– Ещё чего! – возмутился я. – ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ, товарищи, граждане и господа – ЭТО ДОБРОЕ ОТНОШЕНИЕ К МИРУ! И всё! Никаких философских прибаамбасов и других заумных трёпов. А кому надо поподробнее, то это, конечно же, такт и деликатность, это “не навреди!” в каждом движении и слове (за исключением случаев, когда садятся на голову!), и, наконец, это – продукт Божьей любви, а не интернета. Да ты что, до конца не прочёл, что ли? Дай сюда! Тут же всё по полочкам разложено: “Вот тот, кто молится на информацию, – интеллектуал. То есть обыкновенный мешок со знаниями. То есть не у него мешок, как у интеллигента, а он сам – мешок. В лучшем случае это что-то вроде мишурной чепухи для отгадывания кроссвордов и участия в какой-нибудь игре вроде “Что? Где? Когда?”. Неужели неубедительно?

– Когда ты говоришь, то – да. А так вроде промелькнуло – и до свидания!

– Ну, не знаю. Может быть... Факт только тот, что интеллектуал что угодно может болтать, но ущерба себе никогда не причинит – он явный или не явный, но всегда только хапальник. А настоящий интеллигент – сгорает! Одному интеллектуалу я как-то даже стихами ответил:

...Ты на огне лишь руки греешь,

А сам гореть-то – не дурак!

Ты, как пузырь болотный, зреешь

И будешь зреть всю жизнь вот так!

Думаешь, он среагировал? Он даже не заподозрил, что это про него. Ну и чёрт с ним! В конце концов, я писал и пишу прежде всего для себя, а уже потом для дяди, тёти и их дитяти.

– И для меня!

– Само собой! Меня мучают вопросы, и поэтому я ищу ответы, которые, в конце концов, слава богу, приходят. Если то, что я пишу, кому-то близко – его счастье, а для кого чуждо – его проблемы! Мне самому-то до этих ответов расти и расти, и если кому-то всё это до лампочки, то это его дело. Каждый должен выбирать вопросы и находить на них ответы сам. Но конечно: «Учись, мой сын! Науки сокращают нам опыты быстротекущей жизни!». И если в конце этой жизни и в начале какой-нибудь другой кто-нибудь увидит лишь огромный и жирный (или маленький и тощий!) шиш, то, кроме него самого, никто в этом не виноват. Я всегда к шовинизму в боевой стойке, но ты же сам знаешь, что уровни качества были, есть и будут, и их показатели...

– Масштабы творческого созидания!

– Вот! И духовного и материального через духовное! Вот и получается, что свободе и братству всегда – да, а равенству всегда – нет! Нет созидания при равенстве! А поэтому – каждому по заслугам! И здесь – на этом свете! А в этом или другом воплощении – неважно! Здесь для нас ад, рай и чистилище, и нигде более. И нечего надеяться на загробные сказочки (слышали звон, да не знают, где он и про что!) или, опять же, смеяться над ними, которые здесь. Нет для нашего несовершенства других вариантов к совершенству, кроме как эта жизнь. С её механикой подозрительно похожих на наказание реинкарнаций.

– Ну!

– Что ну! – передразнил я. – Что ты-то меня ковыряешь, когда и так всю жизнь ни одного доброжелателя? Любимые жёны – и те при абортированном социализме клеймили нас предателями Родины и врагами народа и хотели сдать в КГБ за антигосударственные и антипартийные высказывания! И ведь не шутили – вот в чём ужас! А сегодня, когда все срочно сменили опарафинившуюся партийную религию на традиционную, они опять «всё поняли!» и с радостью обнаружили в нас дьяволов. Не посидели мы с тобой при жизни в застенках, так будем теперь после смерти на завтрак, обед и ужин лизать раскалённую сковородку.

– Действительно... – согласился двойник.

Я вернул книжку и раскрыл очередной альбом.

– Смотри лучше, какие уголовные рожи яблочками угощаются на этой фотке, да ещё и у развороченных рельсов. А подпись-то, подпись! “Турксиб – БАМ – переключка пятилеток!”. Исторический факт! Ого!..

На следующем развороте среди чёрно-белых фотографий сверкала всеми цветами радуги... нет, не порно, а нечто гораздо более невероятное и удивительное – голограмма Бахайского храма с каскадом лестниц, поднимающихся к нему, и огромной летающей тарелкой, зависшей прямо над куполом. Бахаизм – это философско-религиозное течение, стремящееся к объединению и примирению всех религий и таким образом дарующее миру – мир (замечательное стремление, но как бы с ним не произошло то же, что и с идеями коммунизма на современном этапе!). Так вот, один из штабов этого учения находится в Израиле, в городе Хайфа. Это не домик какой-нибудь задрипанный и даже не сам храм, который снаружи вроде храм, а внутри обыкновенный склеп для одного из основоположников. Это целый комплекс зданий, утонувших в роскошной по израильским меркам зелени.

– «Вот они – сегодняшние гнёзда жидомасонского заговора! Да ещё и с космическим курированием!» – язвительно воскликнул двойник голосом нашего зятка – безнадежно упёртого юдофоба и классического интеллектуального дурака. – Как бы он там ещё испражнялся бы, если бы увидел это?.. «Вот куда бомбу надо бросать, да не одну! Под каких-то бахуистов замаскировались! Да посмотрите на религиозных евреев! У них же у всех на головах летающие тарелочки пришпандорены! А здороваются-то они как? “Шалом!” – говорят, что означает – мир! Не тот мир, который спокойствие, а весь мир, который надо прикарманить тихой сапой». Ну-ка, скovyрнём фотку на память! Тем более что она не из этого и даже не нашего времени качества...

Не тут-то было! При первом же прикосновении края голограммы вспыхнули и, скрючившись, поползли в стороны, сжигая соседние изображения. Выйдя за рамки испепелённого в считанные секунды альбома, брошенного на пол, голограмма заполнила всё пространство, а мы оказались внутри ожившей и зазвучавшей картинке. И хотя народу около храма и вокруг было полным-полно и автобусы с туристами подкатывали и подкатывали, но ни дети, ни взрослые не видели ни тарелки, ни нас. Даже когда тарелка завибрировала и с низким, каким-то подземным гулом начала превращаться в жёлтое плазменное облако, внутри которого загорелась тяжёлым багровым огнём лента горизонтальной восьмёрки, никто и ухом не повёл.

– Хлоп! – и восьмёрка разделилась на два эллипса, которые в свою очередь сжались и вспыхнули звёздами, а к куполу храма потянулся конусообразный поток разноцветных камешков.

Камешки врезались в купол и, взрываясь, осыпались песком.

Купол дрогнул и, наподобие обсерваторского, стал раскрываться. Гул усилился, но ничего не изменилось. Песок сыпался и сыпался, обтекая всё расширяющийся зазор. И никто этого не видел и не слышал, кроме нас! Мы заткнули уши пальцами, но это не помогло. Всё тело начало вибрировать и расползаться. Ещё немного и...

– Сколько можно гробить и гробиться? – сонно возмутился знакомый нам голос, и всё закончилось.

Голограмма исчезла, а в опять появившемся альбоме зачернела дырка от бублика. Она выплыла из альбома, а на её место втянулась откуда-то из глубины вполне соответствующая

времени действия чёрно-белая фотография с не менее соответствующей надписью: “Пионерия на марше!”.

– Каверны проклятые! Откуда их столько в программе? Да ещё и эти камешки... Долбают и долбают... – зевнула дырка.

– Слава Богу, вернулся! – промычал я, с трудом разжимая онемевшие челюсти.

– Да уж нет покоя от геморроя!

И дырка снова бодро и напористо запела голосом паренька:

И вновь продолжается бой.

И сердцу тревожно в груди.

И вновь я такой молодой.

И новый сюжет впереди!..

– Дурной сон какой-то! – отвернулся двойник.

– Ещё какой дурной! – сказала дырка. – Тут такая куралесица скоро закрутится, что только держись!

Пространство опять распахнулось и мы оказались над скупо освещённой дорогой. Плавнов спланировав на неё, дырка превратилась в паренька, который сделал шаг... и вдруг побежал. Причём было видно, что не по своей божественной воле. Панически размахивая руками, он пытался приостановить бег, но ноги несли его всё быстрее и быстрее. На крутом повороте дороги паренёк крикнул и опять стал премилой нашему сердцу обезьяной, а затем и снова дыркой от бублика. Дырка и врезалась в идущего по дороге хулиганистого вида такого же паренька. Паренёк был точной копией, а вернее, оригиналом. Классически сверкнула молния, грянул гром, и на землю на какие-то мгновения пал совершенно литературный мрак, из которого, пошатываясь, вышел ничего не подозревающий оригинал, а в действительности – не совсем уже и он. Оригиналу сделал два шага и медленно опустился на землю...

КРИК

(день второй)

Пробуждение оказалось неожиданным. Истерический визг и крики неслись снизу. Друзья сделали несколько прыжков по горе и увидели заполненную до отказа площадку для проведения линейек. Вдоль понуро стоящих рядов ребят бегали две престарелые девушки и такой же, не первой свежести, парень. Как маузерами, они трясли перед ребятами тремя бутылками.

Сонно потягиваясь, подошёл Трезвяк.

– Заловили птенчиков... – ковыряя соломинкой в зубах, сказал он. – Пойдёмте, поспим ещё... Эта херовина быстро закончится...

Трезвяк ошибся!

Сон его оказался по водочным символам вещим!

Уже через пятнадцать минут к друзьям взлетела Света.

– Ой, мы пропали! – задыхаясь, выпалила она. – Ещё с утра эти две мымры вынюхивали у ребят, что им нравится да кто им не нравится. А тут, как специально, трое наших лопухов навстречу с сумкой. А в сумке три бутылки... Мы вам покушать сюда принесём! Вы, пока они не уедут, не спускайтесь вниз на всякий случай...

Трое добрых молодцев уже поднимались цепочкой на гору, держа в руках тарелки с завтраком. Градом кативший по их лицам пот говорил о великом старании «не уронить ни крошки». За ними, также гуськом и с полными стаканами компота, шли три юных воспитательницы и Марина. Молодцы поставили тарелки на одеяла и удалились. Друзья предложили девушкам расположиться на матрацах, а сами принялись за трапезу.

– Вы нас извините, Аполлон Александрович, что мы будем говорить во время еды, но у нас ЧП! – начала Марина.

– Слышали, слышали... и даже видели... – пробурчал Трезвяк. – Бормотуха?

– Водка, – трагично выдавила одна из воспитательниц. – «Русская».

– Молокососы! – выругался Трезвяк.

– Тут дело не столько в водке, сколько в ситуации, – продолжила Марина. – Мы бы хотели с вами посоветоваться...

– А чё советоваться?.. – опять начал было Трезвяк, но Марина прервала его:

– Сережа, я не с тобой разговариваю!

– Пожалуйста... – нисколько не обиделся Трезвяк.

Быть начальником везде трудно. Если, конечно, быть им, а не находиться. Но у нас руководить чем бы то ни было и кем бы то ни было ещё и опасно. И в прямом и в переносном смысле. А для хороших людей – так это просто гроб. Не успеешь оглянуться, как ты уже и сволоочь, и хам, и скотина недорезанная, и вообще враг всего человеческого. Причём это не только злобствования подчиненных, а так оно и есть. В разной степени, но есть!

Страшно!..

Марина только прикоснулась к этой стезе в роли старшего методиста, а теперь начальника смены, и сразу же пришла в ужас. Несмотря на все старания сохранить юность, нежность и женственность, липкие паучьи сети циркуляров, требований и обязательных обрядов и форм оплели её и начали дёргать за ниточки. Жёсткость, рубленая безапелляционная конторская речь были первыми тревожными признаками, и она тайно поклялась себе страшной клятвой, что после этой смены бросит всё и будет поступать в аспирантуру. Наивная! Она думала, что в науке занимаются только творчеством...

– Сегодня у нас должно быть открытие лагеря, и поэтому уже с утра приехали инструктор школьного отдела Кизякова Алма и освобождённый секретарь первой школы Засыкова Зайра, – начала объяснять Марина.

– Ужасная солдафонка, которая в будущем наверняка станет большой шишкой, – вставила Света.

– Вы продолжайте, Марина Марсовна, продолжайте! Это интересно! – поддержал начальника смены Аполлон.

– Да... Я постараюсь поподробнее, чтобы понятнее было, – сказала Марина. – Мы сразу же почувствовали недоброжелательное... ну, негативное, что ли, отношение к нам. Очень неприятно это, но что поделаешь! Извините за казённый язык, но они явно хотели выявить наши слабые места, чтобы, как мы думаем, выйти потом на районное начальство с доводами и взять власть в свои руки. А как же! Всё уже организовано, подготовительная работа проведена, лагерь на ногах...

– Осталось только лавры пожинать! Карьеру зарабатывать! – не выдержала Света.

– Ну, если так можно назвать это... – продолжила Марина. – Прошли эти наши типичные комсомольские дамы по лагерю и уже шибко опечалились, как вдруг, видимо, специально для них, трое наших дураков им навстречу с сумкой. Они занимаются в Доме пионеров с четвертого класса и ума не набрались, дожив до десятого.

– Ну, ясно, что наши бдительные работники райкома заглянули в сумку и обнаружили, к своей невероятной радости, водку, – теперь уже не выдержала другая воспитательница.

– Да, – согласилась Марина. – Экстренно собрали весь лагерь, и наш горе-сторож, он же комиссар, произнёс пламенную речь, что в свете постановления, в частности, от такого-то месяца, «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом» мы обязаны... И так далее и так далее...

– Скучная речь! – опять вставила Света.

– Да, – снова согласилась Марина. – Долго он говорил, что это плохо. В общем, мы попали в струю... – Зайра так вообще орала, что вот такие, как эти наши трое, на войне предателями были. В спину стреляли! – дополнила вторая воспитательница.

– Это их коронка. В таких, как она, и стреляли. И правильно делали... – буркнул Трезвяк.

– Как не повезло нашему району! Как не повезло! – воскликнула Света.

– Ладно, Светка, нам всем не повезло, что мы в этой стране родились! – оборвала причитания подруги Марина. – Куда они водку тащили? Сказали, что поварам, а я думаю – сами после открытия лагеря нажраться хотели.

– Поварам? Ха-ха-ха!.. – забулькал Трезвяк. – Да у них склад этого оружия! Причём не за наличные! Сейчас, правда, какие-то новенькие мужички с кривыми носами появились. Вылитые разноцветные близняшки. Может, они не в курсе... Хотя вряд ли! Рука руку моет!..

– Да потом они сказали, что местные просили припрятать, – вспомнила третья воспитательница.

– Вот! Совсем ерунда какая-то. Себе они тащили, себе! – уверенно поставила точку Марина. – Так я дальше... Вы кушайте, Аполлон Александрович, кушайте! Завтрак сегодня приличный! Шеф-повар хоть и выглядит подростком, но он призёр конкурса молодых кулинаров этого года. А близнецы – так... на подмену заболевших помощников на несколько дней. Те что-то не то поели... Слава богу, нам не досталось! В общем, тут же на линейке объявили, что ребят немедленно вывезут из лагеря, сообщат по месту работы родителей, по месту учебы и, видимо, они будут исключены из рядов ВЛКСМ. И тут вдруг те самые «трудные», на которых мы особой надежды не возлагали, выступили и сказали, что лагерь вообще-то у нас на самоуправлении и есть у нас совет лагеря, который вправе решать вопрос о том, вывозить ребят или не вывозить... Зайра сразу грубо их оборвала...

– Да-да! – опять не сдержала своего возмущения Света. – «Ещё не известно, какие вы сами!» – кричала. – «Может быть, это с вами они собирались выпить? Да и вообще, какой у вас внешний вид? Да как вы говорите? Жаргон какой-то!..».

– Зайра прекрасно знает, что эти ребята на учете, – вставила первая воспитательница.

– В общем, она увела разговор в другую сторону и линейка на этом закончилась. Я считаю – безуспешно, – подвела черту Марина. – А потом пошёл заседать совет лагеря. Но перед заседанием Зайра, Алма и этот самый наш пресловутый сторож отозвали меня в сторону, и тут же показали себя во всей своей прелести. «Марина, что ты дурью маешься? Что ты этих щеглов защищаешь? Гони их!» – сказали они. – «Нас с тобой вызовут на ковер, а

мы с тобой молодые, растущие! Нам нужно с тобой расти, а если нас вызовут, да ещё и “дадут!..”, то мы уже не вырастем». Они так чисто откровенно свою философию и выдали. Я говорю: «Вы хотите таким образом расти – растите, а я не хочу так расти! «

– Ой, а мы этого не знаем! – воскликнула вторая воспитательница.

– Откуда же вам знать, девочки, дворцовые шуры-муры! – удивился Федя. – У нас же гласность только от этого до этого. Да и какая это гласность? Ну, у вас тут и разворачивается житуха! Вселенская паранойя на пяточке!

– Ну да, – согласилась Марина. – Но вы слушайте дальше. Я с пеной у рта защищаю самоуправление, демократию... Доказываю, что антипедагогично вывозить ребят, ибо здесь они под контролем, а дома никого нет, и за их поведение в городе вообще никто ответственности нести не будет. И что, в конце концов, поскольку я являюсь начальником смены и фактически отвечаю за жизнь и здоровье каждого, последнее слово о выезде за мной. Без толку! Пошли на совет... И вот здесь, Аполлон Александрович, ребята меня окончательно поразили. Мы, конечно, делаем, что можем, но нам до идеала далеко. И всё-таки хоть сегодня лишь второй день и говорить о какой-то сплочённости рано, но, видимо, эта ситуация и несправедливость их объединили. В общем, совет прошёл очень дельно и толково.

– Голубчики получили испытательный срок в два дня, и само собой получилось, что все комсомольцы обязались не курить, не нарушать дисциплину и прочее и прочее, – продолжила третья воспитательница.

– Да, – подтвердила Марина. – Хоть это всё и фантастика, но главное то, что ребята ещё раз утвердились в своей самостоятельности. Я, честно говоря, думаю, что тут нет худа без добра.

– Значит, парней оставили? – уточнил Аполлон и с удовольствием допил действительно высочайшего качества компот.

– Мы – да, а райком – нет! – устало закончила Марина. – Они сегодня до самого отбоя будут среди нас бдеть...

– Ну что ж, спасибо за вкусный завтрак, девочки! – сказал Аполлон и начал складывать тарелки.

– Бросьте, Аполлон Александрович, мы уберём! – остановила его Марина. – Мы хотели узнать ваше мнение по поводу случившегося и попросить вас отвезти их вечером в Алма-Ату.

– И если ничего у нас до вечера не получится, то попробовать по дороге отговорить от раздувания этого дела, – добавила Света.

– Мда-а... – протянул Аполлон. – Неужели всё так серьёзно?

– Похоже, что да, – развела руками Марина.

– Вообще-то я... Ну, ладно! Сейчас мы на заправку, потом по делам, а вечером к вашим услугам!

– И опять на открытии у вас будет музыкант! – довольно подвёл черту Федя.

– Теперь вот что... – продолжил Аполлон и успокаивающе положил руку на плечо друга. – В любом случае по лагерю готовность номер один и подчёркнуто доброжелательное отношение к комиссару и девушкам.. Как у психиатров к буйно помешанным! Впрочем, вы и сами это знаете. А насчёт мнения... Не знаю, девочки, не знаю... «Кому это выгодно?» – говорят в таких случаях юристы. Если у них установка – вас раздавить, то, скорее всего, они вас раздавят... Ну, чего носы повесили? Надо всегда двигаться от худшего к лучшему, а не наоборот. Маленький, но шанс есть. И мы – в вашем распоряжении. Теперь так!.. На всякий случай, мы с Федей тут посторонние люди, приглашённые в порядке шефской помощи. Отношения между нами на людях вежливо официальные.

– А мы так и объяснили им! – воскликнула Света.

– Умницы! – похвалил Аполлон и продолжил: – Если нужно будет пообщаться, то за территорией лагеря и в обусловленных местах.

– Конспирация – мать подполья! – опять не выдержал Федя.

– А стратегия – мать победы! – теперь уже рассмеялся Аполлон, и, ещё немного поговорив, все разошлись по своим делам.

МЕТАМОРФОЗЫ

(вторая половина второго дня)

Автошедевр выехал за лагерные ворота, прокатил метров сто пятьдесят по грунтовке и только начал спускаться с пригорка, чтобы вывернуть на асфальт, как замер. Из-за поворота послышался стремительно нарастающий рёв мотора, и тут же визг тормозов. В метре от радиатора самоделки, пощёлкивая, остывал джип.

– Порядок... – прошептал Аполлон, а Федя трясущимися пальцами начал вытаскивать из «бардачка» огромный гаечный ключ.

– Встреча на Эльбе, бля! Саламат сызба – хау ду ю ду! – раздался очень знакомый голос. – Майн кампф – казакша курес аяк талды! (Моя борьба – казахская борьба окончена!) Шалом алейхум от Соломона Израилевича!

Бес вылез из машины и, разминаясь, сделал два приседания. Несмотря на то, что морда у него выглядела так, как будто её часа два брили кирпичами, он улыбался и очень был похож

на человека. Это иллюзорное впечатление усиливалось ещё и тем, что Бес был совершенно трезв и без свиты.

– Потрудился дядюшка... – расслабляясь, тихо сказал Аполлон и тоже полез из машины.

– Неужели обниматься будешь? – прошипел Федя.

– Ещё как! Сегодняшнее дерьмо – вчерашняя пицца! И наоборот!..

– Братан! – всхрипнул уже в объятьях Аполлона Бес. – А я тебя чуть было не пришил. За мной компенсация!

Что было у Беса точно положительное, так это гостеприимство. Правда, за чужой счет, но вряд ли стоит его за это винить. В какой семье родился – тому и научился!

Бес решил прокатить друзей по полной программе. Правда, и тут не без умысла, но хорошо, что и так. Сначала была бесплатно запрошена машина Аполлона, а потом друзьям был оказан торжественный приём в ресторане «Талгар» – месте обедов и разгулов, в основном, местной партократии, номенклатуры и жуликов. И хотя они были сыты, но из вежливости по бокалу шампанского выпили, после чего обе машины направились в сторону Талгарского заповедника.

Трое бандитов-охранников с расстегнутыми кобурами и такими же примерно рожами, как у Беса, ещё издали заметили машины. Они с такой поспешностью распахнули монументальнейшие решётчатые металлические ворота, что не пришлось даже притормаживать. На бурные приветствия и пожелания приятного отдыха, летящие вслед автоколесницам на казахском и русском языках, Бес лишь одобрительно кивнул и прибавил газ. Охранники же ещё сильнее и восторженнее замахали руками и продолжили обыск известного учёного энтомолога Александра Жданко на предмет обнаружения взрывчатки и других наборов диверсанта и браконьера.

– Паршивый ты актёр! – косясь на разворачивающееся великолепие, выговаривал Аполлон другу. – На твоей физиономии столько безразличия...

– Непринципиально все это! Только из-за тебя терплю...

– И из-за себя! Принцип! Что это за твёрдолобое и навсегда застывшее понятие? Не знаю такого! В этом мире не знаю! Принцип!.. Принцип есть, когда мешает разрушению, и его нет, когда он мешает созиданию. Во втором случае гордыня это, а гордыня, как тебе известно, – самый великий грех! А почему? Потому что это и есть проклятый ещё с незапамятных времён Господом Богом шовинизм. К тебе со всей душой! Шампанским угостили! Морду не набили, что тоже не лишнее. Везут на пикник в горный рай! А главное, мы могущественного друга приобретаем вместо врага. Да это же победа! Маленькая, но истинная. Кстати, с благословения Ньюмы и стараниями моего дядюшки осуществлённая.

– Не знаю... не знаю... Что такое хорошо? Что такое плохо?.. Опять не знаю...

– Знаешь-знаешь! Только намедни всё с тобой разжёвывали. Крошка-сын горшок принёс, и спросила кроха: «Какать – это хорошо? Или это – плохо?..».

Пионерский лагерь «Спутник», он же осенью, зимой и весной – Дом отдыха Общества слепых, исторически оказавшийся в зоне заповедника, встретил необычные машины радостными детскими воплями и визгами. Но это – дети! Директор же здравницы посерела и, организовав пионерский пост охраны машин, вызвала шеф-повара и завхоза.

Не успели герои размяться, как без всяких комментариев им вручили три рюкзака со едой и термосами. Бес тут же вскинул один рюкзак себе на плечи и, не говоря ни слова, быстро пошёл по тропинке в глубь ущелья, в начале которого лагерь и находился.

Друзьям ничего не оставалось, как последовать за ним.

Спина Беса то появлялась, то исчезала за очередным поворотом... пока, наконец, не исчезла совсем. Ситуация продолжала складываться странно. Особенно это почувствовалось, когда героям пришлось карабкаться по скользкой обглоданной стихиями гигантской ели, служившей лестницей для преодоления водопада. Тропинка с левой стороны перебежала на правую сторону, ущелье то сужалось, то расширялось, и вот, в очередном его развороте, герои снова увидели быстро удаляющуюся спину Беса и пещеру.

– «Монахово ущелье!» – объяснил, задыхаясь, Федя. – Я вспомнил! Дальше здесь должна быть ещё одна пещера. Кто-то мне рассказывал... По легенде здесь какие-то отшельники жили, а теперь наверняка где-то поблизости база душманов, то бишь басмачей. Ох, и помучают они нас, прежде чем в расход пустить! Ох, и помучают! Неспроста мы здесь. Ох, неспроста!

– Идём, идём! – рявкнул Аполлон и прибавил шаг.

Пространство опять сузилось и, преодолев гору спрессованного, так и не растаявшего с весны лавинного снега, друзья остановились.

Тропинка кончилась. Слева уходила в небо скальная стена, справа тоже довольно крутой, но покрытый зеленью склон, а прямо по курсу низвергался уже с недостижимой высоты ещё один водопад.

– Эге-гей! – раздалось откуда-то сверху и справа, и Аполлон молча начал карабкаться по зелени.

– Вот скотина! Иезуитское гостеприимство! Изнурение и душа – вон! – скрипнул зубами Федя и полез за другом.

Вверху друзья снова попали на тропу, но уже зверинную, и невероятное для гор по темпу и скорости восхождение продолжилось.

– О-ох!.. О-ох!.. Сейчас сердце выскочит! – взмолился Федя, и Аполлон остановился.

– Давай рюкзак!

– Да ты что!..

– Давай-давай! Ошибки титанов ведут к катастрофам!

– «Нечеловеческая сила, в одной давилне всех калеча, нечеловеческая сила земное сбросила с земли!..» – свистя сильнейшей одышкой, продекламировал Федя и... рюкзак не отдал.

Сумасшедший бег к вершинам продолжился. Пот заливал глаза, сердце грохотало в горле, небо, чудное чистейшее и синейшее небо, казалось серым и подлым. Герои ползли, карабкались и опять шагали во весь рост, и, наконец, когда ни журчания воды, ни растительности, ни тропы не стало, ущелье сделало последний разворот и раздалось во все стороны. Картина, представшая совершенно затуманенному взору, была сказочная. Из центра обширнейшей скальной получаши вонзались в небо гигантские перья базальтового замка. Слева, по едва заметной издалека, но вблизи состоявшей из огромнейших валунов осыпи, ведущей на гребень получаши, прыгала едва различимая чёрточка Беса.

– Вон он! Давай карабин! – скривившись от бессилия, сострил Федя.

– Вперёд! – уже веселее скомандовал Аполлон. Удивительно, но вроде бы стало легче. То ли это было от великолепия просторов, разворачивающихся с каждым шагом, то ли от чистоты и прозрачности воздуха и его кислородного обеднения, но когда друзья забрались на хребет, где Бес, уже раздевшись до плавок, загорал, то чувствовали себя совсем не так, как следовало ожидать. Горячее же сладкое какао, бутерброды и прочая весьма калорийная, но мало распространённая сегодня в магазинах снедь довершали это чудо.

Поговорив о том, о сём, Бес вдруг нервно начал шарить по карманам. Найдя искомое, он облегчённо вздохнул, отвернулся и, засосав носом с руки что-то невидимое для героев, запрокинул голову и замер.

– Я, конечно, не примерный пионерчик, но неблагодарным никогда не был! – неожиданно неестественно солидно сказал он.

Федя поперхнулся и закашлялся.

– Чту мировой опыт, – брезгливо посмотрев в сторону гения, так же размеренно и солидно продолжил Бес. – Иуда был неблагодарным и потому сам и повесился. Правда, есть гипотеза, что вся эта заварушка с предательством и распятием – режиссёрская работа Христа, и Иуда на самом деле – герой, пожертвовавший собой и репутацией ради великого дела. Но это не так важно, как сам факт и результат. А результат – это и есть истина! Да если бы я знал, что ты племянник Соломона Израилевича, я бы...

– А-а... Тогда всё понятно... – опрометчиво буркнул Федя.

– Шш-то вам-м понятно? – ядовито-вежливо резанул Бес, и Федя понял, что он тут человек случайный и лишний.

– Да так... Я пойду... Пройдусь немного...

– Где ты эту интеллигентную слизь откопал?.. – с глухой ненавистью начал Бес, но Аполлон прервал его:

– Давай договоримся, Олжас: мой друг – мои проблемы, а твой – твои!

– Значит, это... Хорошо! Пусть будет так! – успокоился Бес. – Вот только что такое дружба? Блеф! Дружба до тех пор жива, пока есть общее дело и выгода. Кончилось дело – кончилась дружба. И останутся, в лучшем случае, лишь хорошие отношения. А впрочем, может, это и... Не надо раздувать погасший пепел! Только морду загадишь... Всё в этом мире имеет границы, и всё конечно. Даже если родился, то обязательно сдохнешь. И в этом тоже есть целесообразие. Всем правит целесообразие!

Аполлон вздрогнул.

– А главный закон целесообразия – действие! – наркотически вязнув словах, продолжил Бес. – Нет действия – есть только фотография жизни, а не жизнь. Вроде друг, а копнёшь делом – враг!

– От Бога дружба, от Бога, Олжас! Так же как и любовь. Но возможны они только при обоюдном бескорыстии. А общее дело – лишь транспортное средство! – не согласился Аполлон. – Как там у дедушки Крылова: “С разбором выбирай друзей. Когда корысть себя личиной дружбы кроет, – она тебе лишь яму роет. Чтоб эту истину понять ещё ясней, послушай басенки моей”.

– Какого Бога? Ты что?.. От гормонов да запахов всё! Нет Бога, как нет и того, кто его выдумал. Инопланетяне наладили программу и смылись! Да и где ты видел бескорыстных? Нет их! Каждый блюдет свою выгоду! – ещё более величественно и тягуче промолвил Бес.

– Ну и хорошо! Хорошо когда ещё и обоюдно выгодно! Есть ещё и примитивный смысл общаться! В конце концов, что может быть хуже одиночества! – хитро прищурился Аполлон.

– Брось! Чепуха! А Бог – утешительная сказочка для умирающих, больных и бессильных. В лучшем случае сидят мужики или бабы в другом каком-то измерении да в картишки перекидываются. А тут и катаклизмы, и катастрофы, и чёрт знает что. Я тебе скажу – до рождения Христова и Магомета люди жили, как идиоты, а потом стали жить, как дураки. То есть, конечно, поднялись на одну ступеньку выше. Попробуй так себя не поведи или вот эту молитву вовремя не проблей – и нет тебе ни рая, ни прощения. А будешь паинькой, будешь подчиняться нам и Богу – получай! Тупое торгашество! Чистой воды! Тоже самое – «Ты мне – я тебе!». Противно!.. Смотри! – Бес ткнул пальцем туда, где осталась цивилизация. – Человек рождается одиноким и умирает одиноким. А в промежутке что есть силы гужуется. Примкнул к молящейся или карнавалящей толпе, да ещё и в каком-нибудь огромном храме, – и всё! Дальше не надо дрыгаться и думать. Всё вокруг готовенькое! Да ещё и музыка звучит, песни горланят, иконы и скульптуры кровавыми слезами и миррой плачут, декорации золотятся, костюмы и всякие безделушки в транс вгоняют. И, главное, сценарий – железный! Эти храмины божьи – учреждения! А где учреждение, там личность – ноль. Уж я-то знаю! А я не люблю нули, даже если их называют нимбами. Некоторые договорились до того, что ноль – верх совершенства. Получается, что и бог у них – ноль! Дырка! А на хрена мне такой бог? На хрена мне стремиться, чтобы быть таким же образом и подобием? Да если ноль не

хочет стать единицей или прибавить к себе единицу, то я его дроблю. Чтобы хоть какая-то цифра получилась. Пусть даже со знаком минус, но только не ноль. Даже минус двести семьдесят три – не ноль, а цифра, при которой, между прочим, наступает сверхпроводимость.

– Не простой ты парень, не простой... – совершенно искренне заметил Аполлон.

– Здесь я такой, какой есть, а там... – Бес показал вниз и сплюнул.

Даже если Бес рисовался, то и это представлялось удивительным. Но, похоже было, что он искренен.

– Человек – зверь. Скотина! Воспитывается рефлексам, – с тем же нелепо чудовищным достоинством продолжал Бес. – Поэтому у кого кнут, тот и воспитывает. В своих интересах. И бога для этого придумали.

– Не Бога, а дьявола!

– А какая разница. Любая религия страхом питается.

– Религия! Но не вера. Вера – любовью!

– Брось чепуху городить! Какой любовью? Кого любить? Что? Придуманный пшик? Воля! Агрессия! Смелость, как воспоминание прошлых побед! Это реальная жизнь! А мир вот тут – в кулаке!

Из-за соседней горы, весело вращаясь вокруг собственной оси, выплыли удивительные облачка в виде колечек с затемнением посередине.

– Каждый видит то, что он хочет видеть, и лишь некоторые – то, что есть, – глядя на облачка, завороченно пробормотал Аполлон и тут же встряхнулся. – Не дай бог всех слушать и принимать их указания к действию. Прислушиваться надо и со своим опытом соизмерять.

– Это-то к чему? – не понял Бес.

– К тому, что твой опыт говорит тебе одно, а мой – другое. Есть только один способ завоевать мир – стать образцом самосовершенства. Впрочем, тогда и завоевывать нечего – ты и мир будешь одним целым. А смелость – действительно или воспоминание прошлых побед или всё-таки дурость. Но вот сила и насилие – не одно и то же.

– Одно, одно!

– Да ничего подобного! Сила – созидает, а насилие... Как толчок иногда тоже созидательно!

– Вот видишь!

– Но только как толчок! Не включился механизм самодвижения – всё рушится. И никакого прогресса. Только оупение и озлобление. И именно нули. Не те, где миры планируются, а просто – ничего! Вот такая вот философия...

– Да-а?.. Вот чёрт!..

Спесь неожиданно спала с лица Беса, и Аполлон увидел обыкновенного растерявшегося и совсем ещё зелёного парня. Но не доводы героя озадачили Беса. Просто он увидел, как из-за соседней горы вслед за облачками бесшумно выплыла довольно внушительная часть огромной летающей тарелки и, замерев на пару секунд, уплыла обратно.

– Вроде как поглядела – и в засаду! Галёники пошли!.. – отметил про себя Бес и, похолодев, подумал, что может быть это и не галлюцинация.

– Удивительные облачка! Прямо бублички сдобные! Прелесть! – проследив за взглядом оппонента, заметил Аполлон и продолжил: – Я Олжас, тоже не идеалист. Всё просчитываю, взвешиваю. Каждый шаг! Наверное это от того, что по знакам зодиака я – Весы. Но я ещё и одновременно романтик, который гоняется за туманом и всем подобным. И это перевешивает первую часть всегда и везде. Потому что всякие, на первый взгляд, непрактичные и эфирные категории супервыгодны и суперматериальны по перспективе и результату. Всё в природе взвешано и ничего нет зря! Всё дело в процентах. В их соотношении. И если человек добрый, то цена его по шкале созидания – условных пятьдесят процентов, а если талантливый, то ещё пятьдесят. А если ни того, ни другого – ноль! Тот самый, который – ничего! Как видишь, я тоже к цифрам равнодушен. Но я тебе скажу: с добрым – и потому почти всегда бескорыстным – я даже с идиотом могу с удовольствием общаться, а с недобрым и корыстным, даже с гением, – только через силу!

– Значит, если я... – торопливо одеваясь, рассеянно начал Бес, но был прерван увлечшимся героем:

– Не буду врать – напрягаешь! Да ты и сам это знаешь. Но это не значит, что мы обязательно должны быть врагами. Тем более, что всё течёт, всё изменяется!..

– А этот... – Бес кивнул в сторону Феди, прыгающего за облачками по фантастической величине камням цвета запёкшейся крови.

– По моей процентной шкале – сто пятьдесят!

– «Все мозги разбил на части, все извилины заплёл!» – прохрипел Бес и добавил: – Ценю откровенность. Уважаю сильных. Конечно, я понимаю, в чью сторону ты камешки кидаешь.

– Да куда тут кидать! Куда ни глянь – сплошной базальт! – рассмеялся Аполлон и начал аккуратно собирать мусор от трапезы в бумажку.

– Брось! Смети всё под камень! – почти выпав из наркотической расслабленности, удивился Бес.

– Сидит пацан в беседке. Это до нашей с тобой встречи, сегодня утром было, – вместо ответа хитро начал Аполлон. – Грызёт семечки. И плюёт себе под ноги. «Сколько тебе лет?», – спрашиваю. «Двенадцать!» – «Смотри-ка ты! А ещё не человек!» – «Я? Я – человек! Тьфу!..»

– Ну, ты и педагог! – хмыкнул Бес.

Он решил ничего не говорить о своём видении, а в порядке дополнительной компенсации за нанесённое ему на Капчагае унижение оставить героев один на один с этой леденящей кровью неизвестностью.

– Да ну... Истина чаще всего рождается не в споре, а далеко после него... Когда не надо соревноваться... блаженно продолжил Аполлон. – Так вот кто не улучшает, тот зря живёт, а кто сам себе гадит, тот не имеет права даже на это!

– Да брось ты! Все сдохнем! – нервно буркнул Бес и жутковато-радостно заметил, что край летательного аппарата опять показался из-за горы и опять уполз обратно.

– И нечего бросать! И в смерти – жизни есть рассвет, а в жизни – смерти нет! Это кстати сказал вон тот, который прыгает...

– Да? Что ж... Пойду я... Буду пережёвывать... Давай краба! – мутно повёл глазами Бес и, вяло пожав машинально протянутую руку Аполлона, вскинул на плечи рюкзак. – Можешь не догонять – не заблудишься! – пробурчал он, уже спускаясь вниз по склону, и тут же над горами раздался отчаянный крик гения.

– Поль! По-оль!.. – орал тот так душераздирающе, что Аполлон вскочил.

Уже направляясь в сторону крика, герой с удивлением отметил поспешность, с которой Бес поскакал по камням вниз по склону. Федя же банально провалился между двумя глыбами и, слегка придавленный, с удовольствием ждал помощи.

– Дитя! Эйфория полная и окончательная! Это же горы! “Здесь вам не равнина – здесь климат иной. Идут лавины одна за одной!” – развёл руками герой и освободил гения.

– А! Плевать! Смотри, какая красотища! – заорал тот вместо раскаяния.

Действительно, посмотреть было на что. Особенно когда друзья подошли к противоположному краю хребта. Белоснежный айсберг пика Талгар был так близко, что, казалось, прыгни – и ты там. Где-то вдали, слева от пика, застывшим алмазным клинком сверкал падающий с невероятной высоты водопад. И солнце! Солнце стояло почти в зените, хотя по часам уже близился вечер. Горизонты... Ну, это вообще непередаваемо... Мало того! Из-за ювелирно гранённой пирамиды соседней вершины продолжали выплывать бесконечным хороводом туристически-беспечного вида малюсенькие, но очень плотные облачка в виде колечек. Эти жемчужные бублички парили на уровне груди и голов героев, и Федя даже попробовал поиграть с несколькими из них в догонялки и волейбол. Гоняясь за одним, особенно увёртливым, он чуть было не свалился в пропасть, когда ему показалось, что колечко построило рожицу, но Аполлон вовремя успел схватить гения за шиворот.

– Куда? Оттуда я тебя уже не вытащу! Ложись!!!

Совершенно бесшумно прямо над головами героев стремительно пролетела невероятной величины летающая тарелка. То есть размеры её были такие, что на мгновение стало темно. Металлически поблёскивая, тарелка уже медленнее начала возвращаться.

Сказать, что герои испугались, – это ничего не сказать! Одно дело – писать, читать или слушать рассказы и всяческие байки. Совсем другое – встретить наяву то, что придумывали или предполагали сами, или о чём только слышали или читали. Колечки, так же стремительно, как и тарелка, сгруппировались в одно крупнейшее кольцо, и из него посыпались разноцветные камешки. Да как посыпались! Водопадами! Ударяясь о горные глыбы, они не скатывались, как и полагается камням, а образовывали какие-то, замысловатые фигуры и шевелящиеся башни, из которых к тарелке начали выстреливать белые и зелёные лучи. Всё это происходило с такой скоростью, что проследить за процессом было практически невозможно. Секунда – и тень от тарелки накрыла и героев и камешки. Ещё более мощные лучи вырвались из тарелки. Мгновение – и началась жуткая каменная свистопляска, с таким грохотом и взрывами, что герои заткнули уши пальцами. А ещё через несколько секунд над вершинами разразилась самая настоящая песчаная буря. Колочие и очень болезненные массы песка нещадно стегали героев и засыпали их и всё вокруг фантастически перемешанными цветными слоями...

Когда всё закончилось, герои с трудом выкарабкались из песчаного плена. Испуганно озираясь, они добрались до предполагаемого места бивуака, тщетно пытаясь найти рюкзаки. Причудливые цветные разводы покрывали всё видимое пространство, а около горы, отсвечивая металлом, застыла гигантская тарелка. По её поверхности как будто бы в восторге прыгали и катились... точно такие же разноцветные камешки, которые только что премило путешествовали в колечках, а теперь были покрошены в цветной песочек.

Оглушённые и обалделые, но, вместе с тем, не окончательно потерявшие способность соображать, друзья, очень осторожно и постоянно оглядываясь, начали спускаться вниз. Потрясение было столь же сильным, как и позорное торжество победы каменно-живого над таким же каменно-живым...

Однако вскоре тема о летающих тарелках и пережитом ужасе была проанализирована и снята с обсуждения. Друзья решили, что всё произошедшее вряд ли реальность. Чего только не померещится от переутомления и кислородного голодания! Тем более что погода в горах меняется почти мгновенно, а песок могло занести даже из Сахары или Китая. В прессе такие случаи не раз уже описывались.

– Ну и что великого сказал тебе этот? – спросил Федя, когда разноцветно-песчаный могильник остался далеко вверху и герои присели отдышаться.

– А что он мог сказать? Одиножды один – один! Впрочем, и я недалеко ушёл. Одиножды два – два!

– Боже! Какая философская глубина! Поднабрался ты тут без меня. Подзарядился! Ревную! Но я бы даже врага не бросил в такой ситуации. Он же наверняка знал, что тут бог знает что творится. Поэтому и смылся. Знал, гад, куда нас тащил!

Если некоторые думают, что спускаться легче, чем подниматься, то это не про горы. Тут, как и в жизни, спуск чаще всего бывает опаснее и тяжелее, чем подъём. Было совсем темно, когда исцарапанные и вымокшие жертвы, а может быть, и баловни судьбы, вошли в «Спутник» и узнали, что Бес уже укатил. Директор лагеря только махнула рукой на извинения героев за потерянные рюкзаки и, криво улыбнувшись, передала Аполлону записку.

– М-да! – хмыкнул герой, прочитав ее.

– Ну-ка, ну-ка...- перехватил бумажку Федя. Красным фломастером на записке была начертана только одна фраза и подпись:

Кто занял моё место на Голгофе?

Бес.

Когда герои вернулись в «Олимпиец», праздник уже закончился. Кто-то где-то раздобыл усилитель, и музыка какая ни на есть, но была. Однако открытие смены прошло подчёркнуто торжественно-официально. Пионеры веселились от души, но комсомольцы были корректно-сдержанны. В общем-то, и для них возникающая ситуация напоминала больше игру, чем угрозу, но форма автоматически настраивала на содержание, и в одиннадцать часов лагерь уже спал. Всё это образовало такой контраст со вчерашним днём, что даже мы, находившиеся тут же, сделали для конспиративной достоверности вид, что удивились.

– Что случилось? – спрашивали мы, приглашая воспитательниц на праздничный послеотбойный ужин в столовую.

– Ничего... Всё в порядке! – отвечали те и, вежливо отказываясь, с фанатичной верой в глазах рассказывая, что в пионерском лагере “Синегорье” сегодня была жуткая паника по поводу пикирующих друг на друга раскалённых летающих объектов.

– Ихние вожатые всех под кровати попрятали, так страшно было. Игорёк Горбатенко приезжал узнать, как тут у нас... – захлёбываясь от восторга, верещала одна из вожатых.

Аполлон и Федя были тут же и молчали... Наконец герой посадил Алму и Зайру в машину и выехал из лагеря, а Федя, пожелавший остаться ввиду смертельной усталости тут же, довольно резво для переутомлённого засеменил в пионерскую. И не зря! Там уже сидел весь педсостав, и их унылые лица говорили сами за себя. К счастью для гения, Марина уже закончила анализ прошедшего дня и уточняла планы на завтра.

В конце она прошлась и по нашей деятельности:

– Девочки, с поварами и хоздвором никаких контактов, кроме как «здравствуйте» и «до свидания». Это народ со своим микроклиматом и интересами.

– Ворьё! Знаем! – выкрикнула первая воспитательница.

– Ну, так огульно нельзя, – поправила Марина. – Правда, Кеша всё равно тут, так что неизвестно, что будет, но сегодня завтрак, обед и ужин были вполне приличными.

– Непонятно, с чего бы? Кеша теперь экспедитором работает. Непосредственно на продуктах сидит, – удивилась Света.

На этом педсовет закончился, после чего Федя тут же увёл подругу на гору.

Вечер... вернее, уже ночь, были великолепны! Тишина, звезды, запахи горных трав, легкий шум ветерка в кронах деревьев – всё располагало...

БОЖЬИ ПОДАРКИ

Переживая всё происходящее вместе с героями, мы, в отличии от них, и ночью не могли позволить себе расслабиться и нервничали всё больше и больше, моля вроде бы совсем рядом находящегося Господа Бога о передышке. Нет, мы уже не восстанавливали роман на бумаге. На это теперь просто не было ни времени, ни сил. Кормить лагерь оказалось делом непростым, а главное – слишком трудоёмким. Наш юный повар действительно готовил вкусно, но никаких фокусов по типу скатерти-самобранки не было. Божье присутствие проявлялось так опосредованно, что если бы мы не были свидетелями его внедрения, то никогда бы не догадались об истинном положении дел.

Сеня (так звали повара) сначала очень удивился нашему присутствию, но узнав, что его предыдущие помощники слегка приболели и где-то через недельку вернутся, успокоился, а происходящие с ним непонятные метаморфозы относил к последствиям от столкновения с деревом. Мы чистили картошку, когда он, бурча что-то, пробежал мимо нас и начал лихорадочно рыться в кухонной документации. Не найдя того, что надо было, юноша застонал от нетерпения, схватил ручку и начал писать прямо на обратной стороне какой-то накладной, а записав, пробежал глазами то, что получилось, и, опять застонав, начал чёркать и писать снова. Наконец, облегчённо выдохнув, как человек, сбросивший со спины мешок с цементом, он удивлённо прочёл нам написанное:

Я царствую!.. Какой волшебный блеск!

Послушна мне, сильна моя держава:

В ней счастье, в ней честь моя и слава!

Я царствую... но кто вослед за мной

Приимет власть над нею? Мой наследник!
Безумец, расточитель молодой,
Развратников разгульных собеседник!
Едва умру, он, он! сойдёт сюда
Под эти мирные, немые своды
С толпой ласкателей, придворных жадных.
Украва ключи у трупа моего,
Он сундуки со смехом отопрёт,
И потекут сокровища мои
В атласные дырявые карманы.
Он разобьёт священные сосуды,
Он грязь елеем царским напоит –
Он расточит... А по какому праву?
Мне разве даром это всё далось,
Или шутя, как игроку, который
Гремит костями да груды загребает?

– Что это? Откуда это взялось, мужики? К чему эта галиматья?

Двойник хмыкнул и очень естественно и спокойно продолжил:

Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжёлых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Всё это стоило? Иль скажет сын,

Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Заимодавец грубый, это ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Сгущаются и мёртвых высылают...

Я не выдержал и, ткнув перстом в юношу, присоединился к двойнику:

Нет, выстрадай сперва себе богатство,
А там посмотрим, станет ли несчастный
То расточать, что кровью приобрёл.

– Эта галиматья – Пушкина! Александра Сергеевича! То же примерно и с Остапом Бендером случилось. Он всю ночь стихотворение сочинял, а наутро оказалось, что это уже было написано когда-то Пушкиным.

– Бендер – это кто? Который из кинофильма?

– Ну да. Только сначала из книги.

– Помню, помню! Вот свинство-то! И чего я мучаюсь! – совсем удручённо проговорил Сеня. – Представляете, только полез к Машке в трусы...

– К Машке? – в голос воскликнули мы.

– Ну да, теперь к Машке. Таньке я дал отгул. Так вот, только я полез, а в голове как шандарахнет: “Я помню чудное мгновенье – передо мной явилась ты! Как мимолётное виденье, как гений чистой красоты!..”. И всю песню и пропел этот... ну, у которого такая рогатая фамилия... Козлов!

– Козловский, – поправил я. – Хрустальный невероятный голос!

– Ну да, он самый. Весь кайф сорвал, подлюка!.. Вот тут я ещё накатал кое-что... Наверное, тоже пушкинское... Уж больно глупое:

Хочу забыть – и не могу.

Хочу забыться – и не в силах.

От глаз твоих везде бегу.

Бегу и жду их взглядов милых.

Мы переглянулись и сказали, что стихотворение действительно очень похоже по качеству на пушкинское, но точно не его. Плехнув очередные очищенные картошки в кастрюлю с водой, мы, в подтверждение наших слов, дружно подняли большие пальцы правых рук, так как стихотворение было наше.

– Неужели понравилось? Вот удивительно-то! – просиял Сеня и тут же широко зевнул. – Что-то мне спать в последнее время всё время хочется. Пойду-ка прилягу. “А я лягу-прилягу!..”. Да бросьте вы эту гнилую картошку! Дежурные дочистят. Она нам только завтра к ужину понадобится. Вы бы, деды, лучше в соседний лагерь наведались, раз старческой бессонницей страдаете. Там такие поварихи – закачаешься! Взбитые сливки с клубничкой! Предыдущие кореша очень даже довольны были. К вашим годам – самая ягода!

Сеня заглянул в кастрюли, помешал в одной из них поварёшкой и ушёл, напевая: “Любовь – не картошка. Не бросишь в окошко! Она нас собою манит. Сначала волненье, потом наслажденье, потом поясница болит...»

– Гуманитарееет прямо на глазах, сопляк! – выругался уязвлённый двойник. – Он бы нам ещё бабушек предложил. Видел я этих поварих. У них климакс лет четырнадцать назад как скончался в страшных судорогах. Разбередил, гадёныш... Ты как хочешь, а я пойду к медсестре наведуясь. Двадцать два года – самый бальзам!

– Спроси её насчёт подруги! – крикнул я вдогонку, так как волны нестерпимо жгучего мужского желания неожиданно прокатились и по мне.

Ясно было, что этот чудесный сон вступил в свою наипрекраснейшую и наивкуснейшую фазу. И сопротивляться этому было бы по меньшей мере лицемерно. Да и просто как мужчине – неприлично! Так что я не особенно мучался угрызениями одной из самых сомнительных заповедей, когда тут же в кухню вошло юное (не молодое, а именно юное!) пронзительно синеглазое (не голубоглазое, а именно синеглазое!) загорелое чудо в умопомрачительно простеньком белом платье в синий горошек.

– У вас соли не найдётся? – спросило чудо. – Мы тут неподалёку дачу сняли, а соли нет.

– Конечно, конечно! – засуетился я. – И соль найдётся и сахар, и конфеты “Белочка”, и бутылочка, и гитарочка. Я сейчас вам насыплю!

И я насыпал... На всю катушку!..

Да, дорогие, всё произошло фантастически быстро и как бы само собой. И если кто-то скажет, что такое бывает и наяву, – ни за что не поверю. Не надо, господа хорошие, врать!..

Проводив моё, так неожиданно и вовремя явившееся и божество и вдохновенье до арки (дальше она не позволила во избежание нежелательной встречи с родителями, которые по возрасту годились мне в дочери и сыновья) и договорившись о встрече на завтра, я, ещё погружённый в розовый туман произошедшего, возблагодарил Господа Бога за такой царский подарок чтением “Отче наш” и... о, ужас! – оказался в супружеской постели.

– Отче наш, иже еси на небесех... – заголосил я ещё раз шёпотом, но уже в интонации “караул!”.

Вскочив как ошпаренный и промазав ногами мимо тапочек, я в три скачка преодолел расстояние до кухни, но, увидев, что там никого нет, совершенно раздавленный, опустился на стул. Забыв, что “Отче наш” в моей божественной опупее не действует в оба конца и для следующего вояжа необходим предварительный контакт с шефом, я оборвал сюжет, может быть, на самом дорогом и неповторимом месте в этой замечательной реальности...

ПАРАД ПОКОЙНИКОВ И ПОКА ЖИВЫХ

– Ну, чего приуныл? Вот листочки. Записывай свой роман! – раздался уже знакомый голос, и я с умилением и надеждой уставился на выплывающую из холодильника пульсирующую и светящуюся, как глубоководная медуза, дырку от бублика. Машинально подхватив пару листиков из упавшей на стол пачки, я повертел их и положил обратно. Какой там, к чёрту, бумажный роман, когда тут всё вживую!

– Накувырчался, старый? Нарычался? – сказал Бог.

– Да ты что? – встрепенулся я. – Только начал! Спасибо! Большое спасибо!

– Пожалуйста, развратник!

– Я? – возмутился я. – Святые минуты любви – разврат? Да где любовь, там всегда ты! А что ты против себя имеешь? Ты же сам недавно... Она же – ангел!

– А жена?

– Тоже ангел. Ангел Ленуся! – не задумываясь ни на секунду, выпалил я.

– Да-а? Посмотрим!.. – сказал Бог и крутанул время назад.

Сильно небритый, я теперь лежал на диване и смотрел в потолок. Потолок был белый и низкий.

– И какая сволочь строила эти хрущёвки? – равнодушно и в который уже раз думал я и, для ещё большего душевного равновесия, повторял после каждой подобной мысли, похоже, последние лирические строчки моих, немалых к тому времени, поэтических изысков:

Что мне почёт, что лавры, что цветы,

Что все блага и прелести земные,

Когда есть в мире ты, есть только ты,

Есть руки и глаза твои родные.

Жизнь без тебя бесцельна и пуста.

Тебе – мои все лучшие стремленья!

В тебе своё приемлю отраженье.

Тобой живу – как именем Христа!

С микроскопической кухни клубился чад и слышались совсем не лирические отчаянные вопли.

– Как ехать? Куда? Кто нас ждёт? К моей тётке в Израиль, от которой нет ни слуху, ни духу? – надрывалась та, которой были посвящены эти стихи. – Денег – нет! Драгоценностей – нет! Едва хватает, чтобы покушать и рваньём зад прикрыть! Евреи едут и отправляют полные контейнеры, а мы что отправим?

– Действительно, что мы отправим? – развёл руками я. – Где все блага и прелести земные?

– Я считаю, что ты совершенно несостоявшаяся личность. Абсолютно! – продолжала жена. – И хотя ты обсуждаешь всех, кто что-то в жизни достиг, – знакомых, которые что-то бьются, пытаются что-то сделать, чего-то добиться, какого-то материального уровня, – все у тебя говно! – скорее всего, ты оно и есть! Ты посмотри на себя – что ты добился, кроме того, что болезней у себя нашёл кучу? Причём явный симулянт!

– Эх, если бы! – подумал я и привычно взялся за пульс.

Тахикардия не проходила. Возникнув у героя романа, который я писал в стол уже лет пятнадцать, она перекинулась и на меня.

– Чтоб всегда-а до конца-а бились рядом два яйца-а! – дурашливо проблеял я, стараясь отвлечься и успокоить сердцебиение.

– Симулянт! – ещё громче прозвучало с кухни. – На работу не ходишь! Кроме похабства от тебя... Всё твоё остроумие заключается в похабстве! Больше ни в чём! Больше ни в чём!

Вытирая руки кухонным полотенцем, в крохотную проходную комнатку вбежала обвинительница, весьма приятный вид которой совершенно не соответствовал звуковому сопровождению.

– Да! – с удовольствием посмотрев на неё, согласился я и сразу почувствовал, как пульс начал успокаиваться.

– Ни образования, ни знаний – никаких!

– Отлично! – сказал я, удивлённо прислушиваясь к пульсу. – Ну, расскажи, какой я плохой по-настоящему. Что-то пока слабо...

– Я тебе рассказываю!

– А это ещё мало. Мало! Не убеждает! Тем более что дипломы кое-какие имеются...

– Кроме того, что на тебе драные штаны и задница в заплатках, – на большее ты не заработал же! – охотно продолжила подруга дней моих суровых.

– Жена такая! – подначил я.

– Да? – взвилась она. – Правильно! И жена ходит в стоптанных... В стоптанных кроссовках!

– Ага, – понял я. – Ты собралась кроссовки покупать. Поэтому подготавливаешь. Бурю сеешь!

– Что подготавливаю? – в свою очередь удивилась бесценная. – На твою зарплату покупать? Да ты год будешь работать – я себе ничего не смогу купить! Другие мужики умудряются зарабатывать...

– Они учителями работают? – совершенно резонно перебил я.

– Да ты не учитель! Какой ты учитель?

– Я отличник просвещения!

– Мозги бабам-дурам там закручиваешь!

– Как это я закручиваю? Я же с детьми работаю! Спектакли ставлю! Драматическо-сатирические! Я не педагог, а именно - учитель!

– Закручиваешь! – упрямо повторила жена. – Вытягиваешь себе за безделье ставки, не ходя на работу!

– На работу надо не ходить – на работе надо работать! То, что кто-то делает за месяц, я могу за день. Талант! Талант! У каждого свой талант! Не все же могут так...

– За свой талант больше двух лет ты не можешь задержаться на одном месте! – не успокаивалась хранительница очага. – Раскусывают твой талант за два года – и пинком под зад!..

– Никто меня пока ещё пинком под зад не выгуривал... – попробовал возразить я.

– Пока коллектив не знает! – обрезала обвинительница. – А как узнает, так и пинком!

– Какой коллектив? Коллектив – это хозяин? – возмутился я. – У меня договора только с директорами.

– Иди на работу! Иди!

– Зачем? – удивился я. – Уж если на то пошло, так зачем мне работать? Мне не платят! Мне подающие выдают! Я работаю на шести ставках и не могу не только одеть, но даже как следует накормить семью. Зачем мне это нужно? И вообще, я уже опоздал.

– Подумать только! Дерьмо такое! – неожиданно ещё больше взвилась жена. – Слушай, полдня он тёр уши и держал пульс! Теперь он будет полдня из угла в угол шататься, потом собачку дёргать, потом телевизор будет смотреть и говорить: “Какое дерьмо я смотрел! У меня теперь стресс нервный!”. Нет, слушай, ну вообще, действительно – что это такое? А? Как ты живёшь? Как тебе не стыдно? Передо мной? Перед детьми? Займись хоть чем-то! Ну, хоть ванну поменяй – эмаль же на ней вся разрушилась. Пока есть в продаже ванна!

– Нет! – упрямо качнул головой я.

– Ну что “нет”? Ну, ты хоть последние деньги вложи во что-то!

– Та ванная, которая в продаже, не влезет в нашу роскошную ванную комнату.

– Меньше теперь не бывает!

– Правильно! У нас длина комнаты – метр пятьдесят, а в продаже – метр семьдесят.

Аргумент был серьёзный, но страдальцу это не смутило. Запасы были неисчерпаемы.

– Ну, так на базар съездил бы, узнал – можно из двух драных ондатровых шапок одну нормальную сделать? – сразу же предложила она.

– Не надо! Мне двух драных как раз и хватит!

– Нельзя их носить! Нельзя! Вот всё, чего ты в жизни добился! Загубил ты мою жизнь, загубил!.. Нищие! Всю жизнь – нищие! – уже тише, но гораздо убедительнее сказала жена.

– Я виноват? – начал заводиться я.

– А кто же виноват? Я?

– Как кто? Евреи виноваты! Это же как день ясно! Вот пойду, сменю национальность – тогда буду виноват.

– Сейчас, когда столько возможностей!.. Только мозгами крути! – как танк, катила вечная и главная жертва социальных и политических потрясений.

– И совестью! Совестью особенно! Для кого возможности? Для жлобов и амёбоподобных? Для Брынцаловых-Мудозвоновых?

– Всех обзывает жлобами... Ой, голова болит! – не выдержав аргументации, застонала моя прекраснейшая во всех отношениях и проявлениях половина. – Но я наметила себе план работы на день, и я его выполню!

– Дочь коммуниста! Внучка писарчука Чапаева! Дочь кегебешника и обехеесника! Кого ты только не дочь! – оценил я, безусловно положительную часть преемственности и наследственности определённых дисциплинарных качеств моей прекрасной половины.

– Да! И жена бездельника и симулянта!

– Отличница! Комсомолка!

– Вот! Благодаря мне ты на этой земле и существуешь!

– Бог ты мой! Ну, конечно – благодаря! “За смех и за печаль, за тихое прощай – за всё тебя благодарю-у!”.

– И меня топят и сам топится...

– Куда я тебя топлю? – опять удивился я. – Вчера пришла из бани (Да какой! Кунаевской!) – напарилась! На аэроглобику сходила? Сходила!

– Скажи спасибо, что не к Аравину на аэротуку!

– Спасибо, родная! Кофейку попила? Попила! Топят меня! Топят! Работу ей нашёл – можешь работать, можешь не работать. Кайф! Так она целыми днями там за гроши пропадает...

– В отличие от тебя – у меня есть совесть!

– Да ты не работаешь там, не работаешь! Ты с удовольствием общаешься со всей этой гоп-компанией! – вскричал я и, неожиданно успокоенный новой мыслью, сразу переключился: – А, в общем-то, правильно делаешь. Надо же хоть как-то бессмысленность компенсировать, раз вся наша профессия не нужна здесь никому.

– Она везде никому не нужна, – уже более спокойно сказала жена. – Мы с тобой вникла, а это что-то совсем нематериальное и непрестижное.

– А зачем тогда работать? Зачем пахать? Надрывать нервные клетки? Попробуй-ка придумывать каждый раз что-то новенькое! Зачем это делать, если не нужно это никому? Если это профессия неизвестно какого, и уж точно не нашего, будущего? Если всем нужно только покушать и покакать! Хотя я всё равно считаю, что гуманитарное образование – дерево, на котором даже самый технократический плод будет всегда живым и вкусным. В Японии после войны, когда экономика была разрушена, сделали главными предметами не физику, химию и математику, а поэзию, живопись – искусство! И что? Теперь Япония одна из самых развитых стран. И не за счёт эмигрантов, а благодаря тем детишкам, которые выросли. А почему? Потому что японцы развивали личность способную к любому творчеству.

– Может, ты и прав, – неожиданно согласилась жена. – Лучше я буду манты варить и продавать на улице. Это лучше и людям и нам.

– Это другой разговор, что лучше людям... – всё-таки попытался я повернуть разговор в нужное русло, но не тут-то было.

– Вот пойдешь, достань мешок муки – и я буду лепить манты! – шарахнуло в ответ.

– Вот твою мать! – взорвался я. – Теперь иди – мешок муки доставай! А яйца где ты возьмёшь в таком количестве? А мясо?

– Кто же студентам да прохожим на яйцах да с мясом делает?

Мы оба расхохотались, и Бог вернул меня в настоящее.

– Ну и как ангел Ленуся? Соответствует твоим стандартам? – спросил он.

– Вполне и без нумерации, – ответил я. – Суперангел! Малина – это малина, клубничка – клубничка, спелая вишня – это вишня. Одно не исключает другое и друг с другом не конкурирует. Это только дыню мешать ни с чем не рекомендуется, а остальные ягоды и фрукты в определённом порядке и наборе только на пользу.

– Мда-а... Вечность живи – вечность учишься! – вздохнул Бог. – Я мучался, редактировал заповеди, и что получилось?

– Херня получилась! Что это за законы, которые невозможно не нарушать? Пьянь-отец на глазах у дочери отрубает топором голову алкоголичке-матери, а потом насилует дочь, да ещё

и в особо извращённых формах, так она должна чтить отца и мать свою, а потом папочке любимому быть мамой? Или если меня убивают, так я – «не убий!»? Или мы от голода пухнем, а рядом с жиру бесятся и шиш нам показывают, да ещё и издевательски посмеиваются – “не украдь!”. Пассивное отношение к насильственному разрушению хуже, чем само разрушение!

– Господи Боже ты мой, да я-то тут при чём! – изумился Бог. – Заповеди – ориентир! Для того, чтобы вы не истребили друг друга до того, как созреете! ВСЁ, ЧТО СЛИШКОМ, – ГРЕХ!

– погоди! – перебил я взволнованно. – Это значит...

– Это значит, что, как правильно поняли ваши герои, каждый раз “Думайте сами, решайте сами – иметь или не иметь!” – пропел Бог. – Больше свою совесть слушайте, которая, как они же правильно догадались, – голос вашей бессмертной души. А что такое душа даже я не знаю до конца. Она без моего ведома образовалась. И теперь и меня тоже бездушным не назовёшь...

Дверь кухни со стороны двора закрипела и, озарённый своей неповторимой солнечной улыбкой, вошёл Сергей Яковлевич – мой со всех сторон юридический папа.

– Приве-ет! – как всегда при встрече, изумлённо-радостно протянул он. – Где тут у вас дворовый свет включается?

Ничуть не удивившись (устал я сегодня удивляться!), я открыл кухонный шкафчик и молча воткнул спрятанную там вилку с проводом в розетку. Две мощные лампы, одна из которых была прикреплена на доме, а другая – на огромной орешине, вспыхнули, и...

Ну, это всё-таки надо видеть! Это надо слышать! Где-то за домом духовой оркестр грянул “Москву первомайскую”, и тут же произошла полная смена декораций. Брызнуло яркое солнце, и стиснутый со всех сторон израильский садик ушёл вниз, а мы поехали вверх.

Я бросился к окну и обмер. Внизу, по уходящему за горизонт цветущему яблоневому саду, шёл дед Наум – мой родной отец, – он же один к одному одноимённый эскулап из романа, но лет на тридцать моложе. Роса на белорозовых облаках соцветий сверкала бриллиантами и сыпала разноцветные зайчики на его, с детства знакомый мне, ослепительно белый и элегантный пиджак. В полном восторге от весеннего буйства он время от времени срывал яблоневые соцветия и, читая стихи, брызгал себе в лицо росой и обсыпал себя ими:

Когда я пьяный – хочу быть трезвым.

Когда я трезвый – хочу дурман.

Я недоволен, я неспокоен,

О, я уверен, что всё обман.

Обман в желаньях, обман в стремленьях.

Порывы сильных – лишь ураган.

Во всех поступках, во всех движеньях

И жизнь каждого – обман.

Привет обманным настроеньям!

Привет обманутым мечтам!

И чтобы не было сомнений,

Я пью и предлагаю вам!

Соцветия подлетали, и некоторые, кружась в фантастическом танце, обсыпали и нас живительной влагой.

– Бр-р! – радостно фыркали мы и, вслед за отцом, вспыхивали всеми цветами радуги, совершенно шалея от следующего стихотворения:

Весенний день горяч и золот,

– Весь город солнцем ослеплён!

Я снова – я! я снова молод!

Я снова весел и влюблён!

Душа поёт и рвётся в поле,

Я всех чужих зову на “ты”...

Какой простор! какая воля!

Какие песни и цветы!

Скорей бы – в бричке по ухабам!

Скорей бы – в юные луга!

Смотреть в лицо румяным бабам!

Как друга, целовать врага!

Шумите, вешние дубравы!

Расти, трава! цветы сирень!

Виновных нет! все люди правы

В такой благословенный день!

– Слушай!.. – обратился я к дырке, но увидел лишь её тень, исчезающую в холодильнике и самозабвенно выпевающую: “А кругом сады беле-еют, а в садах бушует ма-ай!..”.

– Пойдём, покаемся! – сказал тесть и, обняв меня за плечи, вывел из дома и провёл в сад по склону горы, усыпанной цветущими одуванчиками и ромашками.

– Нет, нет, нет! – замахал руками отец. – Никаких покаяний! Здесь это уже не нужно! Пойдёмте к столу! У меня ещё с прошлых времён такая вишнёвая наливочка осталась – пальчики оближешь! Я в неё, правда, спиртику добавил лишку, но это для нас не беда. Я и Сергей Яковлевич уже выздоровели, а ты ещё как следует и не заболел.

Тесть только развёл руками и осторожно стряхнул с почти нового мундира лепестки яблоневого цвета.

Надо сказать, что даже мой родной отец, который ещё при жизни был для меня богом, а теперь и подавно, начал понимать меня только в конце жизни. А тесть понял сразу! Когда я женился и не было у меня не только жилья или мебели, но и других брьюк, кроме как свадебных, я купил цветной телевизор. Это наркотическое чудо двадцатого века только-только появилось и стоило бешеных денег, но это были краски мира!

Какой вой поднялся вокруг!

И лишь один тесть сказал: “Ему надо!”.

Настоящий полковник теперь милиции, но со значком “Двадцать пять лет отличной службы в КГБ”, он умер при весьма странных обстоятельствах. Анализируя события и просчитывая ситуации, я подозреваю, что его или убрали, или порекомендовали обратиться к праотцам, спекулируя офицерской честью, которой у самих не было и в помине. Работая в последнее время начальником городского отдела по борьбе с государственными хищениями, он – честный и порядочный чекист (Были и такие! Были!), окружённый жульём, в том числе и при погонах и даже в своём подчинении, – с большим трудом привлекал к судебной ответственности то одного, то другого, и, после отправки их в места не столь отдалённые, через месяц-другой сталкивался с ними же, свободными и счастливыми и явно при деньгах, то в центральном универмаге, то на улице. Талант, труд и идеалы шли коту под хвост, и полковник всё чаще уходил в запой, чем с радостью воспользовались те, кому это было на

руку. Тестя выпроводили на пенсию (а ему было всего сорок восемь лет), и, как это бывает в таких случаях, тут же от него отвернулись почти все друзья, знакомые и сослуживцы.

Мало того!

Кто-то особенно мстительный что-то где-то подтасовал и навесил на него вдогонку какое-то позорное уголовное дело, связанное с чем-то денежным, отбиться от чего теперь было очень проблематично. За день до кончины я застал его, ещё не сильно пьяного, одиноко стоящего посреди тёмной кухни.

– Не включай свет! – сказал он и добавил. – Прости меня! Я очень виноват перед тобой!

– Да ну, Сергей Яковлевич, бросьте! – попытался я снять неловкость момента, хотя извиняться всем нам друг перед другом всегда есть за что, но понял это тогда только он.

– Нет! – сказал он твёрдо и очень трезво. – Я скоро умру, так ты уж меня, пожалуйста, прости, если можешь!

Растерянный, я продолжал по инерции мямлить что-то успокаивающее, но он лишь махнул рукой и вышел.

На другой день (в день рождения Ленина!) он уже с утра прятал одну за другой опустошённые бутылки из-под какого-то дешёвого вина, а где-то часам к трём, видимо, принял на грудь что-то кардинальное из арсеналов чекистской контрразведки, и мой пятилетний сын уже не смог его добудиться...

Теперь тесть был совершенно трезвый и всё время улыбался.

– У тебя хороший вкус, – сказал он мне, любуясь на яблони. – Рай – высший сорт! Вы со мной согласны, Наум Аркадьевич?

Отец только улыбнулся и, вместо ответа прочитал такое же, как и первое, знакомое мне с детства, своё стихотворение:

Так странно всё, что больше нету слов.

Что б ни сказать – всё было или есть.

Переживаний всех нам никогда не счесть,

Но, опьянённый, я писать готов.

Наследственность веков, наследственность прадедов

Культурою веков стараемся глушить.

И лишь развитие нам позволяет жить
И отличать себя от самоедов.
Но верьте вы, что человек таков,
Каким он создан был природой.
И если мы заглянем вглубь веков,
То и тогда изжога заливалась содой.

Сергей Яковлевич по-мальчишески присвистнул и поднял большие пальцы обеих рук – стихотворение было принято как согласие.

Сад был действительно великолепен!

А утро...

Правильно догадались!

Утро было свежо и очаровательно!

Радужно переливаясь, мы сделали несколько шагов и вышли к моему родовому гнезду. Неказистые стены саманного домика золотились под лучами солнца теплом, уютом и покоем. Как я стеснялся в детстве и юности его бедности и убогости по сравнению с домами других врачей – коллег отца! Но теперь, когда количественные категории не имели никакого значения, я несказанно обрадовался встрече с ним, давно сметённым с лица земли в пользу более весомых и фундаментальных, но чужих построек. Тут, как и раньше, росли не только яблони, но и черешни, вишни, сливы, урюк и моя любимая старая груша, на верхушку которой я в детстве героически залезал одним махом. И на всех были одновременно и цветы и плоды. Да и вообще сад начинался теперь отсюда и уходил в бесконечность направо и налево, и даже в ту сторону, откуда мы пришли. А за домиком пылила улица имени героя российской революции Камо и весь остальной пейзаж моей талгарской родины.

– Ну, ты тут располагайся, а мы с Сергеем Яковлевичем пойдём за вишнёвкой, да заодно и примем по маленькой, – сказал отец и увёл тестя в дом.

В беседке раздавался топор дровосека, столяра, электрика, повара, шофёра, кинофотооператора и вообще типичного русского умельца-самородка и одновременно чистопородного еврея (потому что по матери!) – Козлова Валерия Петровича. Это я обнаружил, когда заглянул в неё, и обрадовался несказанно, так как это был, похоже, один из последних в этой жизни друг, товарищ и брат по духу. Он не пел мне, как полагается друзьям, дифирамбы. Совсем наоборот! Он поносил меня при каждом случае последними и сочнееими словами и эпитетами, но всё это почти всегда по-доброму, и потому я не обижался, а был взамен (на что он тоже, похоже, обижался не очень и не всегда). Короче,

это был человек, которому можно было говорить что угодно, о чём угодно и в любом настроении, а много ли у нас в жизни встречается таких людей?

– Что стоишь? Помоги самовар поднять! – ничуть не удивившись моему появлению, сказал Валера.

В отличие от моей астенической фигуры, он был тучного телосложения и на голову выше. Но и самовар был тоже не маленький.

Мы осторожно подняли уже закипающий старинный чайный дредноут и поставили его на новенький откидной беседочный столик.

– Щепы я нарубил достаточно, так что можно немного и отдохнуть, – добавил Валера и присел на тоже новенький гамак.

Вообще всё в беседке было новенькое, да и сама беседка была как будто бы только что сданная под ключ. Даже зелень хмеля, кстати, тоже не по сезону почти полностью покрывающая её, была изумрудно свежая и пахучая.

Эх вы, друзья мои, товарищи и родственнички!.. Первый друг у меня был Володька Нигай (он же по матери Насонов). Это где-то с первого по шестой класс. Его мать была врачом, мы были одноклассниками, да ещё и жили рядом, – вот нас и подружили.

Потом появился тоже первый, потому что уже мною выбранный, друг – Витька Глотов. Недолго мы с ним радовались взаимопониманию, недолго... После сдачи последнего экзамена за седьмой класс (а он был тогда первым выпускным) он пошёл с ребятами делать на спор заплыв в одном из местных искусственных прудов и, как всегда и во всём, победил, но... утонул, в двух метрах от сверхпобедного берега.

Уже к концу обучения в талгарском медучилище, куда я поступил сразу после окончания седьмого класса (а одним из толчков к этому была гибель Витьки), я сдружился с однокурсником Яшкой Веккером. Учились мы, учились четыре года рядом и вдруг обнаружили, что духовно очень близки и интересны друг для друга. Но кончилась учёба, и он – в мединститут, а я – фельдшером на скорую помощь.

Там я сошёлся с Борькой Исабаевым (попозже я с горечью, но очень чётко узнал, что он, оказывается, категорически Аблай Ахметович и земля эта не моя и его, а только его!). С ним, кстати, я тоже учился в одном медучилище, но дороги наши не пересекались никак. А тут вдруг пересеклись. В основном, на вояжах по девочкам... На общем интересе к девочкам, а также и уже довольно сильно разгоревшемся музыкальном, я сошёлся и с Алькой Серкебаевым (но это уже во время гужеваний в стенах консерватории). Отец его (знаменитый в то время певец в Казахстане) был казах, а мать русская. В общем, Алька был не чистый казах, а по еврейским законам так вообще – русский! Это, не очень ущербное в то время, обстоятельство со временем стало невыносимым, и, несмотря на то, что и композитором он стал известным, и как личность был неординарен, но психологически дышать и ему стало трудно. А для творческой личности это не так уж и мало.

Дальше всё шло в ногу с нашим временем и его проклятой деструктивностью. Яшка Веккер уехал в Германию, амурные пируэты закончились женитьбами, но Исабаев остался на бывшей нашей, а теперь только его родине, а Алька Серкебаев (к тому времени уже тоже обязательно Алмас Ермекович) смылся в Америку, несмотря на полное национально-паспортное соответствие.

Посмотрел я как-то утречком (или вечерочком) вокруг (а это было уже в Израиле) и ахнул – о поле, поле, кто тебя усеял белыми костями!

Один Козлов скакал где-то по сибирским горизонтам с фотоаппаратом в руках.

–”Э-эх!” – написал я ему. – “На безрыбье и рак – рыба, на бесптичье и жопа – соловей! Давай-ка ко мне, соловушка! В Израиль! Тем более что паспорт позволяет. Тут, по крайней мере, не замёрзнешь, а случайно подорвать или подстрелить сейчас могут везде”.

Приехал он, осмотрелся... и тут же начал думать, куда бы ещё смыться...

Сейчас он покачивался в родном моему сердцу гамаке и, как всегда, и тут был не очень шибко доволен.

– Здесь, конечно, тоже не Диражня, но всё же лучше, чем там, – говорил Петрович и кивал в предполагаемую сторону Израиля. – Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна!

Диражня – это такая же дыра, как и Талгар, но только на Украине. Он этой Диражней мне все уши в Израиле позалепил. О чём бы речь ни зашла (особенно в последнее время), всё сводилось к тому, что “а вот в Диражне!..”. Ну, Родина – ясно!..

– Чай пить будешь? – спросил заслуженный диражновец.

– Да какой там чай! Ты посмотри, что вокруг творится?

– А что творится? Ничего не творится. Просто сегодня празднуется день рождения твоей никчёмной и скучной книжонки. Тут все её читали перед твоим приходом. Просто поразительно, что кому-то она не противна. Что там может понравиться? Такое же фуфло, как и ты! Я только тридцать страниц прочитал, и меня три дня рвало!..

– Да уж от тебя дождёшься похвалы и поддержки!

– Ну, если что-то достойное, то я со всей душой. Акунин, например, – вот это действительно!..

– А почему не Чехов или Гашек?

– Ну, это вообще святое. Об этом я и не говорю. Нахальства в тебе сверх всякой меры! Ужа-асный человек! Грубый! Я понимаю, здесь вся родня твоя, знакомые давние и недавние и прочие субъективные доброжелательные ценители, но правды-то никто не скажет. Как оно есть в действительности и чего оно стоит – это только я могу сказать, да ещё и прямо в глаза.

Так что слушай внимательно и мотай на свой рыжий и плохо подстриженный ус. Ну вот, самовар закипел! Понесли его к столу! Да осторожнее берись – обожжёшься!

– Вроде бы я ещё книгу и не закончил... Чего праздновать? – проговорил я сдавленно, так как самовар был довольно тяжёлый.

– Здесь, к скорби людей со вкусом, твои так называемые литературные страдания давным-давно закончены. Но всё-таки, к великой радости живущих там – в нашем времени и пространстве, – ещё не изданы, – успокоил меня Валера. – Не торопись! Идти довольно далеко...

Действительно, путь к праздничным столам был неблизкий. Мы раз пять отдыхали, прежде чем наконец водрузили чудо купеческого быта на отдельный маленький столик. Тут же рядом стояли столики со сладостями, фруктами, ягодами и всяческой хрустящей и пышной сдобой, а столики для гостей располагались прямо под яблонями и между ними.

За одним из них уже сидели трое: год назад преставившаяся Ахромеева Лилиана Григорьевна и вроде бы ещё живые Беловы – друзья моей жены. Судя по их довольным лицам, взаимопонимание у всех троих было полное. Увидев нас, они приглашающе замахали руками, и мы подошли.

– Ну что ж, именинник, – сказала Лилиана Григорьевна, перелистывая довольно внушительную по объёму и, видимо, мою книгу. – Я очень люблю вашу Леночку и вас знаю достаточно долго, но ничего хорошего о вашей книге, к сожалению, сказать не могу. Вы уж не обижайтесь, но я должна сказать: когда читаешь произведение хорошо знакомого человека, зная, что он вообще-то не писатель, то, конечно, уже... впечатление другое. Тем более что я знаю автора, его манеру говорить. И поэтому у меня сквозь произведение всё время перед глазами автор. А поскольку я сама человек пишущий, то всё-таки я начала читать, не обращая внимание на ошибки, стилистику... Правда, я не выдержала и начала в некоторых местах исправлять, но потом их оказалось столько, что я бросила. Вы ведь замахнулись на большое произведение, а ошибок... Это ведь не рассказ. Если вы пишете “бархот”, а таких ошибок тысячи... Это явный непрофессионализм!

– Верно! Совершенно верно! – обрадовался Петрович. – Вы ему поконкретнее пожалуйста, поконкретнее! По существу!..

– Не перебивайте, молодой человек! – осадила Козлова Лилиана Григорьевна. – Я и говорю о произведении конкретно. Во-первых, оно написано непрофессионально с точки зрения грамотности. Такое впечатление, что его писал полуграмотный человек, – это раз! Художественное произведение должен писать прежде всего человек грамотный! Во-вторых – стилистика! Стилистически там чёрт-те что! Вот так вот... Вот из-под этого всё... Всё время вот так... Впечатление складывается из многих компонентов. И почему я с этого начала? Потому что мне, как пишущему человеку... мне больше всего это бросилось в глаза. Потому что это заслонило всё остальное. Дальше я скажу о существенном: мне непонятно вообще, о чём вы написали! Мне было неинтересно читать! Я начала – было интересно. Через двадцать страниц я книгу отложила – было уже неинтересно. Во-первых псевдоюмор сплошь везде. Уже не сарказм, не сатира – даже не поймёшь, что это такое. Сплошной жаргон – два! Если идёт разговорная речь, то тогда допустимы и жаргон и нелитературные куски, но когда идёт

от автора и там жаргон... это уже извините! Следующее – это сплошные задницы, онанизмы, полшестого и так далее, и так далее... Это заслоняет основную вашу мысль. И что хорошего, что вы всё это показали? Что вы всё это вывели... Если вы считаете, что вы открыли Америку и написали произведение, которого никто ещё до вас не написал, то вы ошибаетесь. Короче говоря, мне не понравилось! Идеи в этом произведении нет! Вообще, что, собственно, вы хотели сказать? Описать всю эту мразь, начиная от взрослых и кончая детьми, – ну и что из этого? Вы даже фамилии поставили тех людей, которые действительно существуют или существовали. Грандкевич – это Гринкевич, Иван Смирнов – Валентин Смирнов! Вы видели жизнь только с этой мерзкой стороны, и это не сатира. Это псевдосатира! Сатира не проглядывается. Искусственно!.. Я говорю то, что я увидела в этой книге. Другой скажет что-нибудь другое. Так как мне дали читать, то и слушайте! Потом будете анализировать. Как бы вы ни восприняли – это мне совершенно безразлично. Я вам говорю своё мнение. Нелицеприятное! Потому, что я вас хорошо знаю! Абсолютно ничего нового!..

Я попробовал вставить Некрасовское “Кто живёт без печали и гнева, тот не любит отчизны своей!”, но весьма известная в своё время в Алма-Ате дама не позволила мне это сделать.

– И не перебивайте меня! – вскричала она. – Что это такое? То один, то другой! Вам человек старшего возраста говорит, а вы перебиваете. Вы считаете, что вы правы во всём и всё! Мне чихать, как вы будете думать про меня! Я сама полуеврейка, а о евреях вы неправильно пишете. Вы не выявили ничего! Берёте какую-то вещь, описываете её жаргонным языком... Вы разговариваете сами на жаргоне, но нельзя разговаривать и так же писать! Зачем мне дали эту книгу? Если вы замахиваетесь на такие произведения, то надо всё учитывать.

– Я не знаю... – всё-таки вклинился я. – Грамматические ошибки – хлеб корректоров, стиль – моя индивидуальность, а жаргон... Правда – это! Вот так оно и есть! Вот так и разговаривают сегодня, и я в том числе! Какой это жаргон, когда это уже норма. Может быть, к сожалению, но вот так!..

– Ну вот! Вы говорите, ошибки – это ерунда, стиль – ерунда, что такое жаргон – “я не знаю”. Главное, что это правда! Ну и что из того? Когда автор убеждён в своей непогрешимости то, что можно говорить? Никакого впечатления у меня от произведения не осталось, кроме того, что чем больше в лес, тем больше дров... И дайте мне досказать, а то я вас вообще сейчас выгоню!

– Здравствуйте! – подумал я, но только развёл руками.

Петрович тоже оторопел, но, я думаю, по другой причине. Его явно перещеголяли.

Лилиана Григорьевна же продолжала:

– Это всё хуже, всё хуже, всё мрачней, всё мрачнее... Наконец, это какой-то уже маразм! Буквально маразм! Вся эта гадость, которая вылилась на ваши страницы... Хорошо, это в жизни всё есть, но надо же это как-то оформить литературно! Оформить это жизненно. Что есть наряду с мразью, с гадостью... есть и хорошие стороны! Тех же ваших героев... вы что-то пытаетесь их... что-то... что-нибудь... чтобы они получше... и опять закапываете их в

грязь! Что это такое? Кто они такие? Что они хотят? Что они ищут? Какого смысла жизни? И почему там без конца блатной этот жаргон? Бесконечно! В конце концов, противно! Ничего хорошего в этом нет! Когда книгу отбрасывают оттого, что её противно читать, – это крах! Это провал! Зачем это нужно было писать? Очень много написано сегодня публицистики, где гораздо более жёстко написано и так оформлено, что хочется дальше читать: “А что там дальше?”. Вашу книгу дальше читать не хочется! Потому что так, как будто в говне копаешься. И ничего хорошего в этом нет! Можно подумать, что вы пережили больше, чем я! Вообще я всегда подозревала, что за вашими “ля-ля-ля” и “хи-хи-хи” кроется кое-что... Так... Теперь о героях. По героям я тоже ничего хорошего сказать не могу. Что в них хорошего? Ну, Наум Аркадьевич... Герои ваши – это ваша книга, и они все обмазаны дерьмом. Вы их всех обмазали дерьмом. И себя, в том числе, тоже. Ваша книга – это сплошная уборная! Это сортир!

– А Швейк? – снайперски вклинил я.

– Швейк тоже, но как это написано! А ещё набиваетесь в писатели! Я сначала даже начала выписывать эти дурацкие обороты ваши, но потом плюнула. “Колода экзаменов” – что это за выражение? Вот это и есть псевдоюмор! Вот вам классический пример вашего псевдоюмора: “Бедняга зритель, уделанный вконец...”. Если бы это было в монологе, в диалоге – ладно. А это говорите вы! “Аромат ударил по зале...”. Это даже в колхозе так не говорят! Что это за стилистика такая! У вас есть несомненные способности, но надо слушать других, и особенно тех, с кем вы не согласны. И не только меня. Дайте мне сотню человек, и они скажут то же, что сказала я. Вы можете копать в дерьме... всё сейчас делается... сейчас гласность и всё прочее, но...

– Да это с восемьдесят первого года я начал писать. Сразу после смерти отца! – опять снайперски вставил я.

– Ах, вы это писали в восьмидесятых! Но всё равно... – только на секунду отвлеклась Григорьевна. – Это хорошо, что вы тогда писали, но зачем же вы это всё обернули в говённую бумажку? Надо же это было литературно поднести. Литературно, а не тем жаргоном! Вы посмотрите, как Салтыков-Щедрин саркастически-сатирически преподносит! И как вы это делаете? К тому же драматически непонятно, что это за эпизоды. Куда они ведут, во что складываются, где кульминация? Должна быть какая-то главная мысль, главное какое-то стечение обстоятельств! В природе есть какие-то вещи, которые, при всём при том, что они естественны, тем не менее, ни на экран, ни на страницы журналов в обнажённом виде... их не тянут! А мат – это презумпция России! Матерщина – это только русское качество! Это только в России! Матерщина как таковая – это только изобретение русского человека. А бранные слова есть в любом языке. По-вашему получается, что можно писать, как сидит человек в туалете и испражняется или как женщина рожает? Есть эстетические вещи и неэстетические... Возмутило меня в вашем произведении то, что вы замахнулись на хороший, правильный вопрос, например, еврейский, и всё это изговняли. Ничего не объяснили, а на каждой странице у вас дерьмо! Вот в вашем произведении и проглядывается самый настоящий шовинизм и антисемитизм. А Федя ваш просто дурак дураком...

– Мы с Валеёй совершенно согласны с вами, Лилиана Григорьевна, – вступил Белов Витечка. – Ты пишешь так, как будто сам копаешься и живёшь в этом дерьме, а не со

стороны. И, как правильно заметила Лилиана Григорьевна, жаргон, действительно, идёт не в прямой речи, а в речи автора. Нелитературный язык!

– Подобное этому похабство мы уже читали, и ещё почище, давным-давно – так что не удивил. “Москва-Петушки”, например, – подхватила Валентина. – То же самое! Подзаборная проза! В общем, это не роман. Впечатление такое, что это коробка с пуговицами. Открываешь – пуговицы разные. Одни блестят, другие красненькие. Всё это бросается в глаза, но в этом нет системы. Не связано ни с чем. Стержня нет! Очень искусственное деление на главы. В некоторых местах, если поменять местами, ничего не меняется. Это ветви, которые можно переставить со ствола вверх, вниз, вправо, влево...

– Учиться надо, молодой человек! Основателю социалистического реализма – Горькому это бы не понравилось тоже, – добавил жару Витенька, который был на два года моложе меня. – Ты, как прибор, но где-то балла на два. Постоишь, заслушаешься – и опять идёшь к своей келье. Ты, наверное, привык описывать слухи, кем-то донесённые сплетни. Поэтому даже то, что с тобой происходило, читаешь, как сплетню чью-то. Автора в романе нет! Федя – это же ты?

– Да, – сказал я. – Почти что! Как, впрочем, и все остальные...

– Вот. Что это за автор? Действительно – дурак дураком! И посвящение надо было бы к твоей писанине написать простенькое и со вкусом: “Жидам посвящается!”.

Лилиана Григорьевна вскинула брови, а Валера тут же потащил меня в сторону.

– Ну, чего ты меня увёл? Не дал попрощаться по-человечески, – недовольно выговорил я ему, когда мы отошли метров на сто. – Смотри, как дружелюбно они машут нам вслед!

– Да ты действительно дурак дураком! Тоже мне, нашёл друзей!

– С чего это ты взял, что я их находил? – возразил я. – Во-первых, они мне достались вместе с женой, как приданное, а во-вторых, ты-то разве лучше? А ведь тебя никто мне не навязывал. Тебя я, главного обсерателя, выбрал сам! Из того, конечно, что было. Судьба у меня такая. Стезя! Такой всегда уличный писатель, как я, – не профессия, а схема. Меня никто никогда не открывал и не поддерживал, хотя я пишу как оглашенный лет с пятнадцати. Это – судьба! От неё не отвертись! А уж какая она сладкая – сам видишь. Хочешь примерить?

– Что я, сумасшедший?

– Ну вот! Вон тётя Надя с Сулейманом сидят! Да какие молодые и радостные! Может быть, хочешь послушать, что они скажут? Это, как-никак, не только ближайшие родственники, но и герои одноимённого рассказа Феди, то есть, конечно же, и моего тоже.

– Нет! Хватит! Достаточно на сегодня!

– Правильно понял. Пойдём лучше просто прогуляемся!

Мы молча пошли по саду, и я тут же вспомнил, какую мне дала характеристику правдоруб-тётушка, когда я надумал жениться. “Взбалмошный и такой же, с пишихазами, как и его отец, но тот труженик, а этот ни работать ни учиться никогда не будет!” – успокоила и приободрила она моих будущих юридических родственников (мой отец в это время был прооперирован и, отходя от шестичасового наркоза, не мог ничего ни прибавить, ни убавить).

Может быть, от этой её не слишком продуманной рекомендации (трудно сложились мои отношения с родственниками жены после такого приговора), а может быть, и от чего другого, но умирала моя любимая (всё равно любимая!) тётя Надя страшно. Сначала она вся опухла. А когда не смогла уже встать со своего диванчика, то отказалась от еды и питья, чтобы не ходить под себя и не выслушивать не слишком радостные по этому поводу возгласы и монологи вынужденной ухаживать за ней и люто ненавидевшей её всю жизнь невестки.

Неприязнь между невесткой и свекровью, тёщей и зятем – явление ненормальное, и я в этом плане тоже небезгрешен. И если это психологические несовместимости, то Бог с ними – они обратимы! Но когда конфликты возникают из-за баракла, денег и вообще любой иной неживой материи, то это, действительно, – крах! Поклоняясь мёртвому и ставя это мёртвое важнее и выше живого, человек сам мертвеет и начинает сеять вокруг разрушение, горе и мертвечину. Как для тётушки, так и для её невестки материальное, да ещё и с оттенком шовинизма, было главным. То есть телега бежала впереди лошади и не вещь для человека, а человек для вещи всё больше и больше жил, работал и мечтал. А так как обе были практически равными по совершенно мужскому волевому характеру, то конфликты и взаимные обиды не заставили себя ждать. И уже совсем чудовищный характер (куда там Шекспиру!) они приняли, когда им пришлось жить вместе. Будучи уже не в той силе и не в том авторитете, что раньше, тётушка (ей было в это время девяносто два года) начала с отчаяния рассовывать по комиссионкам все свои драгоценности и мебель. Время было такое, что всё пошло за гроши, но лишь бы не досталось невестке!..

Моя жена была посредником по распродаже. Тётушку она, так же как и я, любила и, не будучи в силах переубедить её, не спорила, а просто помогала, как могла (талантлива была Надежда Аркадьевна и очень интересна, что ещё более прискорбно по её жизненному финалу). Нам достались из всего этого потока распродажи антиквариата и драгоценностей только два стола со стульями, поломанная люстра и валявшаяся в кладовке залитая водой акварель. И то мы не хотели и это брать, но тётушка заставила – “на память!”.

Ясно, что и до того натянутые отношения с двоюродным братом прервались окончательно (он, его жена и её родня думали, что мы коварно озолотились), а ненависть невестки к свекрови начала принимать уже совсем патологические формы...

– Ты знаешь, я, пожалуй, пойду! – неожиданно прервал мои совсем не радостные воспоминания Валера. – Ты сегодня получил уже достаточно, а мне ещё дома полочки надо закончить.

– Подожди! Мы же ещё с тобой отцовского шмурдяка не пробовали!

– С чего ты взял? Я уже приложился. И как следует! – сказал Петрович и, грузно качнувшись, ушёл.

Только теперь я отметил про себя, что он, так же как и я, был, в отличие от всех остальных, не моложе своего сегодняшнего возраста.

– Кто это? – сказал кто-то за спиной, и палочка-поводырь легонько ударила меня по ноге.

Я обернулся и увидел двух почти юных и подозрительно очень знакомых мне красавцев и не менее яркую красавицу.

Да это же... Эллочка!

И красавцев я тут же вспомнил, хотя ни её, ни их никогда не видел живыми, а только по фотографиям. Это были давно почившие в бозе в глубокой старости мои московские родственники. Причём первый (с палочкой) был довольно благополучный доктор наук – дядя Гриша, второй (положивший руку на плечо первого) – тоже не менее благополучный доктор наук, дядя Володя, и третья (положившая руку на плечо второго) – дочь кого-то из них, а значит, моя двоюродная сестричка Эллочка (а впоследствии из-за бегства от своей позорной еврейской части просто Елена). И все трое примерно одного возраста, и все – слепые! То есть глаза у них были, и они ими вроде бы даже смотрели, но ни черта не видели! И были у меня к ним и жалость и сострадание, и надежда на то, что в следующем воплощении они прозреют (придётся им вернуться в этот мир, придётся!). Но к этим нормальным человеческим чувствам примешивалось и ощущение божьей справедливости, хотя мне лично ничего плохого они не сделали, да и моему отцу вроде тоже... Нет! Ему они не сделали ничего хорошего (а это ой, как плохо по божьему счёту!) после того, как стали авторитетными и заслуженными, и этим, как ни странно для некоторых, обидели меня в своё время очень. Я не имею в виду какие-то знаки материального участия, хотя это серьёзный и почти всегда решающий фактор отношения к кому-то. Я имею в виду совсем другое. Что я им? Ничто и никто! Это понятно, хотя вроде тоже юридически не совсем чужой. Но отец! Он любил их всегда. Я думаю, в основном, по памяти детства – старшие братья были, безусловно, очень образованны, красивы и удачливы, да и племянница унаследовала у них то же самое.

Любовь отца прощала им все их косвенные и плохо осознаваемые шовинистические и непосредственные плевочки в его, социально второсортную, сторону. Я тоже иногда грешу этим всепрощением, но не так сильно, как отец и, тем более, как Христос. Правильно говорят мои герои – ещё большее разрушение, а потому страшный грех, пассивное отношение к разрушению. И тем более, всепрощение! И опять же повторяюсь – безнаказанность рождает вседозволенность, а вседозволенность – только беспредельное разрушение и горе! И ничто совершившееся нельзя анулировать или уменьшить! Можно только что-то прибавить, а что – ваш выбор! Как я бы сказал, заменив слово “бог” на слово “совесть”, на совесть надейся, а сам не плошай!

Мало что мне известно конкретного (отец никогда не жаловался), но то, что мой исключительно добропорядочный, тактичный и благороднейший родитель не мог позволить себе потревожить их покой даже на пять минут (не говоря уже о том, чтобы погостить день-другой), говорит о многом. Очень многом!

Последний раз, будучи проездом в Москве, он столкнулся в толпе с Эллочкой. Невероятная случайность – столкнуться в многомиллионной толпе столицы с кем-то знакомым тебе, а тем более – с родственницей. Они поехали такому необыкновенному

случаю, и племянница, узнав, что дядя Ньюма только назавтра к вечеру уезжает, как достойная дочь своих родителей, конечно же... не пригласила его ни к себе и, уж тем более, ни к своим родителям, дяде или, в конце концов, к кому-нибудь из своих знакомых, которых у неё было – море. Отец опять, в который раз, ночевал на вокзале, и хоромы его родственников и их знакомых не были осквернены и стеснены его второсортным присутствием.

Ну, братья – ладно! Попавшие, как и их сестра и её невестка, в те же лапы вещизма и шовинистических определённых социальных условностей, где ЧЕЛОВЕК всегда вторичен, они ничем материальным не были обязаны моему постоянно нуждающемуся родителю (о духовном или о каком-то элементарно моральном долге я вообще молчу). Но Эллочка! Она же в то время совсем недавно вышла замуж за первого секретаря одного из райкомов Москвы только благодаря моему отцу! Правда, косвенно, но всё-таки – благодаря! И ещё как благодаря! Он как раз работал в Гаграх, в санатории имени исторически проклятого семнадцатого партсъезда, врачом, и она приехала к нему в гости якобы за тем, чтобы отдохнуть и половить рыбку, а на самом деле – только половить, но не ту, что в море, а ту, что прохлаждалась в санатории. А прохлаждались и загорали в этом режимном санатории граждане по должности не ниже первых секретарей райкомов.

Каждый день Эллочка надевала сверхэкзотическое японское кимоно (в то время, после победы над Японией, оно было модным) и, как яркая наживка, фланировала по санаторию и его пляжу, куда, похоже, даже мухи залетали только по спецпропускам. Даже само по себе новенькое трофейное кимоно было неотразимым, а в сочетании с привлекательной мордашкой, точёной фигуркой, социальным положением (уже в то время Эллочка была профессорской дочкой) и познаниями от Баха до Фейербаха оно било наповал. Быстро выбрав то, что ей было нужно, сестричка тут же послала своим, я думаю, в нетерпении ожидающим результата, папочке и мамочке телеграмму:

“Сети свёрнуты – улов богатый!”

Палочка ещё раз ударила меня, и я посторонился. – Хам какой-то! Даже отвечать не хочет! – недовольно буркнул старший и всё-таки родной (а куда денешься!) дядя с палочкой, и эта, почти фламандская, тройца ушла вглубь невидимого для них прекрасного сада.

Я шагнул вслед за ними, чтобы сказать что-нибудь успокаивающее, но... взмыл в небо.

– У-ух!

Сад с домиком и Талгаром за ним был как на ладони. Почти все столики были уже заняты, и почти все сидящие приветственно махали мне руками. Вон за тем столиком сидят и пьют папашину наливочку давно покойные Бовин Володька, Садыков Толян и Куряшкин Колян. А с ними рядом – ещё вроде бы живые братья Червяковы: прагматичный и очень правильный и умеренный Валерка и неправильный, но именно этим особенно близкий мне импульсивный романтик Генка. Все товарищи моего талгарского детства и юности удалой. А вон... Нет, уже не разглядеть...

Я поднимался всё выше и выше, и скорость росла и росла. Вот она стала такой, что я стал растягиваться и утончаться. И вот уже не совсем я, а какой-то едва заметный блик скользнул

за пределы Земли и, непостижимым образом в момент изменив траектории опасных для неё астероидов и комет, покинул солнечную систему и галактику. И-и!.. Прорвав пузырь вселенной, я оказался среди мириада таких же пузырей, а потом и они, став микроскопическими, исчезли. Я вылетел из чего-то огромнейшего и необъятнейшего и, отлетев на чисто философское расстояние оглянулся (интересно, – чем и как?) и... увидел себя. Ещё необъятно огромный, но уже быстро уменьшающийся, я шёл по израильскому нетанийскому пляжу.

– Раз! – и я уже опять за пределами Земли, космоса, вселенной и... опять вылетаю из себя же.

Всё повторилось, но уже с ещё большей скоростью. Потом ещё раз и ещё... Я вылетал из себя – то пишущего в Натании или Алма-Ате, то играющего на скрипке на улицах Рамат-Авива или в той же Алма-Ате напротив Никольского рынка, то из трущего тряпкой каменные полы одного из супермаркетов Тель-Авива, находящегося всё в том же, более или менее приличном, районе Рамат-Авива, то из подметающего тротуары Рамат-Полега или Кирьят-Нордау – районов Натании, то из всех своих израильских рассказов, то... Скорость росла и росла и снова, и снова носителем и сутью супервселенных был я и только я.

– “Я” – имя Бога! – прозвучало знакомым приближающимся эхом, и от нового скачка скорости всё смазлось и... исчезло.

Остался только полёт. Вернее, ощущение его...

– Гав! – твякнула Чуча, и я тут же оказался около неё – на том же месте, откуда начал полёт.

Увидев меня, собачка запрыгала, как ребёнок, а потом упала у моих ног на спину и заёрзала от избытка восторга и любви, сама себя гладя передними лапками по мордочке, ушам и шее. И хвостик! Хвостик у неё, красавицы, дрыгался, как листик при урагане.

– Чучечка... моя золотая... лапочка моя!.. – обрадовался я, и только хотел её погладить, как она вскочила и, громко лая, убежала.

– Что такое? – не понял я, как вдруг...

Свора собак выбежала из сада и, опрокинув меня, начала, толкаясь, лизать мне лицо, руки, голову, одежду... В полном шоке я замахал руками и задрыгал ногами и... тоже начал обнимать и целовать каждую в отдельности и всех вместе. Это были все мои псы за всю жизнь до Чучи.

– Альфочка... Альфа... – гладил я свою первую собачку.

Альфа

Половина мордочки у неё была белая, а половина чёрная, и знатоки говорили, что это помесь какого-то гордона с каким-то, так же неизвестным мне, лавераком. Как она появилась у нас – не помню. Кажется, отцу её подарили, и он же дал ей такое имя.

Прибегая из школы (начиная с первого класса), я бросал портфель и с Альфой – в сад. После обеда отец уходил на работу, и была мне Альфа и мамой, и родной сестрой, и бабушкой, так как никого из них у меня никогда не было (мама умерла, когда мне было месяцев шесть, и даже фотографий её не сохранилось: какая-то претендентка на её место выкрала их у отца и уничтожила то ли из ревности, то ли с досады). Были случаи, когда я, устав от игр, так и засыпал в собачьей будке, а Альфа терпеливо охраняла мой покой снаружи.

Отец не привязывал её и не садил на цепь, и вскоре весь Талгар знал, что это собака доктора-еврея. Когда мы шли в магазин или в баню, она бежала рядом и ждала нас у порога столько, сколько это было нужно. И всё бы было ничего, если бы не возненавидела моя собачья мамка соседа через дом от нас. То ли он слишком жестоко побил её, когда она помяла его курицу, заскочившую к нам во двор, то ли ещё почему-то, но Альфа начала тащить из его дома всё, что представляло какую-нибудь ценность. Как она пробиралась в хоромы этого типичного кулака (не в смысле организатора, труженика и накопителя, а в смысле того, что за любую малую часть своего добра – убьёт!) – секрет и тайна, но факт остаётся фактом. Осторожно держа в зубах, она приносила к порогу нашего дома сначала мелкие вещи, а потом и целые роскошные столовые и чайные сервизы. Представляете, какая паника поднималась у соседа?

Быстро выяснив, откуда это добро, отец возвращал его хозяину в целостности и сохранности.

Осиный (такая фамилия была у соседа) сначала начал требовать, чтобы собаку привязали, а потом, когда отец попробовал её сажать на цепь и она, перестав в знак протеста есть и пить, вынудила его отпустить её обратно на волю, начал выслеживать её.

Не так-то это было просто! Года два Осиный гонялся за Альфой. Как потом я узнал, он и стрелял в неё, и травил, и капкан ставил – всё тщетно! Наконец эта травля приняла такой комический от безрезультативности оборот, что все соседи уже посмеивались (их Альфа не трогала!). Наконец моя любимая собачка стала приносить такие предметы, которые можно было достать только с комода или в тайниках. Фарфоровые статуэтки, ювелирные украшения и даже полные денег бумажники регулярно появлялись у нашего порога. Изумлению отца не было границ. И вот, как раз почти что в тот же день, когда утонул мой друг Витька, я обнаружил мою Альфочку с разбитой вдребезги головой в арыке, протекающем мимо нашего дома и дома соседа. Как мне рассказали, он в этот раз расставил самые настоящие рыболовные сети и, когда собачка запуталась в них, огромным поленом бил её минут двадцать и ещё минут пять уже после того, как она перестала дышать. Я похоронил её прямо во дворе у старой яблони, и понятно, что горю моему не было предела.

Теперь я расскажу то, что не очень понравится тем, кто совершил насилие или умышленное убийство и избежал юридического наказания. Года через два Осиный умер.

Потом попала в тюрьму его старшая дочка. Потом тяжело заболела хозяйка. Потом... В общем, родовое Осиное гнездо распалось и почти всё вымерло...

– Милорд!.. Милорд!.. Да ты видишь! Какое счастье!.. “Хочешь, пёс, я тебя поцелую за пробуженный в сердце май!..” Рекс, красавец!.. Ну, успокойся, успокойся, дорогой, – ты же меня всего обслюнявил!..

Милорд и Рекс

Милорда отец уже держал на цепи. Тем более что это была помесь восточно-европейской овчарки с бог знает кем, но тоже огромным и явно не декоративным.

В один, совсем не прекрасный, а, наоборот тусклый зимний день я обнаружил, что собачка не видит. С ветеринарным обслуживанием в то время, а особенно у нас, было глухо, но на моё несчастье единственный известный нам в Талгаре ветеринарный врач жил совсем рядом (кстати, напротив дома Осиного). И неудивительно, что я побежал к нему. В его огромном доме царили разруха и убогость хронических попоек, но где мне было соображать, что от этого дома надо бежать, и бежать подальше.

– Корми псину сырой печенью! – едва ворочая языком, сказал несчастный потомок Айболита, но дозу не назвал.

Снял я цепь с моего Милордика, завёл в дом и начал кормить сырой говяжьей печенью.

Ребёнок – он и есть ребёнок. Даже если это подросток. Я решил, что чем больше съест собачка, тем лучше...

Погибла собачка!

От этого неожиданного изобилия и несварения...

Уж не буду рассказывать как – эстетики в любой смерти не очень-то много...

Но для Божьего счёта этого, видимо, было мало. Уже через сколько-то лет (не помню точно – сколько!) младший сын ветеринара «бомбанул» местный тир и бродил по улицам с обрезанной малокалиберкой, постреливая время от времени то по воробьям, то по курицам, то... Увидел он в нашем дворе мирно сидящего добрейшего и милейшего (а потому всегда не на привязи) Рекса (помесь кавказской овчарки и тоже какого-то пастушьего пса) и, обладая зорким глазом и никогда не вздрагивающей рукой, пальнул ему прямо в сердце. Собачка подбежала к отцу и медленно умерла у него на руках.

Вот это была, видимо, последняя капля. Не помню порядок, но, по-моему, сначала жутко погибла самая невинная жертва – жена ветеринара. Её (луч света в этом тусклом и темнеющем всё более и более царстве) извлекли из пруда с камнем на шее. Потом (а может быть, и раньше) попали в тюрьму оба брата, причём совсем неплохой старший защищал младшего, но один из нападавших оказался сыном столичного прокурора, и оба загремели

лет на восемь. Старшего, со временем, досрочно выпустили, и он поступил в институт, но, не проучившись и двух лет, был зарезан кем-то из мест бывшего совместного заключения. От горя быстро умерла бабушка, которая хоть как-то поддерживала быт, и... Не знаю, чем и как кончили (или ещё кончают) тот, кто застрелил Рекса, и его несчастный папаша, но думаю, и того, что произошло, вполне достаточно.

– Рыжик!.. Рыжик!.. Какой ты весёлый!.. Не успел я тебя приютить, не успел...

Рыжик

Рыжик был совсем не Рыжиком, а Рыжухой, но дочка, которая пристроила его в нашем подъезде (в это время я уже жил в Алма-Ате), решила, что это мальчик, и все так и звали собачку – Рыжик! Собачка была – прелесть! Радостная, всегда благодарная за любой кусочек, она была ничейная и одновременно всеиная. Дети были, конечно, в восторге, но собака без главного хозяина – сирота. Надо было её пристраивать понадежнее, тем более что не всем взрослым нравилась возня и беготня детворы в нашем подъезде.

Я уже не раз намекал жене и косвенно и прямо, что неплохо было бы взять Рыжика, но она – ни в какую. Она должна была дозреть до такого решения, так как кормить и ухаживать за собакой пришлось бы, в основном, ей.

Не успела...

На самом верхнем этаже жил с семьёй уже давно весьма зрелый, но навсегда сынок-барчонок какого-то генерала. Я думаю, что ему собака мешала не больше, чем другим, но то ли он приревновал её к своим домочадцам (они, как и все другие, тоже подкармливали и ласкали её), то ли просто по своей с детства лелеемой легкомысленности и вседозволенности, но достал этот великовозрастный розовощёкий кандидат наук у себя на работе фосфор, вкропил его в аппетитно пахнущую колбасу и в первый и последний раз накормил собачку.

Как она кричала, умирая!..

Мы ничем не могли ей помочь, так как не помню откуда, но тут же узнали, что это фосфор и от него противоядия нет, а боли и мучения невыносимые. Около двух часов приступообразно агонизировала Рыжик, и до сих пор у меня иногда начинается сердцебиение при воспоминании об этом.

Теперь о воздаянии!

Прошло совсем немного времени, и жена сына генерала сначала выгнала его из дома, а потом, выйдя замуж за итальянца (она была весьма известный тренер по большому теннису и довольно часто бывала за границей), уехала вместе с сыном в Италию, где, надеюсь, живёт и сейчас. Ну а сынок генерала запил, и уж не знаю, что случилось дальше, но думаю – ничего хорошего.

– Машенька!.. Маша!.. Мосенька!.. Моська, хулиганка!..

Машка и Моська

После смерти Рыжика процесс созревания жены пошёл быстрее, и, когда дочь привела с улицы Машку – довольно крупную типичную дворнягу белого цвета, она, после непродолжительной борьбы с нами, сдалась. Но недолго прожила и Машка (дочь назвала её так в честь какой-то уехавшей в другой город подружки). Она пришла к нам уже беременная и из-за какой-то тазобедренной травмы не смогла родить всех щенков. Я отвёз её к районному ветеринару, и он вытащил трёх, уже мёртвых, щенков, а четвёртый никак не схватывался. А так как этот очередной “Айболит” торопился на экзамен по вождению, то он ничего не сказал мне о том, что расковырял трупик четвёртого щенка, а наоборот – сказал, что всё в порядке и, похлопав по плечу, отослал домой.

Через день собачка начала помирать, и я вместе с сыном отвёз её уже в ветеринарный институт. Там какой-то, наконец-то хоть как-то похожий на сказочного доброго Айболита, доктор наук достал щенка, но было уже поздно. Сепсис был уже в самом разгаре...

Но собачка дождалась меня!

В день её смерти я сидел в жюри какого-то смотра и сразу после него взял такси и – домой. Машка уже была почти вся парализована, но, увидев меня, подняла голову и... тут же умерла.

Осталось два щенка, причём один совсем слабенький. Его-то мы и оставили, а второго взяла соседка этажом ниже. Моська была совсем не той породы, что Машка, – маленькая, почти что крохотная собачка. Выкормили мы её из сосочки, и прожила она у нас довольно прилично, но и её судьба была трагична. У неё на гениталиях образовалась опухоль. Четыре часа два хирурга вырезали её и делали ревизию всей брюшной полости, но... забыли сказать мне, что оставили только фрагмент влагалища.

Собачка поправилась, и я, очень довольный её резвости и жизнерадостности, начал иногда выпускать её без поводка. И тут какой-то собачий сын без всякой криминальной мысли, а только лишь по природному зову, пробил ей брюшину (мы думали, что собачку рвёт от какой-то съеденной гадости, а у неё было кровотечение и начало сепсиса).

Когда я повёз её к хирургам, то опять было уже слишком поздно. И хотя накануне мне приснилось, как будто бы из Моськи вылетает счастливая красивая смеющаяся девушка в белом прозрачном платье, но я всё равно заплакал (и не стыжусь этого!). Будем надеяться, что это, действительно, была освободившаяся от мук душа...

Так я о возмездии или, вернее, о воздаянии!

Не знаю я ни судьбы районного ветеринара, ни тех, кто в общем-то успешно сделал операцию Моське, но почему-то забыл предупредить меня, из-за чего она и погибла, но то, что каждый из нас получает то, что он нарабатывает, было, есть и будет всегда (я тоже получаю – и ещё как!).

Я не могу описывать биографии всех моих и, тем более, чьих-то собачек – для этого нужна отдельная книга (вот Маечка прыгает – о ней несколько штрихов есть в “Сказках дедушки Наума”, а вот – Джек, бедненький, а вот – прелесть Тучка-сучка)...

– Ну, ладно, хватит лизаться, Чуча! Тебе-то посвящён целый отдельный рассказ!

Чучка отошла в сторонку и, ревниво наблюдая за псами, гавкнула (умнейшее существо, хотя иногда и притворяется, что ничего не понимает). Собачки тут же отпустили меня и, отойдя, расположились за ней.

– Как в театре! Или на параде! – подумал я и... увидел двойника, идущего ко мне в таком же парадном окружении точных копий моих собачек.

Мои псы сорвались с места, его тоже, но свары не произошло. Каждая подбегала к своему двойнику, и обе исчезали. Когда же и Чучи испарились, мы, узнав, что получили практически совершенно одинаковый опыт, но каждый в своём измерении, прочли на всякий случай “Отче наш” и (о чудо!) оказались наконец-то в лагере.

Видимо, разговор с Богом всё-таки состоялся, но как-то опосредованно...

«ДУРНОЙ ПИДЖАК»

(день третий)

Самое трудное – это доказывать, что дважды два – четыре. Никто не хочет верить, пока сам лбом не стукнется. Вот и бродят по земле гении с двумя строчками или одной формулой, но без диссертаций и дивидендов. И смотрят на них, как на чумных, и издеваются, как могут, и неужели так будет всегда? Их ведь не так и много – этих одержимых. И даже если девяносто девять процентов просто сумасшедшие, то ради оставшегося одного можно и им лаборатории дать. Окупятся издержки! Ей-богу окупятся!..

Это, вроде бы не имеющее никакого отношения к дальнейшему повествованию, отступление автор вставляет, чтобы хоть немного отвлечься от маразма, идиотизма и паранойи, которые парализовали всё и вся и в которых мы родились, росли и живём.

А может быть, и доживаем...

А может быть, уже и не живем...

Дальнейшее повествование такое!

Конечно, можно было бы его подрумянить, сдобрить, подлить какого-нибудь искусственного соуса, но дал слово писать как есть – держись! И если и у вас тоже начнутся ассоциации – не отчаивайтесь. Этот конторский кошмар, работающий сам на себя и впустую,

будет не всегда. Так что не перелистывайте поспешно страницы, а разделите со мной их великотерпение.

Мало кто по утрам встает бодро, с нетерпеливым желанием продолжить удивительные приключения, называемые жизнью, сказал Поль Брегг. Мало кто, но всё-таки они есть. Не успело утро как следует заняться, как в лагерь вкатил «уазик» и из него выбрался представительный мужчина. Он назвался заместителем главного врача детской поликлиники, а на самом деле являлся какой-то полуответственной затычкой в райисполкоме и был послан для...

Впрочем, сейчас узнаете!

Слегка полистав документацию медиков, полуответственный плюнул на конспирацию и прямо в лоб спросил Марину: пьют или не пьют детишки, курят или не курят, и вообще, как у них с нравственностью?

– У нас всё благополучно! – сделав оловянные глаза, отрезала та.

Она сразу поняла, что это за «врач» и что ему надо.

– Пьяных и курящих нет! Валяющихся тоже...

Ах, молодость, молодость! То же самое надо было говорить, виляя задом и обласкивая взглядом. Полуответственный сразу понял, что перед ним дипломатическая сопля, и успокоился.

– Не надо так нервничать, – вкрадчиво заметил он. – Ребятам по шестнадцать-семнадцать лет. Не всем, конечно, но весь первый отряд. В этом возрасте не только этим занимаются. Вы напишите, любезная, расписочку, что у вас за смену ничего плохого не произойдет, и я ту-ту-у!..

– Да вы шутите? – удивилась Марина. – Я за себя-то такого обещать не могу, а уж за весь лагерь...

– Нисколько, – спокойно ответил полуответственный и начал...

Он зудел и скрипел, упрашивал и требовал, и пилил, пилил до тех пор, пока бедная девушка не выдержала. Схватив ручку, она накорякала: «Я, начальник смены Марина Хан, обязуюсь, что в моём лагере в течение стольких-то дней не будет нарушений режима дня, нарушений дисциплины и установленных правил поведения».

Прочитав бумажку, полуответственный тут же аккуратно вложил её в папочку и, теперь уже храня гробовое молчание, сел в «уазик» и уехал.

Задание шефа было выполнено!

– Ни черта у Аполлона Александровича не вышло! – решили воспитательницы, и Марина приняла первую за этот сезон пилюлю успокаивающего.

И не зря!

После обеда на территорию вкатил «пазик», и из его, уже более ёмкого, чрева, жёстко и победно оглядываясь, вышли уже знакомые нам Алма, Зайра и броневой мужчина в безукоризненной серой пиджачной паре, белоснежной рубашке и строгом галстуке. Мужчина был направлен на должность начальника лагеря с тем, чтобы, доказав несостоятельность Марины как руководителя, стать и начальником смены. Властно оглядевшись и увидев, что его не встречают подобающе, он возмущённо хмыкнул и, не говоря ни слова, в сопровождении взахлёб щебечущих что-то нехорошее Алмы и Зайры, прошёл в пионерскую, как на капитанский мостик.

Через пять минут лагерь всё в более и более быстром темпе стал напоминать формирование, подлежащее немедленной мобилизации и эвакуации! Все забегали, забегали и вдруг, сформировавшись в строгие военные колонны, начали маршировать туда-сюда. Эта бессмыслица вначале рассмешила Федю, но, когда наступил вечер, а дети продолжали ходить строем даже в туалеты, он пригорюнился.

Ещё больше он опечалился и удивился, когда узнал, что комсомольцы ели холодный ужин из-за того, что кто-то задержался и стройную колонну с повисшими носами не пропустили в столовую. Причём до тех пор, пока не выяснили, что виновник в изоляторе. Тот, кто не пропустил (а это был броневой мужчина), сытый и довольный стоял на крыльце и очень серьезно и металлически бубнил о порядке, дисциплине, режиме и пользе всего этого для будущего строителя коммунизма.

Рядом с мужчиной стоял сторож-комиссар. Его очень ответственно надувшееся лицо, словно левая рука пианиста, прекрасно аккомпанировало мужчине...

Черные вороны закаркали и закружили над лагерем!..

После вечерней линейки, когда все наконец-то рассредоточились и вроде бы вздохнули посвободнее, вдруг экстренно была созвана ещё одна линейка. Тут мужчина, Зайра, Алма и «сторож» устроили на пределе истерики общественное порицание юноше и девушке за то, что они (о ужас!) сидели на качелях рядом. Порицание закончилось требованием немедленно удалить развратников из лагеря, чтобы другим неповадно было. И если до этого комсомольцы, чувствуя свою вину за водку, выполняли всё не раздумывая, то теперь чаша терпения переполнилась. Молча развернувшись подчёркнуто строгим строем, они ушли в корпус и легли спать.

– Вот! – закричал мужчина. – Вот последствия вашего воспитания! Это не комсомольцы – это шайка!..

У Марины дрожали губы, а Света и воспитательницы что-то быстро и успокаивающе шептали ей в ухо.

Зайра, Алма и «сторож» стеной стояли около мужчины и строго глядели...

– Фантастика!.. – прошептал Федя и с радостью увидел подъезжающий к столовой автошедевр.

Аполлон бодро выскочил из машины и, широко улыбаясь, сразу же направился к руководящей группе. Почтительно склонившись и пожав руки, он сыпанул несколько комплиментов и шуток мужчине и его окружению. Те снисходительно осклабились, и герой тут же увел их куда-то в сторону. Линейка, соответственно, была распущена, и лишь раскрытые от удивления рты Марины, воспитательниц и Феде указывали на то, что произошло что-то ещё более невероятное, чем предыдущее.

– Фантастика!.. – уже сквозь зубы повторил Федя.

Всё выяснилось в три часа ночи. В три потому, что до двух в пионерской шла отчаянная баталия, чуть не дошедшая до взаимных оскорблений. Когда же мужчина, которого комсомольцы сразу же окрестили «Дурным Пиджаком», ушёл спать в предоставленные (по его требованию!) отдельные апартаменты у арки, весь воспитательский состав и Федя полезли на гору, дабы высказать свои претензии Аполлону и разрядиться.

Герой был на месте. Он преспокойненько дремал, а Чайка-Трезвяк сидел рядом на матрасе в позе «лотоса» и, глядя на звезды, что-то быстро-быстро бормотал себе под нос.

– Иуда Симонов Искарот!.. – с ненавистью прошипел Федя на ухо другу, на что тот рассмеялся и открыл глаза.

– Ну и дети вы! – сказал он и тоже сел в позу «лотоса». – Что ж, я должен был броситься к вам и раскрыть свои объятья? Да что ещё такое произошло тут у вас? Что вы все такие возбужденные?

– Как? Вы ничего не знаете? – ахнули все.

– А что я должен знать? – спокойно сказал Аполлон и потянулся. – Я представился, поговорил о том, о сём, обсыпал свежими анекдотами и, увидев, что вы все заняты, ушёл спать. Утомился я, соколики! Два внеплановых политмураприятия проводил. Зато теперь несколько дней отдыхаю. Марина, можно у вас поквартироваться, да заодно и поест? Прилично кормите, чёрт побери!

– Не знаю, Аполлон Александрович. Похоже, что нас самих скоро отсюда попросят.

– Что такое? – удивился Аполлон. – Алма и Зайра обещали, что приедут сегодня и всё спустят на тормозах. Неужели...

– Что-о? – вскричала Света. – Да они тут такой полигон устроили – жуть!

– Мне этого деятеля предлагали, когда мы на «сторожа» согласились, – сказала Марина. – В райкоме он заведующий по спортивно-массовой работе.

– А-а! – понимающе закивали воспитатели.

– Его характеризовали как человека, который требует железную дисциплину, так как долго работал в детской колонии.

– В общем – держиморда! – вставила Света.

– Да, похоже... – согласилась Марина. – И ещё мне сказали, что если я его возьму, то будет железный порядок. Но я поняла, что порядок-то будет, а жизни – нет!

– Какие коллизии закручиваются! – ещё более удивился Аполлон и, вскочив, несколько раз присел, разминаясь. – Сколько на наших электронных?.. О! А где же часы?

Часов не было. Их начали искать, и тут обнаружилось, что у одной из воспитательниц тоже пропали часы и тоже электронные.

– Ну вот, теперь ещё и кражи прибавились, – тяжело вздохнула Марина.

– Дух атамана Дутова! – прошептала Света. – Это он!

– Ох, Светка, и лирик ты! – ласково урезонил Федя.

– Нет, Фен, всё не так просто, как нам в головы вбивают! Это место проклято!

Снизу, со стороны речушки, раздались девичьи визги, и ветерок донёс слова лихой, почти пиратской песни:

В тропическом саду купил я дачу.

Она была без окон, без дверей.

И дали мне ещё, ещё жену в придачу –

Красавицу Марьяну без ушей.

Одна нога была другой короче,

Другая деревянною была.

И правый глаз фанерой заколочен,

И левый глаз не видел ни фига!

– Пойдёмте к ребятам. Их сейчас нельзя оставлять одних, – ещё раз вздохнула Марина, и все, не говоря ни слова, пошли вниз.

Впереди шёл Чайка-Трезвяк. Сейчас он действительно был совершенно трезвый и светил фонариком. Замыкал шествие Аполлон.

Песня звучала всё ближе и ближе:

Сидели мы у речки – у Гнилушки.

Сидели мы в двенадцатом часу.

А ты прижалась ко мне, корява рожа,

И что-то пела, ковыряясь в носу.

Ты пела так, что выли все собаки,

А у соседей обвалился потолок,

И мне хотелось без шума и без драки

Обнять, поднять тебя и стукнуть об пенёк.

Картина, представшая перед очами воспитателей и сопровождающими их лицами, была так же неожиданна, как и предсказуема по ситуации. У костерка вовсю разворачивалась самая натуральная оргия. Человек десять юношей и девушек самозабвенно и агрессивно плясали под песенку и гитару, несколько человек играли в сторонке в карты и разливали очередные порции алкоголя по стаканам, одна парочка целовалась взад-вперед тут же у костерка, а другая уже удалялась в кусты...

– Атас! – крикнул кто-то, и стаканы исчезли, парочки разлиплись, а танцующие сгрудились по одну сторону от костра.

Марина обхватила голову руками и заплакала.

– Кошмар... – начала одна из воспитательниц, но Аполлон остановил её.

– Стоп! – выкрикнул он. – Стоп, стоп, стоп! Все садятся около костра и молчат!

Этот неожиданный и необычный для данной ситуации приказ был отдан таким решительным тоном, что окружающие подчинились. В сразу возникшей напряжённой тишине, как выстрелы, звучали всхлипывания Марины, и вскоре стало трудно дышать.

Ребята на глазах трезвели и бледнели.

Наконец красивая белокурая девушка не выдержала и, закрыв лицо руками, тоже заплакала.

Парни задвигались и виновато засопели.

Аполлон встал.

– Марина Марсовна! – сказал он. – Я приношу вам за ваших воспитанников глубочайшие извинения и обещаю, что плачете вы из-за них в этом лагере в последний раз!

– Да что мы... сами не можем... – начал один из парней, но Аполлон оборвал его:

– Обещать – да, а выполнять – не знаю! А вот если сказал я, то это будет! Света и вы, девушки, забирайте Марину и идите спать. Завтра, я думаю, будет не легче. А мы с Федей займёмся тут... Марина, обещаю ещё раз, что всё будет в порядке. Идите, идите...

Необычность ситуации, напряжённость прошедшего дня и мажорная уверенность Аполлона, так необходимая тут, сделали своё дело – воспитатели и Марина, так и не сказав ничего, встали и ушли.

Кусты затрещали, и к костру вывалилась ещё одна юная разгорячённая пара.

– Чё так тихо, в натуре!.. – начал парень, и девушка пошленько хихикнула.

– Усохните! – оборвала их белокурая, и парочка мгновенно умолкла и села.

– Теперь все в сборе? – спросил Аполлон, и белокурая девушка утвердительно кивнула. – Тогда так... Давайте вместе решать, что будем делать. Я имею в виду не вопросы вариантов физиологии и развлекаловки, а всю остальную часть жизни.

– Да! – растерянно поддакнул Федя и поймал себя на мысли, что ничего не понимает.

Однако ребята всё поняли и через минут десять прониклись таким доверием и благодарностью к герою, каких он и заслуживал. В мельчайших и совершенно неизвестных ни нам, ни даже Марине подробностях они прокомментировали произошедшие события и своё весьма бурное отношение к ним. Естественно, что закончились комментарии на весьма высокой ноте.

– Когда их долбанут, эти всем мешающие райкомы? – в сердцах выкрикнул рыжий парень. – Это же помещики!..

– Рабовладельцы! – поправил его красавец, очень похожий на цыгана. – Давай-давай, шуруй-шуруй! Начальству слава, а нам... кукуй!.. Теперь уже все накушались! На призывы не поймаешь!..

– Вот именно! – выкрикнул из темноты девичий голосок. – Прошла зима, настало лето. Спасибо партии за это!..

– Ну, у вас и запасы! – цокнул языком Федя.

– У нас? – иронически отпарировал рыжий. – Не у нас, а у всех! Вон, пионеры и не такое чешут. Ну-ка, как там из этой серии? Дедушка в поле гранату нашёл...

– С нею тот час же к райкому пошёл!.. – подсказал тот же девичий голосок.

– Правильно! – радостно закричал рыжий и продолжил: – Выдернул чеку и бросил в окно!..

– Дедушка старый – ему всё равно! – синхронно и бодро присоединили свои голоса к рыжему ещё несколько ребят.

Навык проведения ударных мероприятий и различных приветствий был очевиден. Не хватало только викторин, шарад и загадок. Впрочем, и это появилось после того, как Федя и Аполлон попытались немного успокоить возбуждённых донельзя комсомольцев восьмидесятых.

– Да понимаем мы всё! Понимаем! А вот ответьте – где находится поле чудес? Где? – торопливо спросил парень, похожий на цыгана.

Федя хотел ответить, но одна из девушек опередила его и выкрикнула:

– В СССР!

– Неправильно! – торжествующе вскричал парень. – В стране дураков!

– Так я про неё и говорю! – агитбригадно прокричала та же девчушка, и Федя и Аполлон поняли, что в их ответе никто не нуждался, так как ребята продолжали играть сами для себя.

– А вот скажите! Только быстро!.. – перехватил инициативу рыжий. – Кто лучше – Брежнев или Хрущев? Сталин или Ленин? Брежнев или Хрущев?..

Аполлон и Федя молчали.

– А надо ответить ка-ак? – торжествующе продолжил рыжий, и коварный хор юношей и девушек запел:

– О-оба па-арня бра-вые, о-оба хо-ороши! Ой, рябина-рябинушка, сердцу по-дскажи-и!..

– Ну, всё-всё! – решительно замахал руками Аполлон. – На сегодня концерт окончен. И как договорились – никаких вывихов и рукоприкладства. А то ишь ты – «Я ему в морду дам!». Он же уголовное дело заведёт, и все будут оплёваны. Вы запомнили?

– Запомнили... – раздалась остывающие голоса.

– И не вздумайте ради собственного наслаждения травить «сторожа»! Все поняли?

– Все-е... – вяло откликнулись ребята.

– Вот и присматривайте друг за другом, чтобы никто не сорвался. А к нам – с оперативной информацией по одному. И никаких детективных физиономий и заметаний следов! Если завтра сосуществование окажется всё-таки невозможным, будем их выживать.

А это практически – невозможно! Успех будет зависеть только от вас – от вашего ума, выдержки и терпения. Кстати, пошукайте часы! Кто-то у вас тут начал их коллекционировать. Я без них как без рук, да и воспитателям, думаю, они не только для украшения нужны. Усекли?

– Усекли! – бодро откликнулись ребята и ушли, уже тише, но всё-таки допевая:

Ты пишешь мне, что поломала ногу,

А я пишу: “Купи себе костыль!

И выходи почаще на дорогу,

Чтоб задавил тебя автомобиль...

– Марине с этим не справиться... – задумчиво протянул Аполлон и начал затаптывать последние искорки от костерка. – Научим их побеждать, Фен?

– Уже начали!

– Вот! И сами заодно взбодримся! Я уже немного поспал, так что поброжу до утра... Как бы наши горлопаны режимные моменты не проспали... А ты иди, спи...

– А что утра ждать? Вон, уже край горы обозначился, – зевая, сказал Федя и вместе с Аполлоном начал собирать бутылки и окурки.

За одним из кустов друзья наткнулись на мирно посапывающего Чайку. В пылу никто не заметил его исчезновения, а Серёжа, обнаружив в кустах матрац, прилёг и, под крики и вопли бунтарей, преспокойненько уснул.

– Вот пьяница, а дети его любят, – вполголоса сказал Федя. – Жалко парня... Пропаций... Я первый раз его трезвым вижу. Родители у него – потомственные алкоголики, и вот он тоже...

– Там у костра я одеяла сложил... Тащи сюда! – так же вполголоса откликнулся Аполлон, и через полминуты неожиданный ночлег Серёжи был утеплён.

Вокруг становилось все светлее и светлее...

БОЖЕСТВЕННЫЕ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Поварская вахта в лагере начиналась рано. Очень рано! Увлёкшись событиями и всё-таки пытаюсь хотя бы тезисно что-то законспектировать, мы не заметили, как наступило утро. Многое (особенно наши собственные приключения) было впервые.

– Мужики, вы что, тоже ваяете? – зевая и потягиваясь, спросил Сеня.

– А как же! Не только дурной пример заразителен! – усмехнулся двойник. Вспомнили кое-что ещё из монолога “Скупого рыцаря” – вот и решили записать, пока опять не забыли. Помнишь, ты его наяживал?

– Ну-ну!.. – заинтересовался Сеня, и двойник, сделав вид, что читает с бумажки, начал:

... Читал я где-то,

Что царь однажды воинам своим

Велел снести земли по горсти в кучу,

И гордый холм возвысился – и царь

Мог с вышины с весельем озирать

И дол, покрытый белыми шатрами,

И море, где бежали корабли.

Так я, по горсти бедной принося

Привычну дань мою сюда в подвал,

Вознёс мой холм – и с высоты его

Могу взирать на всё, что мне подвластно

.

Я жестом остановил двойника и, уже не делая вида, что смотрю в бумажку, продолжил:

Что не подвластно мне? как некий демон

Отселе править миром я могу;
Лишь захочу – воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смиренно будут ждать моей награды.

Двойник делал вид, что сверяет мои слова с написанным и восхищается моей феноменальной памятью, а Сеня, соглашаясь, подбадривающе кивал головой. Я же продолжал:

Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползёт окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне всё послушно, я же – ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья... (смотрит на своё золото.)

– Здорово! Вот память! А Пушкин-то, Пушкин! Ну и хитрожопый! – оценил Сеня и заволновался: – У меня память на стихи, конечно, не такая, но, мужики, какие перлы из меня сыпятся! Вот, послушайте!

Сеня вытащил из-за пазухи тетрадку и, открыв в первом попавшемся месте, опять удивил нас:

Хочешь, научу летать?

Вскинь навстречу руку!

Я не буду объяснять

скучную науку.

Закружу, заморожу

сказочным рассказом.

Не науке я служу,

а чудес покажам.

– Постой, постой! – не выдержал я. – Я и тут дальше прочту, а ты следи!

– Ну!.. – растерялся Сеня.

И я выдал:

Ты не веришь в чудеса –

алгебра логичней.

Формул жёсткие леса

крепче и практичней.

Ты не веришь – и не верь:

я не принуждаю.

Тяжесть жизни входит в дверь –

я в окно влетаю.

– А теперь я-а-а... – шкодливо протянул двойник.

Посмотри – вот я стою,
говорю с тобою.

Хочешь, магию свою
я тебе открою?

Закружу, заморожу
сказочным рассказом.

Не науке я служу,
а чудес покажам!

– Как?.. – растерянно начал Сеня. – Я же это только накануне... Да и тетрадка всегда при мне... Да и не всё записано... Концовку я ещё не досочинил, а вы уже... Вы... кто?..

– Дед Пехто и бабка Никто! – рассмеялся двойник. – Способности у нас такие – будущее иногда видеть. Вот сейчас твоё и увидели. Тем более, что стихи прямо как наши...

– Ну, дела-а... – изумился Сеня. – А это? Может, это тоже ваше? Вставляешь вместо слова “баба” любое девчачье имя – и фотография готова!

Баба – это жопа, это сиськи,
Глаз прекрасных чудное сиянье.
Это руки, губы, это писька.
Ну, и неземное обаянье.

– Нет, – сказали мы. – До такого мы ещё не доросли.

– Вот именно! – довольно воскликнул Сеня. – Ну, а до этого-то тем более:

Я новый стихуёчек изваял.

Кому-то будет для раздумий пища.
И может, даже попадёт в аннал
Мой стихуёт, стихуйчик, стихуище.
А может, никуда не попадёт?
А может, получилось стихуёво?
И зря я, как последний стихуёт,
Коверкаю стихуйственное слово?
«В конец застиховался. Устихись,
Стихуй-Стихуев, Стихов-Стихонович,
Стихуй-берды, Стихуйченко, Стихич,
Стихоподлец стихуйский, стихосволочь.
Стихуйный стихуёныш, не балуй!» –
Промолвил критик, этот стих стихуя.
Плевать! Я положил на всё стихуй
И тихо стихую с стихохуя.

Мы рассмеялись.

– Тут нам – полная труба! – сказал двойник. – Здесь даже Губерман помер бы от зависти!

– Кто такой?

– Да есть такой... Четверостишьями, иногда поплёвывает с похожими вставочками... “Я”, – говорит, – “Нехуёвый мужик!”. Это ему такую филологическую наколочку один “ужасно милый” уголовничек пришпандорил, когда он на зоне сидел. И он гордится ей, как званием “Герой Советского Союза”!

– Правильно делает, – сказал Сеня. – Не о каждом можно такое сказать.

– Да уж!.. – сказал я. – Ещё что-нибудь есть?

– Да так... Мелочь...

– Давай-давай!

– Пожалуйста!

Я вас обидел тем, что не покрыл, –
Простите, виноват! Не получилось...
Как жаль, что я вам водки не налил,
Не рассказал вам про мою ранимость.
За ручку вас, опять же, я не взял
И музычку при этом не поставил,
Не обнял вас и не поцеловал
И танцевать в экстазе не заставил.
Я думал, что вы ангел неземной,
Забыв о том, что есть у вас и тело.
Я вам читал сонеты под луной,
А надо было просто делать дело...
Да, мало я усилий приложил,
Чтоб вас зажечь, и это не случилось.
Я вас обидел тем, что не покрыл?
Простите! Виноват! Не получилось!

– Ого! – сказали мы дружно.

Вдохновлённый Сеня потёр руки.

– Ну, надо же? Понравилось! Вот видите – я тоже «нехуёвый»! Правда, бывают и кризисы. Вот... Чем не кризис?

Когда нет чувства ритма у поэта,
В кармане пусто, в голове затишье,
Когда нет юмора, да и таланта нету...

- А ну-ка, мужики, догадайтесь – какая последняя строчка!
- Ну, я не знаю... – развёл я руками.
- И я – пас! – тоже развёл руками двойник.
- Да это же так просто. Всего ещё одна строчка. Ну?..
- Нет, паря, не могём! Выдохлись! – сказали мы хором.
- Но это же элементарно:

Тогда он сочиняет одностишья!

- А-а... – сказали мы так же хором.
- А что это такое... – одностишья? – любопытствовал я.
- Пожалуйста:

В соавторы хотите? Раздевайтесь!

- Ого! – опять изумились мы.
- Сеня усмехнулся и выдал дальше:

Вы подождите, я ещё не кончил!

– Ого-го! – воскликнули мы снова.

Сеня развёл руками:

Нет, с вами как-то нету вдохновенья...

– Ну-ну! – подбодрил я.

– Да что-то не идёт...

Диван скрипит не очень мелодично.

– Ну вот! А говоришь – не идёт! – радостно подхватил двойник. – *«Идёт, и всё в одно и то же место!»*.

– *«О, как не романтично ты воняешь!»* – укорил я двойника и тут же понял, что тоже, как автор, скурвился.

– Ну вот – и у вас начало получаться. Да вы, наверное, тоже когда-то одностишья царапали. Только не замечали, что это стихи.

– Может быть, может быть... – задумчиво пробормотал двойник. – Но *«Мне амнезия дорога, как память»*.

– И не только амнезия! – добавил я, – *«И баба, парадоксов друг!»*.

– Кстати, не устроить ли нам вечериночку с дамами? А то всё по кустам да по кустам! – предложил двойник.

– Можно! – оживился Сеня. – Продукты есть, выпивка тоже. Я могу предложить пару свежих птичек...

– Уже предлагал. Хватит! Свои есть!

– Да-а?

Земля вздрогнула и загудела, а потолок треснул, и посыпалась штукатурка. Мы бросились к двери, но она захлопнулась перед самым нашим носом, а штукатурка превратилась в пыль и, закружившись, образовала классический контур... девы Марии!

– Мама родная! – прошептал Сеня, а мы только облегчённо вздохнули: не землетрясение!

– Господи! Меня-то зачем к ним послали? – воскликнула Мария, и молитвенно сложив руки, упала на колени перед Сеней. – Эти обормоты (это она нам!) вместо того, чтобы лелеять тебя – избранного из избранных, только посмеиваются да подтрунивают. Щелкопёры! Ради красного словца не пожалеют и отца!

– А что, обязательно нужно лелеять? – спросил я.

– Ещё как! – не вставая с колен, сказала Мария. – Бог у них – дырка от бублика, весь мир – дырка, да и я, наверное, тоже бог знает что...

– Ты – типичный информационный фантом! Такой же, как ангелы, архангелы и черти полосатые. Да и дырка эта тоже подозрительна... – ляпнул двойник.

– Вот, пожалуйста! Прости их Господи, ибо они, как всегда, не ведают, что творят, да и что говорят – тоже!

Сеня стоял бледный как стена и, слушая нас, только лупал глазами.

– Ну что ты пугаешь парня? Он же ничего не знает! – сказал я.

– Вот именно! – вставая с колен и отряхиваясь, ещё раз укорила нас дева Мария. – Вам такой эксклюзив выпал, а вы только о бабах и думаете!

– Так он же сам, входя в наш мир, на них, желанных, нас благословил! Женщина – это приглашение к счастью!

– Ну, ладно, – трепачи! Он вас любит! Он вам любую радость с удовольствием дарит при малейшей возможности сверх всякой программы. А где ваша взаимность? Где? Вы же сами говорили, что всякая невзаимность – извращение. По себе судили, извращенцы?

– Здравствуйте! И эта туда же и о том же! – развёл руками двойник. – Нам что теперь – по головке этого кулинарного вундеркинда гладить?

– Детей нельзя гладить – они сразу же на шею садятся! – процитировал я весьма сомнительную цитату из своего раннего рассказа и сценки для детей.

– Кто вам на голову сядет? Бог? – ещё сильнее возмутилась святая Мария. – Объясните мальчику, что произошло, и что ему только теперь-то и надо как следует учиться, учиться и снова учиться!

– Как Ленин Володечка нам завещал! – добавил двойник.

– Перебивают! Вечно перебивают! – вскричала святая. – Шуты гороховые! И что Он выбирает? То неучей и блаженных, то шутов и нахалов...

– А то тебя! – обиделся двойник. Если ты настоящая, то давно ли сама-то плавной речи научилась?

Дева Мария аж задохнулась от возмущения. Она ловила ртом воздух и махала в нашу сторону руками, как бы отгоняя нечистых.

– Да брось ты! – одёрнул я двойника. – Вспомни Восьмое марта!

– При чём здесь Восьмое марта? Это разве женщина? Это мираж! Виртуальность чистой воды! Балаган на библейском материале!..

– Господи! – опять упала на колени перед Сеней святая. – Если Ты не вразумишь и не направишь этих перезрелых балбесов, то Совет Святых будет вынужден принять свои меры! Впрочем, ты уже пробовал...

– Бабушка! – совсем обнаглел двойник. – Твоя миссия – ублажать сырых да убогих, а не Господу Богу и Его любимцам угрожать санкциями через его же голову. Ты намекнула нам – и иди своей дорогой! Что, у тебя дел других нет? Мы сами как-нибудь разберёмся! Чай, не пальцем деланные, как некоторые...

Я в испуге вытаращил глаза в сторону двойника и зажал руками себе рот, но дева Мария вдруг рассмеялась и, взлетев к потолку, исчезла, а штукатурная пыль, медленно кружась, обелила наши головы.

Мы повернулись к Сене, но потолок опять треснул, и из трещины полезла всяческая гофмано-гоголевская нечисть. Какие-то волосатые зверушки самых фантастических видов, форм и размеров падали на пол, отряхивались и молча, но вполне деловито уходили сквозь закрытую дверь.

– Доигрались! – сказал я и панически брезгливо стряхнул с плеча одну из зверушек и совершенно натурального, в дугу пьяного, чёртика.

Шлёп!

Из трещины просочился и, как огромная капля, упал к нашим ногам огромный красноглазый и остроголовый... снежный человек! Он вскочил и тут же, как и Мария, упал перед Сеней на колени. Где-то внутри моей головы заиграла органная музыка, и низкий бархатный бас запел:

– Господи, проснись и поми-и-луй! Господи, проснись и поми-и-луй! Господи, поми-и-луй и сохрани-и!..

Сеня побелел ещё больше и начал падать прямо на волосатое чудище. Мы бросились к бедному повару, а двойник, крикнув: “Пш-ёл вон, фантом!”, пнул чудище, и оно... исчезло!

– Вирус! – шептал Сеня и ощупывал лоб. – Опять вирус без температуры...

– О, Господи! – вздохнули мы с облегчением.

– Понял? – крикнул мне двойник, растирая у Сени уши и хлопая его по щекам.

– Что понял? – в свою очередь прокричал я, так как органная музыка звучала всё громче и громче.

– Что дурной сон это всё! Сон!

– Да это-то ясно! Как из него выпутаться?

– Просто! Проснуться надо!

– Да что-то не хочется...

– Вот именно! В том-то всё и дело! Страшно интересно – чем всё закончится. Но сначала выключу-ка я эту божественную музыку. Голова раскалывается! Ну!.. – прокричал двойник, и гром органа начал стихать и удаляться.

– Теперь смотри, какое несоответствие получилось: продукты сна материализовались и продолжают материализовываться, – продолжал двойник. – Ты слушай, Сеня, слушай! В тебе сейчас божественная дырка... или часть дырки... ну, вроде как бог из нашего сна... а может быть, и не из нашего... а может быть, и не из сна... Нет-нет – сна! И не сомневайся! Иначе крыша поедет. И она почти всё время спит! Но одновременно и везде присутствует. То есть Бог спит, и всё, что вокруг происходит, – это и наш и его сон. Одно накладывается на другое. И то, что это сон, – факт! Раз я каким-то, пока непонятным мне, образом начинаю влиять на что-то, значит, точно – сон. И в этом сне мы никакие не твои помощники и повара, а пришельцы-наблюдатели, но не из КГБ или ЦРУ, а из будущего. И столкнулся ты, когда шёл в лагерь, не с деревом, а вот с этим нашим Богом, который постоянно эволюционирует через нас и потому нас же и пытается развернуть обратно в свою сторону и продвинуть. И, повторяю: уж не знаю, какая его часть, а может быть, и весь он сейчас в тебе, и ты от него зависим и он от тебя! Вот такой вот парадокс! От этого и стихи такие... мягко говоря, смешанные. Так что мотай на ус! Потому что мы подозреваем, что даже сон божий, возможно, не такой уж и сон...

Я слушал, открыв рот.

Сеня – тем более!

Двойник явно в чём-то меня обошёл...

– А теперь за работу! Детей кормить надо! И вечеринка не отменяется. Мы же – кто во сне, кто в яви, но живые-то на всю катушку!

И мы загремели кастрюлями...

“САРАНЧА”

(день четвёртый)

Уже полдня Юра Микельбанд по кличке Микес пас второклассника Диму. Пол-лагеря уехало сразу после завтрака на «трудовой десант» – уборку картошки, и Юре комсомольцы поручили найти вора. Ещё недавно Микес сам стоял на учете в милиции и нюх на своего брата имел отменный. Однако экземпляр, попавший в поле зрения, даже его привел в изумление. Спокойный маленький Дима с толстыми щёчками, честными-пречестными голубыми глазками на таком премиллом, таком сияющем личике, которое как будто бы говорило: «Вот всё тебе отдам! Пожалуйста, всё забери! Мне ничего не надо!», был виртуозом своего дела. Тут сильно ощущалось присутствие таланта от сохи и пока полное отсутствие идеологии. Можно даже сказать, что Дима был такое же природное явление, как саранча, которая вдруг образуется из простого безобидного кузнечика. Впрочем, воровство само по себе остросюжетно, а в детстве это немаловажный стимул. Так что возможен и обратный процесс и несчастное ненасытное насекомое может быть и не превратится в вампира. А пока... А пока Микес вытащил свои совершенно новые и очень красивые кеды, облил их водой и, как бы невзначай, столкнулся с Димой, который, ввиду отсутствия многих ребят в лагере, особенно озабоченно шлялся по корпусам и территории.

– Нравятся мокасины? – спросил Юра и любовно сдунул с кеда пылинку.

– Ничё-ё... – заворожено пробормотал Дима.

– Новые! Первый раз помыл, чтоб не засалить! – цокнул языком Юра. – Вот собираюсь после смены в них к бабушке в Омск поехать.

– В Омск? Чё, больше носить нечего? – озаботился Дима.

– Откуда? Мы с матерью вдвоём живём, – вздохнул Юра и, пройдя немного в сторону горы, поставил кеды на перекрёстке тропинок на самое солнышко.

Но не успел он и пяти шагов отойти, как туда же направился Дима. Не обращая внимания на сорок четвертый размер, он бесшумно схватил кеды и судорожно сунул их за пазуху. Однако то ли они были слишком мокрые, то ли по другой причине, но он тут же вытащил их обратно и, заметавшись туда-сюда, поспешно спрятал в зарослях тёрна. Да, причина действительно была другая и довольно веская. Если бы Юра следил за ним дальше, то он, может быть, даже посочувствовал Саранче. У Димы уже два дня сильно болел живот, и каждые полчаса он искал место, где можно было бы присесть.

В первый же день им начисто была освобождена от яблок единственная яблонька в пределах лагеря. Сорвав зрелые и незрелые яблоки, Саранча сложил их в целлофановый мешок, спрятал под кровать и жевал по ночам. Ребята более старшего отряда, у корпуса которых Дима за одну ночь загадил змейкой всю тропинку, поймали его и, заставив убирать вчерашние пищевые радости, допытывались:

– Ты яблоки ел?

– Одно... – мягко выпевал Дима и просил не бить.

– Как же ты, сволочь, одно ел, когда на дереве ни одного уже нет? – удивлялись сильно ожесточённые ребята и били Диму.

Но Саранча к этому давно привык. Быстро забыв про побои, он, развивая инициативу, придумал совершенно иезуитский способ экспроприации у товарищей второго. В столовой Дима, как осминог, выпускал чернильное по концентрации вони облако, и, пока все вокруг разбегались, зажав носы, стремительно сметал с их порций сосиски, мясо, котлеты и подобные основные по калорийности ингредиенты питания. И поскольку тех зачастую было больше, чем можно было съесть немедленно, то он уносил всё это в палату и уже там наслаждался. А так как и там не всё удавалось оприходовать, то, например, яйца от первого дня уже протухали, и из-под кровати Димы теперь постоянно несло сероводородом.

Очень довольный результатом провокации, обнаружившей способ складирования украденного, Юра вытащил из кустов свою влажную обувь-приманку и, поручив какому-то пионеру просушить её, направился к умывальникам испить водицы. Умывальники представляли из себя одну трубу с множеством просверленных в ней дырочек, из которых под напором вырывались струи воды.

У самого края трубы стоял Дурной Пиджак. Сняв часы и положив их на дощечку для мыльниц, он мыл руки. Когда процесс был закончен, часы с дощечки исчезли, а с другого конца трубы уже стоял Дима и с любопытством взирал на начальника.

– Мальчик, ты не видел часы? – спросил начальник.

– Какие часы? – очень заинтересованно и озабоченно, в свою очередь, спросил Дима.

– Ну, вот были часы электронные... Я их сюда только что... только что положил... Минуты не прошло!..

– Нет, – очень честно сказал Дима. – Часов не видел. А вы поищите! Может они упали туда, где вода накапливается? Тут видите, какая яма...

Дурной Пиджак засучил рукава и начал копать в скользкой грязи.

– Нет... – послышалось через некоторое время. – Часов нет!

– Нету? – очень удивился Дима. – Значит, Бог унёс!

– Какой Бог?... – растерянно пробормотал Дурной Пиджак и, ополоснув руки, начал расправлять рукава. – Ничего себе... Часы недавно купил... Электронные... с двумя мелодиями... Да пикают, как будильник...

Дима вздрогнул и, рефлекторно всунув руку в карман брюк, протолкнул, сами понимаете что, поглубже.

– Дима, отдай часы! – как гром прозвучал голос Микеса.

– Какие часы? – сразу замельтешил Дима. – У меня нет часов! Это дяденька часы потерял!

– В правом кармане они у тебя. Вытаскивай! – обрезал Саранчу Юра.

– Да я только время хотел посмотреть, – неожиданно очень спокойно сказал Дима и, протянув часы Юре, пошёл в сторону столовой.

– Что ж ты делаешь!.. – начал было Дурной Пиджак, но Юра успокоил его:

– Он на учете состоит!

– Такой маленький? – фальшиво изумился Дурной Пиджак и проникся большой симпатией к Микесу.

Юра же сразу смекнул, что это может пригодиться в будущем, и тут же распустил павлиний хвост ответного расположения к нему и его железной методике, чем совсем смутил начальника. А когда тот узнал, что Микес вообще из другого района города и совсем не воспитанник Марины, то сразу начал вербовку осведомителя. И это ему удалось! Не сразу, но все-таки...

– Ты держи меня в курсе. В институт в следующем году будешь поступать? – намекнул Дурной Пиджак.

– Да... В КазГУ... На юридический... – очень серьёзно ответил Юра.

– Хороший ты парень! Настоящий комсомолец! Мы таких не оставляем без внимания, – так же серьёзно и довольно продолжил начальник. – А среди ребят и виду не подавай, что не согласен с ними. Понял?

– Конечно. Только на юридический мне, наверное, не попасть. Конкурс уж слишком... – сокрушился Микес.

– А как же! Но для кого-то это не страшно. Главное – быть настоящим комсомольцем, преданным делу. Ты понял? – и Дурной Пиджак подмигнул.

– Мне мама тоже об этом говорила...

– Умная у тебя мать! Слушайся её... Ты меня понял? – ещё раз спросил Дурной Пиджак и опять, как бы невзначай, подмигнул.

Через полчаса Микес со всей бесцеремонностью бывшего претендента в уголовники устроил тотальный шмон Диме. Он нашёл не только часы Аполлона и воспитательницы, но и ещё пять неизвестно кому принадлежащих электронных хронометров и многое-многое другое. Попозже произошёл ещё один инцидент, после которого Юра присветил под правый

глаз Саранчи «фонарь» и, поднявшись на гору, выложил добычу перед изумлёнными друзьями. Тут же последовал и рассказ о Саранче и вербовке Дурного Пиджака.

– Шерлок Холмс! – рассмеялся Аполлон.

– Ну, дела-а! – тоже рассмеялся Федя и перелистнул страницу какой-то тоненькой рукописи. – Извини, Юра, мы тут такую писульку откопали! Смотри, Поль! С какой стороны ни подойди – типичные литературно-членские мастурбации! Вот они – обезьяны в медалях! И ведь всё опять просто. ЧЕЛОВЕК на ЧЕЛОВЕКА реагирует радостно и открыто. С желанием помочь. Он встречает такую же как и в нём, часть или грань Бога. А обезьяна, которой божья искра только подпалила шкуру настораживается – и в грязь тебя, в грязь! Если это ей, конечно, не грозит ничем. Со сладострастием! С ненавистью! Ты посмотри, какой обезьянник!..

– Можно мне послушать? – робко спросил Юра, так как был страшно заинтригован заливистым смехом друзей, звучащим ещё до его появления.

– Об чём речь! – воскликнул Федя. –

В ложбинке неглубокой
Заснеженный наш дом
Ютится одиноко
Средь хмурых туч кругом! –

прочел он и залиvisto рассмеялся.

Аполлон тоже прямо покотился со смеху.

Юра недоумённо посмотрел на обоих и рефлекторно хохотнул.

– Не удивляйся, Юрыч!.. – сквозь смех просипел Федя. – Ой!.. Не могу!.. Он ещё и оправдывается...

Слушайте! «... У непосвящённого человека может создаться впечатление, что рецензент прав, говоря, что после слова “туч” надо поставить точку. Слово “кругом”, здесь явно лишнее. Но заглянем в рукопись переводимого мной автора: в спорной строке вместо слова “туч” – чёрным по белому: “круч”! А это существенно меняет дело: слово «кругом», вынесенное в рифму, призвано завершить картину, дать представление о множестве горных вершин, окружающих ложбину».

– Ох!.. Ох!.. Бедный Гали Орманов! Бедный казахский поэт! Перевели его!.. На нет! – выдавил сквозь смех Аполлон. – Читай! Читай дальше! Там на тринадцатой странице... Ох!.. Ох!..

– Ага... – сказал Федя и перевернул несколько листов. – Вот! «... Минимальная совесть И. Смирнову совершенно чужда. Иначе откуда столько ложного пафоса по поводу катастрофической бедности словаря в моих переводах? На протяжении всей рецензии он прямо-таки с ножом к горлу пристаёт: подавай новизну, подавай яркие эпитеты, сравнения, метафоры! Там, где это требуется, я стараюсь всё найти. Но далеко не каждое стихотворение при переводе требует применения сверхизобразительных средств».

– Сверхизобразительных! Ох!.. – опять покотился Аполлон.

– «В частности – стихотворение Гали Орманова «По следам Абая», – продолжал Федя. – “Перевести его было непросто. Оно риторично, никаких сверхдеталей не предполагает и держится на...” волоске!

– На чём, на чём?

– «На интонации», не волнуйся. Это я от себя... Ха-ха-ха!.. «... Поэт до глубины души тронут самим фактом своего соприкосновения с землей, на которую смотрел, ступал и по которой проезжал Абай. Он пытается воспринять окружающий пейзаж глазами великого поэта, но попадающиеся на глаза «степные дымки», «дрожащие пригорки» ему (как и И.Смирнову) не дают пищи для раздумий о чём-то серьёзном. И вдруг:

Может, молнией мгновенной

Днём погожим в далях сих

Саркастический и гневный

Полыхнул в поэте стих?

Подчёркнутая мной строчка в строфе – смысловой центр стихотворения: вдохновение, как молния, может озарить внутренний мир поэта, даже если во внешнем ничто не предвещает грозу. Заключительная строфа переводит абстрактную мысль в более конкретный план, давая одновременно представление о том, что Гали Орманов отчасти проник в возможный ход мыслей Абая, не раз протестовавшего в своих стихах против барматы и родовых распрей:

Как загадка вековая,

Перед мной лежит она,

Кандыбая и Каная

Воровская сторона...

Обратим внимание на строку «Как загадка вековая». Догадавшись о многом, автор стихотворения остаётся трепетно скромным по отношению к правде момента, предоставляя земле молча хранить истину. И. Смирнову истина – до лампочки! Он несёт вот такую околесицу: “... Вот куда привели следы Абая! А если эти стихи какой-нибудь русский читатель прочтёт вслух неискушенному слушателю, то в строке “Кандыбая и Каная” – чуть ли не прорезывается само имя Абая. Проверьте, прочитайте вслух – и вы, пожалуй, убедитесь в этом”. Что за чушь! Если я правильно понял, И. Смирнов хочет сказать, что благодаря схожести окончаний в названиях родов “Кандыбая и Каная” с падежным окончанием имени казахского поэта русский читатель способен каким-то образом отнести эпитет “воровская” к самому Абаю? Но в строфе нет имени великого поэта, и звуковая путаница в связи с этим исключена! Какой же вы в душе шовинист, товарищ Смирнов! Сколько в вас, оказывается, пренебрежения к святыням других народов! Вырвавшееся у И. Смирнова саморазоблачение показалось чудесной возможностью поссорить меня с казахскими поэтами. Смотрите-де, как иногда неосторожен со словом Анютов, переводивший ваши стихи. А может быть, задача Смирнова была скромнее: насторожить редактора и заведующего редакцией.

Они, мол, конечно, поймут неосновательность моих домыслов, но осадок в душе останется... Вполне вероятно, впрочем, что он хотел угодить Ф. Шахрену и Т. Жанубзыковой. Но об этом позже. А пока прошу заметить, что...”

Аполлон катался по траве. Перед ним до галлюцинаций объёмно предстал весь писательско-издательский гадюшник. Юра же, совершенно не понимая, что смешного узрели друзья в жалобе одного поэта на рецензию другого, лишь пожимал плечами. А Федя, очень комично и многозначительно акцентируя, продолжал нагнетать ужас веселья дальше:

– “... Затрудняюсь с уверенностью сказать, каким именно качеством Ивана Смирнова был бы удручён его первый учитель, когда бы ознакомился с его недобросовестной стряпнёй, которая в литературно-художественном издательстве “Жазуши” принята и оплачена как деловая редакционная рецензия. Невежество – самое невинное из качеств моего рецензента. Шовинистическое чванство, с каким отнёсся он к памяти покойного казахского поэта-классика, является следствием из первого его свойства и замыкает перечень. В промежутке – ложь, подлог, злобное неприятие чуждых его неразвитому литературному вкусу поэтических манер”.

– Подожди, подожди... Дай отдышаться! – вскричал Аполлон.

Федя умолк.

Аполлон истомлённо взмахнул рукой:

– Давай!

– Даю, даю... – процедил Федя и перевернул ещё несколько листов. – “... Редакционный совет я прошу собраться в любом случае, поскольку опус И. Смирнова иначе как вредящим делу назвать не могу. Обсуждение его рецензии моих переводов может помочь издательству – если редсовет признает мою правоту – избавиться от одного из неквалифицированных рецензентов, специально нанимаемых иногда редакторами для “разгромных” статей на неугодных авторов, в число которых я у переводной редакции попал по следующим причинам. Первая – антипатия нового руководства к бывшему главному редактору издательства Манету Арбузбаеву, чьи поэтические сборники я добросовестно переводил (по моим переводам автору присуждено две всесоюзные премии: премия: КГБ и премия имени Фадеева). Вторая – изменившееся ко мне личное отношение Т. Жанубзыковой: она пожаловалась мне на необъективную оценку рукописи её романа редактором Г. Кадыковой, а я не поддержал разговора, поскольку не читал романа и не могу судить, кто прав – автор или редактор...”. Хватит! На сегодня достаточно! – сказал Федя и бросил рукопись в траву.

– Э, – нет! – погрозил пальцем Аполлон. – Тут в конце самая изюминка, а ты швыряешься. дочитывай, дочитывай! Дай мне насладиться до конца! У тебя это здорово получается!

– Хорошо... – сказал Федя и, подняв рукопись, снова раскрыл её, но уже на последней странице. – Вот... ”Пройдя все стадии внутренних переживаний человека, которому плюнули в лицо, я понял, что спуску Смирновым давать нельзя. У казахов есть святая клятва на хлебе. Две трети жизни я прожил в Казахстане и имею право ею воспользоваться. Готов поклясться над куском хлеба, который хотели отнять у моих детей И. Смирнов, Ф. Шахренов и Т. Жанубзыкова, что обратиться к мнению общественности меня побудило не только естественное стремление защитить свою честь, но ещё и определённые гражданские обязанности, возложенные на меня той же литературной общественностью!

Член Союза писателей СССР, член правления Союза писателей Казахстана, член Бюро русской секции Союза писателей Казахстана, член редакционного Совета издательства «Жазуши», поэт-переводчик Б. Анютов».

– И это он ещё поскромничал! – утирая слезы, выговорил Аполлон. – Мало того, что он раз, два, три... четырежды член, так он ещё и заместитель главного редактора журнала «Простор»!

– И как это Пушкин не догадался подписываться – камер-юнкер его императорского величества! – воскликнул Федя и теперь уже окончательно отбросил рукопись.

– Ох!.. – опять рассмеялся Аполлон и аккуратно свернул внутрилитературный шедевр трубочкой. – Поистине – дело не в количестве труда, а в количестве смысла его. В результативности! Зря этот Анютов надрывался – его жалобу Смирнову и переправили. А он уже и мне дал почитать... Ну что ты, Юрыч, такой постный?

– Да так... – пожал плечами Микес и, собрав лишние часы, пошёл в сторону пионерской. – Нет, – думал он по дороге, – есть, наверное, вещи, которые мне ещё не понять...

А между тем Дурной пиджак наводил окончательный порядок, и отсутствие основной массы комсомольцев и Марины было ему на руку – пионеры и малыши поддавались дрессуре безропотно. К концу дня ни одного празднующегося, нецелеустремлённого и неорганизованного не было, и всё, что можно было запретить, было запрещено. Даже воспитателям категорически было отказано в купании в бассейне и выходе за территорию лагеря без разрешения. И всё было сделано без единого выстрела и танков!.. Шутка, конечно... А впрочем... В изоляторе уже лежали три пионера с температурой, и каждые несколько минут кто-нибудь приходил с жалобой на сильную головную боль. Но это происходило скорее от перегрева, чем от порядка. Так решил Дурной Пиджак, и в данном случае он был частично прав, так как дети синхронно стучали сандалиями, кедами и кроссовками, под солнцем знойным изнывая, даже во время тихого часа. Врач попыталась протестовать, но начальник лишь похлопал её по плечу и, произнеся магическое слово «энтузиазм!», протянул бумажку с собственноизобретённым новым режимом дня.

Но вернемся к Микесу. Он как раз сейчас с любопытством расстёгивал кошелёк, обнаруженный в подозрительно сгущённых кустах боярки. В кошельке оказались женские бусы, девчачьи заколки, гребешки и записка, на которой было нацарапано: «Это моё! Не трогать!».

– Ну, Саранча! – вслух подумал Микес и вспомнил, как на его вопрос «Где ты взял часы?» тот ответил, что их ему подарил папа.

– А кто у тебя папа? – спросил тогда Юра.

– Ракетчик! – гордо ответил Дима.

– Какой же он ракетчик? – ласково удивился Юра.

– Ну, который на ракетах летает! – уверенно объяснил Дима.

– А как его фамилия? – ещё ласковей спросил Юра.

– Да ты не знаешь... – отмахнулся Дима. – Да он поменял уже фамилию. Он на вертолёте стал летать. Вот видел вертолёт, да? А мама у меня стюардесса!..

Юра закрыл кошелёк, лёг в траву и, потянувшись, заложил руки за голову. Он только сейчас начал соображать, что родители Димы скорее всего обыкновенные алкаши и не надо было, наверное, бить его. Но, с другой стороны, как было не врезать, если их разговор прервали два мужика, которые заявили, что им нужно варить, да еще и не обед, а железо, а кто-то от всех пяти сварочных очков отчекрыжил стёкла.

– Десяти стёкол нету! – удивлялись мужики. – Надо же так умудриться – прямо из-под носа!.. Нас сюда направили...

– Эти? – спросил Микес и протянул стекла, которые он обнаружил там же, где и часы. – Вот этот герой их у вас и вылушил!..

– Ах, ты ж, гад такой... – начал один из мужиков, но другой плюнул и, забрав стёкла, увёл товарища.

И Юра вlepил Диме.

– Это не я воровал! – заорал тот, но, сообразив, что не с того начал, тут же переменял пластинку.

– Я не буду больше воровать! – очень убедительно завопил он. – Меня Марина Марсовна заставила! Она говорила – по сценарию надо! Там про замечательных людей будет! Про Шекспира и про меня! Я вора двадцатого века должен играть!..

– А что ты мне говорил, когда я стёкла нашёл, а? – спросил Микес и опять сжал кулаки.

Он помнил, как Саранча сам придумал эту роль и напросился на неё.

– Это от маминых очков стёкла, а это от дедушкиных? Он ведь у тебя тоже лётчик был? Как ты сказал: это там вверху сильный свет? Солнце-то близко и можно глаза испортить? А ещё два стекла от папы остались? Жалостливая история! «Папа вот прилетел и только стал садиться, как разбился!». И от него остались одни очки и что?

– Бумажка, – угрюмо буркнул Дима.

– Вот! А на ней написано: «Сынок, бери – это тебе!». Как ты мне эту бумажку показывал и вопил: «Видишь! Видишь!..». И плакал ведь, гад ползучий!..

Юра вспомнил, как Дима совершенно естественно и очень горько рыдал и ещё больше изумился.

– Чёрт его знает!.. – подумал он. – Может, он больной? Есть же болезнь такая, когда плохо себя чувствуют, если ничего не стирают. И потом – чем это от кошелька пахнет?

Юра понюхал кошелёк и хлопнул себя по лбу:

– Ацетон! Запаривается, щегол! Теперь ясно, куда исчез из первого отряда тюбик с клеем «Момент»!..

В голове у Микеса как-то сразу прояснилось. Он вдруг понял, где у Саранчи могут быть заначки и, вскочив, направился к душевой. Там почти что сразу им был обнаружен уже пустой тюбик «Момент» и почти полная бутылка с растворителем.

Вылив содержимое бутылки, Юра пошёл к другому складу и с восторгом реквизировал пятнадцать пар самой различной по размерам обуви и другого барахла. Однако в следующем складе добыча была совершенно непредвиденной, и Юра снова омрачился. В огромном самодельном гнезде лежало бог знает сколько маленьких пятнистых яиц, а около гнезда валялось несколько таких же скорлупок.

– Ещё и посмотрел, что там внутри, а может быть, и позавтракал лишний раз! – заскрипел зубами Юра и, узнав у кого-то, что Дима ушёл в «Ленинец», помчался в соседний лагерь.

И вовремя!

На футбольном поле две команды лазили по кураям и искали мяч.

– Ну, никого не было! Куда же он исчез? – недоумевали ребята. – За ворота выкатился и исчез...

Намётанным глазом мгновенно просмотрев поле по секторам, Юра уже думал идти дальше, как вдруг разулыбался.

Навстречу ему шёл беременный Дима.

– Что с тобой, роденький ты мой?.. – зашевелил пальцами Микес.

– Живот болит... Вспучило... – затравленно прошептал Дима и, выкатив мячик из-под рубашки, бросил его на поле и побежал.

– Лови вора-а! – закричал Микес и расхохотался, увидев, с какой скоростью Саранча пересёк поле и врезался в заросли крапивы и колючек.

Казалось бы, достаточно на один день. Ан нет!

Уже поздно вечером, далеко за территорией лагеря, Юра, которого послали в дежурную аптеку, снова повстречал Саранчу. У того из под рубашки торчало полпалки сервелата и полбулки белейшего хлеба. Весело мыча что-то знакомое, Дима с аппетитом наворачивал никогда не виданный в лагере дефицит и запивал его чем-то из чьей-то фляжки. Увидев Юру, Саранча крупно задрожал и... исчез.

Только что был – и нет!

– На глазах совершенствуется, гад! – выругался Микес и, безнадежно махнув рукой, пошёл своей дорогой.

НАВАЖДЕНИЕ

(день пятый)

Сразу после завтрака Дурной Пиджак уехал в город.

Зайра и Алма, которых он поставил вторыми воспитателями младших отрядов, попытались удержать установленный начальником железный ритм, но, вовремя поняв, что это им не удастся, скооперировались отрядами и ушли в горы по ягоды и травы.

Лагерь начал оживать.

Оставшиеся, в основном, по состоянию здоровья, дети решили устроить торжественную встречу тем, кто уехал вчера на «трудовой десант». Плакаты, лозунги, приветствия, сатирическая газета, с очень узнаваемым центральным героем в галстук и пиджаке, украсили лагерь. Даже Чайка-Трезвяк подготовил несколько авиамodelей и одну запустил, чем вызвал бурный восторг малышей и молчаливые замороженные улыбки старших. Самолётик очень красиво, ровно и уверенно поднялся в небо и, попав в восходящие струи, долго парил, пока не сел на верхушку высоченного тополя. Несколько ребят тут же полезли снимать его, но Серёжа отогнал их:

– Убьётесь!.. Пусть там сидит!.. Ветерок дунет, может быть, и отцепится...

Необычайно долгое отсутствие в крови алкоголя было настолько непривычным для Серёжи, что он раздражался по любому пустяку и даже немного пошатывался при ходьбе. Около него вертелся Федя. Ему вдруг стало страшно интересно наблюдать за процессом рождения прямо на глазах способных тут же летать моделей. Неподалёку, разложив инструменты на половичке, копался в моторе автошедевра Аполлон. Что-то в автомобиле начало временами подозрительно скрежетать и постукивать, и герою было чем заняться.

– Я вот одно не пойму... – говорил Серёжа, прикрепляя очередную рейку. – Зачем эти комсомолки возили водку в райком и обратно? Что это за детские липиздрочки?

– Да послали их там, наверное... – отвечал Федя и пытался чем-то помочь.

– Вот, – согласился Серёжа. – Вместо того чтобы тут же при обнаружении, при всех на линейке разбить бутылки, они их таскают туда-сюда. Я думаю, они нам врут. Никому они их не показывают. Они сами хотят их высосать.

– Девчонки-то?

– Ну не одни, конечно, а со «сторожем» и с этим...

Не сейчас, конечно, а когда всё утихнет... У меня на это дело нюх!

Федя задумался.

– Чёрт его знает... Может, ты и прав...

– Прав-прав... – буркнул Трезвяк. – Где они их прячут – вот в чём проблема?

– Нам-то что?

– Я бы не погнушался... – сказал Трезвяк и облизнул сохнувшие губы. – Чем эти сучки будут лакать, так лучше уж мы...

– Зря ты на девчонок так... Зайра, конечно, прямоугольник, но Алма, по-моему, ничего... Помоему, ей тоже всё это не очень-то...

– Это, по-твоему! – фыркнул Серёжа. – Ты с этой реечки размотай нитку. Целую бабину навертел... Зайцы! Все они сегодня зайцы, а завтра – волки!.. Где вот только пузыри?..

К обеду вернулся трудовой десант.

Вяло реагируя на торжественную встречу, часть ребят тут же из автобусов ринулась к умывальникам и столовой, а остальные оккупировали туалеты.

Впрочем, к столовой ребята зря спешили. Там уже стоял неизвестно когда вернувшийся Дурной Пиджак и проверял комплектность.

Более младшие отряды выдержали эту пытку, и, дождавшись задержавшихся в туалетах, хоть холодное, но что-то покушали. А вот комсомольцы опять не выдержали. Они молча развернулись и, как накануне с линейки, подчёркнуто стройной колонной ушли в корпус. Вот эта стройность и организованность протеста взбесили начальника окончательно.

– Это забастовка! – завопил он. – Это антисоветизм! Это... Это... Это...

– Дети голодные!.. – сквозь зубы процедила слишком неестественно пожелтевшая и исхудавшая Марина. – И вообще, я не знаю, зачем нужно было райкому комсомола отправлять ребят за триста километров рыть картошку, а потом кушать и спать в полной антисанитарии и без воды, когда вокруг нас полно колхозов и совхозов? Если у нас начнётся холера, то это будет ваша заслуга!

– Да я машины еле-еле выбил... – с угрозой начал начальник, но тут же был остановлен и направлен в другое русло.

От досады и усталости Марина совершенствовалась довольно быстро.

– Кстати! – сказала она. – Перед отъездом вами категорически было запрещено купание в окрестных водоёмах. А ваш комиссар тайно взял несколько доверившихся ему комсомольцев и преспокойненько бог знает сколько времени плескался вместе с ними.

– Что-о? – взревел Дурной Пиджак. – Где он?

– Кушает, наверное. Или уже покушал, – уже спокойнее сказала Марина и ушла переодеваться и мыться.

Она не стала полностью опускаться до уровня противника и рассказывать о том, что всю ночь «сторож» пьянствовал с местным начальством. Те, видя возможность списания кое-чего за счет трудившихся не за страх, а за совесть ребят, устроили себе и руководителям

трудового десанта праздничный стол. Сама Марина, естественно, отказалась, но «сторож» под предлогом восточного закона о гостеприимстве сделал жертвенное лицо и помчался...

Поскольку Дурной Пиджак бросился искать своего нерадивого подчинённого, у столовой образовалась промоина, в которую тут же хлынули оставшиеся изголодавшиеся и задержавшиеся. А через несколько минут мимо Серёжи и Феде пронеслись взъерошенные Алма, Зайра и удручённый «сторож». За ними, стиснув зубы и заложив руки за спину, вышагивал их железный пастух.

– Смотри – забегали пупырышки! – заметил Серёжа и вдруг решительно выпрямился. – А что если... Точно! Конфискуываем и уничтожаем! Пока она есть – покоя не будет!

– Кто? – не понял Федя.

– Водка! Пузыри у начальника. Я точно знаю...

Последующие события с точки зрения здравого смысла объяснить трудно. Словно туман упал на Федю. Да и Серёжа, похоже, окончательно одурел от долгого и резкого воздержания. Оба помчались к арке и, томимые жаждой, естественно, разной по качеству, вскрыли створки окна покоев начальника. Зло щерясь, Серёжа влез в комнату и тут же начал ощупывать вещи Дурного Пиджака.

Взломщики увлеклись чрезвычайно. Да если бы и не увлеклись, то вряд ли заметили бы соглядатая, неотступно следовавшего за ними. Это был или была... Впрочем, какая разница кто – важно, что он или она были!..

– Нету! – растеряно послышалось из комнаты. – Но это ничего! – тут же прозвучало уверенно и решительно. – Тогда они у «сторожа»!

После взлома комнаты “Дурного Пиджака” терять было нечего. Спрыгнув с подоконника, Серёжа стёр рукавом свои следы и, закрыв окно, побежал. Федя, по инерции, – за ним. «Сторож» спал в комнате, где должны были находиться Аполлон, Федя и Трезвяк, так что ключи от неё были.

Схватив рюкзак, Серёжа сразу же пустил слюну:

– Вот они! Смотри!

Бутылки были, но только две.

– Брось... – начал что-то соображать Федя, но где там!

Они же – были! Такие прохладненькие и гладенькие в руках истинного ценителя.

– Я спрячу... спрячу... – забормотал Трезвяк и добавил: – Разбегаемся!

И Федя, продолжая ещё мало что соображать, пошёл на горку, где никого не было, а потом в столовую. У её дверей опять стоял Дурной Пиджак, а «сторож», показывая пальцем на приближающегося вора, что-то жарко выкрикивал.

– Федор Петрович, куда вы перепрятали водку? – ещё недоумённо, но уже с металлическим оттенком спросил начальник.

События покатались...

Первым делом тут же состоялось экстренное заседание «дивана» на горке. Ни Аполлон, ни Марина с воспитателями, ни трое ребят, из-за которых началась вся эта заварушка, ничего не могли понять.

– Зачем вы выкрали водку? Что вы собирались с ней делать? Пить?.. Ах да, – Серёжа... – выговаривал Аполлон и тёр виски. – Вот что: что сделано, то сделано. Немедленно водку и его сюда!

Команда тут же была выполнена, только в руках у Серёжи были уже не два, а все три пузыря.

– Откуда?.. – начал было Федя, но Серёжа опередил его:

– «Сторож» её с собой в колхоз возил, а там и без этого, видимо, было. В кульке принёс... Положил и с вытаращенными глазами к столовой. Обнаружил пропажу, гад!.. Кто вот только на нас наступал... Вроде все свои... Ну, я и эту забрал. Бог троицу любит!

– Хорошо, что не успел раздавить, каноник... – начала одна из воспитательниц.

– Не будем отвлекаться, девочки! – остановил Аполлон. – Так даже лучше. Все идут в пионерскую. Туда же надо заманить начальника, комиссара, Алму и Зайру. И совет лагеря, конечно, обязательно. Та-ак... Парни прихватывают с собой тазик и какую-нибудь железяку... Серёжа с Фёдором Петровичем объясняют, что кража совершена с единственной целью – уничтожить вещественную причину конфликта. Тут же на глазах у всех парни... Вот вы, которые эти пузыри в лагерь притащили, разбиваете бутылки, и все расходятся и до отбоя занимаются своими делами так, как будто ничего не произошло. Дальнейшие инструкции по событиям. Кто может предложить что-нибудь лучшее – прошу!..

Все молча встали и пошли вниз. Света смотрела на Федю широко открытыми глазами и тихонько время от времени вышёптывала:

– Это точно дух... Дух атамана Дутова!..

Аполлон обнял обоих за плечи и, мерно шагая под гору, запел:

– «Не падайте духом, поручик Голицын! Корнет Оболенский, седлайте коня!..». Я думаю, что теперь всё встанет на свои места, и вольнос или невольнос Франсуа и Серж способствовали этому. Уголовное дело по краже противник заводить не будет – состав преступления сомнителен, а уж мотивы совсем никудышные! Но и жить вместе теперь

абсолютно невозможно. Кто кого – вся философия! И тут уж обязательно мы их! Обязательно! Хотя бы для того, чтобы ребята почувствовали, что бороться выгодно, потому что тот, кто борется, в конце концов обязательно побеждает!

– Если не даёт дуба, – заметил Федя.

– Ну, во-первых, нам это в данном случае не грозит. А во-вторых, говоря языком пафоса, и после смерти борцам за истину и справедливость всегда светит виктория. Ну-ка, пошевелите своими историческими извилинами – разве я не прав?

– Спасибо, Аполлон Александрович! Если бы не вы!.. – горячо вышепнула Света и чмокнула Аполлона в щёку.

– Светка, не развратничай! – неожиданно ревниво буркнул Федя, и Аполлон так расхохотался, что даже поскользнулся и упал.

Федя и его подруга бросились поднимать его, но герой вырвался из протянутых рук и, громко крича: «В атаку! В атаку! Трубят трубачи!», сбежал с горки.

– «Марш вперед – труба зовёт!» – подхватила Света и бросилась вслед за ним.

Гений остался один.

– Как был я дураком, так им и помру, – подумал он и, дурашливо бляя «Бегут буржуины, расстроив ряды!..», тоже сбежал вниз.

Всё произошло так, как и предполагал герой. Второй вал идиотского скандала вокруг водки бурно вспучился, опал и окончательно обнажил невозможность сосуществования. Дурной Пиджак попытался, правда, спекулировать фактом кражи, но у него ничего не получилось. Зайра и Алма, удивленные и напуганные столь дерзким поступком Серёжи и Феди, молчали, и единодушная давиленья сорвалась.

Ребята же вдохновились. А как же! Взрослые из-за них шли на эшафот!.. Вот по всему поэтому, когда тазик с разбитыми бутылками и едким запахом не очень качественного алкоголя вынесли, Дурной Пиджак вскочил и, скрипя зубами, выбежал из пионерской. С ума сойти! Его обвели вокруг пальца, как младенца! Неприязнь и ненависть к детям, которым он страшно завидовал, так как они оказались гораздо умнее и талантливее его, достигли апогея. Кроме того, начальник чётко почувствовал чью-то мощную руководящую руку, проявляющуюся в фантастической сдержанности ребят, и, никак не относя это к Марине, терялся в догадках. Проанализировав ситуацию и просчитав всё до мелочей, Дурной Пиджак вычислил помощников сопляка-повара, как самых взрослых в пределах лагеря (то-есть – нас!), и пошёл на кухню с набором коварнейших вопросов, которыми он надеялся расколоть противника.

По легенде, с которой нас нечаянно познакомила Марина, мы были когда-то игроками футбольной команды «Кайрат», а потом работниками ЦК Комсомола, и оснований для подозрений у начальника было достаточно. Однако излишняя горячность, с которой он начал нападать, да ещё и с заранее отработанной установкой, что тут просто воры, привела к тому,

что мы его «попросили», а Сеня даже чуть было не на кулаках. Смелости и знания кое-каких законов у нас и у нашего победителя кулинарных конкурсов было не занимать.

Привыкший мыслить на “раз-два-левой!”, Дурной Пиджак ещё более утвердился в правильности своих подозрений, так как Сеня вполне мог из-за своей молодости быть сочувствующим ребятам, а мы из-за коллегиальности – консультантами (что, действительно, логично). Поэтому он с ещё большим энтузиазмом переключил всё своё внимание на кухню и склад, чтобы поймать нас с поличным и таким образом частично лишить оппозицию лидеров. Ребята же, в свою очередь, решили поставить на всём, что произошло в лагере, точку. Не без консультаций, естественно, у истинных стратегов.

И в лагере вдруг стало спокойно.

А так как по всем отрядам шла подготовка к карнавалу, то Зайра и Алма, которые тоже начали уставать от постоянного напряжения, даже подумали, что наконец-то всё утрясается и они смогут хотя бы просто отдохнуть на природе до конца смены.

На самом же деле – как раз наоборот – активисты составляли письмо на имя заврайона и первого секретаря райкома партии. В нём в ультимативной форме они заявляли, что если лагерь не будет работать так, как было запланировано с самого начала, и если в нём будет присутствовать начальник, от которого исходят такие-то и такие-то, несовместимые с нормальной жизнедеятельностью, меры, то ребята этот лагерь покинут и таким образом будет сорвана работа школы комсомольского актива.

Вечером, во время карнавала, все группами уходили и приходили, и это показалось вроде бы подозрительным оппозиции, но замечательно проведенное мероприятие, требующее масок и сюжетных интриг, сыграло отвлекающую роль.

Между тем, молодёжь ставила свои подписи под письмом...

Лишь отряды, к которым были приставлены Зайра и Алма, не были посвящены в суть мероприятия. Во-первых из-за их совершенно внеполитического возраста, а во-вторых, из-за сильной привязанности к Зайре и Алме, которым всё-таки нужно отдать должное за их, ещё не задавленный партийностью, материнский инстинкт.

Наконец лагерь затих. Пройдя дозором палаты и убедившись, что все дрыхнут на удивление дружно и натурально, Дурной Пиджак недовольно хмыкнул и поспешил к заднему двору кухни, где и схоронился в прискладских кустах.

К его жгучей радости, прямо перед ним в огромном мангале уже бурно горел саксаул и готовился наш запланированный маленький пикник.

Примерно зная, как будут развиваться дальнейшие события, мы старались не вмешиваться и делали вид, что ничего не видим, не слышим и не предполагаем. Подготовка же к пикнику заключалась в следующем: моя и Сенина девочки нанизывали на шампуры шикарную баранину, а медсестра рассказывала всяческие забавные медицинские истории и резала салаты. После совершенно фантастического шокового знакомства с ситуацией, в которую Сеня вляпался, он стал намного серьезнее, но и своего юношеского пыла не потерял.

Тем более что верить-то верил, но не особенно. На столах, расположенных прямо тут же, на воздухе, уже стояли бутылки с вином, напитками и огромный пластмассовый бидон с пивом.

– Сказки сказками, а жизнь жизнью! – говорил наш юный повар, показывая свою разумность и здоровый скептицизм.

Долго пришлось мёрзнуть начальнику, пока он, наконец, не сообразил, что занялся пустым делом. Мы ели, пили, пели, целовались, танцевали до упаду под столы, откуда со смехом выползали затем, чтобы снова туда свалиться, а Дурной Пиджак только облизывался. И никаких детей не появлялось, кроме моей, подозрительно юной на вид, но смышлёной не по возрасту, явно не лагерной подружки и Сениной, тоже посторонней, девчушки. К тому же наш шеф-повар так разошёлся, что вдруг вздумал на спор метать ломом в лесину, которую прислонил прямо к прискладским кустам. Вот это окончательно и привело начальника к мысли, что пора сматываться. Вряд ли он понял, почему мы вдруг присвистнули, когда кусты заколыхались.

Очень довольный тем, что благополучно избежал участи мишени и не был обнаружен, Дурной Пиджак по инерции ещё раз заглянул в окна спального корпуса первого отряда и замер. В корпусе было пусто, а где-то на девичьей половине несколько голосов дружно выпевали на три четверти:

Прибежал к нам тут дрек (директор-дерьмо),

Не еврей и не грек.

Полчаса он стоит – разоряется.

Он и сам бы не прочь

Провести с нами ночь,

Да на старости лет не решается...

Радостно задрожав и сделав стойку, начальник кинулся обратно к столовой, около которой находился корпус отрядов Зайры и Алмы. Бесцеремонно растолкав девушек, он тут же побежал к комиссару.

Того на месте не было...

– Завхозиху жмёт, паскуда! – выругался начальник и, подстёгивая девушек лозунговыми фразами, ринулся назад.

Рванув дверь, Дурной Пиджак влетел в корпус и... снова замер: ребята, мирно посапывая, спали как убитые.

Дурной Пиджак провис...

– Что такое?.. Наваждение какое-то...

– Мы пойдем спать... – почти с ненавистью сказала Алма, но тут от туалетов плавно отделилась какая-то фигура и, приблизившись, оказалась «сторожем».

– Тс-с! – сказал «сторож» и, поманив пальцем собратьев, повёл их в сторону. – Я вам такое расскажу!.. Такое!..

И комиссар поведал, как он, рискуя, ну, может быть, не жизнью, а только телом, по наводке осведомителя два часа лежал в кустах и слышал, как зачитывалась “телега” с подписями и давались подробные инструкции по дальнейшим предполагаемым событиям.

– И этот музыкантишко управляет? – удивился Дурной Пиджак и, вспомнив, как он тоже только что позорно ховался в засаде, поёжился.

– В Америке вообще какой-то актёришко этим занимается! – съязвила Алма.

– Да-а... Рейган – это... Завтра же его не будет!

– Кого? – в раз выдохнули опричники.

– Шута этого!.. С машиной!.. – наливаясь злобой, процедил начальник. – И надо перехватить бумагу!

– Уже уехала! – зевнул «сторож». – Шут и увёз!

За щитом, на котором неизвестным, но очень советским Рембрандом был увековечен шибко бравый еврейский мальчик с горном, кто-то всхлипнул.

– Нас подслушивают! – ахнули девушки.

– Мерзавцы! – выругался Дурной Пиджак. Комиссар рванулся было к щиту, но на полдороги остановился и начал пятиться.

– Ты чего?.. – окликнул его начальник.

– Да ну их!.. Пусть это будет на их совести! – ответил тот и, очень довольный тем, что не получил предполагаемым камнем по лбу, гордо вернулся обратно.

– Пойдёмте ко мне. У меня тихо! – сказал начальник и выкрикнул в сторону щита: – Стукачи!..

Когда три мушкетера и Д`Артаньян... Ох, нет, – Дурной Пиджак, Зайра, Алма и сторож-комиссар удалились, из-за щита, испуганно озираясь и трясясь, выглянуло затравленное детское личико. Неизвестно какая по счету жертва «трудового» поноса направилась к

пионерскому спальному корпусу, но, не дойдя несколько шагов до крыльца, ойкнула и побежала обратно за щит.

В лагере пахивало дизентерией...

ВИКТОРИЯ

(день шестой)

Ущелье ещё было погружено в густую синь занимающегося утра. Осторожно раздвигая ветки и стараясь не оступиться, по нему пробирался Дурной Пиджак. Он явно что-то искал, так как всё время зыркал по сторонам и подсвечивал особо тёмные места фонариком. Наконец послышался рык радости и аккуратно раздвинув притропиночные кустики, начальник уставился на предмет... м-м... м-м... А! Скажем, как оно есть: на использованный презерватив!

Удостоверившись, что это действительно не воздушный шарик, не соска и не порванная часть перчатки или напалечника, начальник выпрямился и начал чесать фонариком затылок. Ни фамилии, ни имени, ни хотя бы адреса владельца на презервативе не было и это раздражало. Наконец тяжкий вздох сожаления вырвался из груди Дурного Пиджака, а поддетый веточкой свидетель и участник вчерашних радостей нырнул в речушку и... гордо поплыл в сторону сладко спавшего лагеря. Начальник засуетился и забегал туда-сюда. Он понял, что поступил опрометчиво...

Поскользнувшись и встав обеими ногами в центр речушки, Дурной Пиджак сплюнул в сторону уже растворившегося во тьме противозачаточного диверсанта и, снова вернувшись на тропу, начал вытряхивать из туфлей воду. Бессонная ночь с кислыми предчувствиями, да ещё и холодная ножная ванна действовали не лучшим образом. Голова замутилась, и, направляясь к арке, он начал разговаривать сам с собой.

– Первый автобус от автостанции отходит в шесть... или в полседьмого... Нет, в шесть. И улик никаких... А тут ещё и эта сволочь на развод подала... Вот стерва!.. Диктатор я, понимаешь ли... Я – муж! Мужчина! Голова!.. Цветочков ей не приношу... понимаешь ли... Один уже натёрли, чёрт бы его побрал! Орёт днём и ночью, гадёныш! Цветочки... На могилках родителей!.. Спиногрызы-захребетники!.. Высерки проклятые!.. Вон их целые газоны пованивают... Атмосферу портят... Демократы сопливые!..

Противно чмокая мокрыми штиблетами, Дурной Пиджак перешёл последнюю досточку перед лагерем и завернул в сортир. Справив своё мелкое дельце, он на всякий случай зыркнул в очко и остолбенел. На поверхности, простите, не очень эстетичной жижи топорщился ещё один... ну, пусть «белый лебедь»! И так как рассвет ещё не совсем занялся, то Дурной Пиджак воспользовался фонариком и, едва не клюнув от старания носом, всё-таки разглядел, что это была не та птица, которую он выловил в кустах. Ну, то есть – совершенно не та! И даже не оте-чес-твен-ная! Это хорошо было видно, так как такого он вообще никогда не

видел, а только слышал, что подобное существует там... за границей! И используется, в основном, для лечения женской фригидности.

– «Петушинный гребень!» – заморожено пропел Дурной Пиджак, и слюна капнула из раскрытой от изумления пасти. – Ну и лагерёк! Комсомольского презерватива!.. Ах вы, активисты-рецидивисты!.. А там что плавает?.. Ага! Сигареты «Космос», похоже... Вертеп!

Судорожно вытащив из кармана точно такие же сигареты и закурив, начальник ещё раз, но уже без помощи фонарика, взглянул на нахально пузырящееся чудо и быстро пошёл к арке. В голове его гудели и ритмично пульсировали в такт шагу знаменитые строчки одного из почти что смирновских шедевров:

Зацвели и тополь и акация.

Я иду, улыбки не тая.

У меня сегодня менструация.

Значит, не беременная я!

Прошло не так много времени, и раннее утро, несмотря на происки наивных и фанатиков, перешло в позднее.

Удивительно, как может один человек поставить всё с ног на голову! А ещё говорят, что личность – тьфу! Это те, кто говорят, – тьфу! А личность – это всё! Как отрицательная, так и положительная. И если все личности, то это уже не публика, которая почти всегда – дура, а именно тот народ, на который вся надежда. Вот уехал Дурной Пиджак – и опять как будто больной зуб вырвали. Правда, его утренние бдения пробудили к жизни какой-то, непознаваемый пока для смертных, механизм, и определённые концентрации обычно разрозненных явлений наблюдались, но это погоды не делало. Тем более что самое неадекватное распространилось среди малышей.

Первое, что увидели Микельбанд, Савельев и Андросик-старший, – это свадьбу. Дело в том, что этим ребятам, плюс ещё Андросику-младшему, сидевшему в другом месте и тоже в засаде, было поручено поймать с поличным ставшего совершенно неуловимым и до чёртиков всем надоевшего Диму-Саранчу и доставить его в первый отряд на проработку. Ни Аполлон, ни Марина, ни воспитатели не имели никакого отношения к этому мероприятию, так как ребята решили не тревожить их по такому пустяку.

А зря!..

Итак, Микельбанд, Савельев и Андросик-старший стали невольными свидетелями второго после похорон по пышности и торжественности явления, да ещё и в полевом варианте. Человек пятнадцать разнополых малышей сидели на траве, как за столом, и, строго

придерживаясь ритуала и считаясь на очередность пар, проводили процедуру бракосочетания. Кульминацией этого языческого застолья и чревоугодия было, конечно же, знаменитое «горько!» с деловыми и совсем не застенчивыми, а натуральными поцелуями жениха и невесты.

Вероятно, на этом почти пасторальная картинка и закончилась бы, если бы не Дима. Он появился на третьей паре и сразу же заявил, что какая же это свадьба, если после неё нет детей.

– Это разврат, а не свадьба! – уточнил он.

Ребята притихли.

– После свадьбы жених и невеста идут спать, – с видом бывалого заявил Дима и добавил: – А когда они спят, то...

В общем, Саранча сказал, что они делают, но нелитературно. Впрочем, если автор не посмел обозначить открытым текстом этот нецензурный глагол в детской части повествования, то сами дети ничуть не смутились. Они только спросили Диму:

– А как?

– Обыкновенно! – удивился наиву сверстников Саранча и с умным видом проговорил знаменитую в неформальных детских кругах таблицу умножения: – Одиножды один – приехал гражданин. Одиножды два – его жена. Одиножды три – в дом вошли. Одиножды четыре – свет потушили. Одиножды пять – легли на кровать. Одиножды шесть – он её за шерсть. Одиножды семь – он её совсем. Одиножды восемь – доктора просим. Одиножды девять – доктор едет. Одиножды десять – ребёнок лезет!

Ребятишки притихли, и ободрённый Дима тут же для уточнения и закрепления, видимо, из соображений эстетики, спел на мотив «Цыплёнка жаренного» ассимиляционный рекламный ролик:

Цыплёнок уточку в одну минуточку

В сарайчик тёмный заволок.

Нащупал дырочку, воткнул пупырочку

И наслаждался, сколько мог!

– Ну, это полагается без гостей делать, – разочарованно махнула рукой одна девочка. – Я и покруче знаю:

По блату, по блату
Дала сестричка брату.
И он, как по привычке,
Засунул по яички!

Пример такой, почти бескорыстной, родственной любви почему-то тоже никого не вдохновил, и поэтому девочка тут же предложила:

- А давайте лучше в роды сыграем! Там и врачей много, и сестёр...
- А за границей даже и мужья есть! – поддержал какой-то мальчик.
- Ты чё? Мужиков нельзя! Мужикам не положено на это смотреть! – возразил Дима.
- Нет, положено! Я в журнале читал... – упрямо стоял на своём мальчик.
- Иди ты со своими журналами! – выругался Дима. – Тут как в жизни надо, а не как в журналах!
- А я песенку знаю, которую старшаки поют! – пискнула ещё одна девчушка.
- Ну! Давай! – сказал Дима и сел, сложив ноги калачиком.

Танцует муха на стекле па-де-де.
Влюблено смотрит на неё па-у-чок.
Он хочет с ней иметь тет-а-тет.
На ниточке повис – и молчок!

– Во-во! – похвалил Дима и похлопал в ладоши:

Вдруг какой-то старичок-паучок

Нашу муху в уголок по-во-лок!

Классика! Это была хоть и вырванная из контекста и использованная в спекулятивных целях, но классика! Дети смотрели на Диму заворожено...

– Вот дерьмо! – выругался шёпотом Микес.

– Просветитель! – подтвердил Шоблов. – Разгоняем?

– А что толку? Они в другом месте соберутся, да ещё и с большим энтузиазмом, – задумчиво пробормотал Андросик-старший. – Тут надо клин клином. Интерес – интересом!

И Шоблов с Савельевым появились одновременно с востока и запада. А когда Дима рванул на юг, то на его плечо упала тяжёлая ладонь Андросика-старшего.

– Тихо-тихо! – громко сказал Андросик-старший и тут же добавил: – Чего испугались? Мы с шефской помощью! Играть с вами будем!

– А чё с нами играть? Мы сами... Не маленькие! – буркнул Дима.

– Правильно! – подкупающе весело поддержал Диму Савельев. – Ещё неизвестно, кто с кем будет играть – мы с вами или вы с нами. Я лично не против, чтобы со мной поиграли. Во что вы здесь сейчас играли?

– В любовь! – пискнула девчужка и испуганно умолкла.

– В папу с мамой, что ли? – очень компетентно и спокойно спросил Шоблов.

– Нет, мы ещё до этого... – доверчиво ляпнул мальчишечка.

– Ну-у! Разве это игра? Скука! – шибко тоскливо протянул Андросик-старший. – Поцеловались, пообнимались, дитё родили – и вся любовь! Одно и то же, одно и то же! Тоска! А вот мы предлагаем сыграть в фильм “Отроки во вселенной».

– У-у, мировая картина! Там такие роботы – кайф! Свистят вот так!.. – сразу горячо подхватил один из малышей и начал насвистывать.

– Это что! – махнул рукой Савельев. – Мы новые приключения придумаем. С путешествием к Чёрному камню. Там как будто другая галактика...

– А нам не разрешают за территорию! – пискнула ещё одна девчужка, но Савельев её успокоил:

– С шефами можно!

Андросик-старший и Шоблов уставились на него.

– Чё моргаете? – плюнул Савельев. – Дурного-то нет! Что, мы инициативу проявить не можем?

Можем! – в голос выдохнули сразу всё сообразившие товарищи, и игра началась.

Автор не будет описывать её, но можете поверить, что штабисты на этом деле не одну собаку съели, и импровизаций у них было – хоть отбавляй. А поскольку малыши, тут же раскрепостившись окончательно, начали очень натурально действовать в предлагаемых обстоятельствах и тоже подкидывали одну идею за другой, то и шефам и подшефным в конце концов действительно стало обоюдно интересно. Взаимоотдача – великий двигатель! Андросик-старший даже плюнул на Диму, который, увидев, что инициатива у него вырвана с корнем, тут же испарился. Впрочем, зря Саранча рассчитывал на безнадзорность. Андросик-старший, прежде чем плюнуть, по-разбойничьи свистнул, и тут же с ответным свистом из кустов испарился Микес. И для него шум и гам быстро остались позади, а впереди маячила вертлявая спинка наполовину лишённого детства, но неунывающего Димы.

– «Ты куда, Одиссей? От жены, от детей? Милый Одиссей! Милый Одиссей!» – пела душа Микеса.

Он чувствовал, что Саранче каюк (он же кырдык, он же...). А так как маршрут Димы пролегал мимо засады Андросика-младшего, то, с появлением напарника, это чувство перешло в уверенность.

И точно! Преследование продолжалось недолго. Убеждённый, что «хвоста» за ним нет, Дима тут же стянул с верёвки вещественные доказательства – девчачью юбку и колготки и, конечно же, был схвачен и доставлен на самодеятельную экзекуцию.

Затравленно озираясь и правильно чувствуя приближающееся будущее, Дима обдумывал, как бы понатуральнее изобразить припадок эпилепсии или обморок. Однако когда он рухнул на пол и начал кататься, то тут же был облит холодной водой из ведра. Завизжав, как поросёнок, Дима полез под кровать и уже оттуда, стуча зубами, начал давать показания.

– Вот зачем ты взял юбку и колготки? – начал Микес.

– От солнца хотел закрываться!

– Колготками? – спросил Юра, и все грохнули (рассмеялись).

– А зачем ты стаканы мочой обрызгал? – сквозь смех товарищей послышался злой голос одного из «трудных». – Зачем западлу сделал?

– Это не я, не я! – завизжал из-под кровати Дима. – Это Микельбанд! Он жид!

– Я не жид, Димочка, а ев-гей! – вспыхнув, быстро скартавил Юра.

– А какая разница! – завопил ещё громче Дима. – Все вы одинаковые, я знаю!

– Нет, не знаешь... – засопел Микес и, выдернув из-под кровати ногу Саранчи, начал крутить её.

– А-а! – уже совсем громко закричал Дима, и несколько ребят бросились отрывать его от Микеса.

– Ты чё, Юрыч? На кого реагируешь? – кричали они.

– Достал, сука!.. Ну, достал!.. – плачущим голосом выговорил Микес и отпустил ногу.

– Я убью тебя, Микельбанд! – завопил из-под кровати Дима. – И тебя, Шукшин, тоже убью!..

– И меня тоже? – спросила очаровательная Стернина Аня.

– И тебя-я! Всех убью, а потом сам убьюсь!..

– На! – вдруг сказал Шукшин и протянул Диме верёвку.

Все замерли.

– Неудобно... – послышалось через некоторое время из-под кровати. – Я лучше дома повешаюсь...

Все облегчённо вздохнули.

– Ребята, а может, он нормальный человек? – спросила Стернина. – Может, он ворует потому, что у него ничего нету?

Идея сразу же была оценена Димой.

– Да! Да! – завопил он. – Я потому ворую, что у меня ничего нету!..

– Как же ничего нету, если ты мне говорил, что у тебя дома столько вещей, что на всю жизнь хватит! – возмутился Микес.

– Ничего я такого не говорил! – отбрыкнулся Дима и вдруг уже совершенно по-детски спросил: – А как лучше убить себя – повешаться или по башке камнем?

Все опять замерли.

– Такому, как ты, лучше по башке камнем, – зло прошипел Микес и кинул под кровать осколок гальки.

– Ой!.. Ой!.. – сразу же раздалось оттуда. – Ты меня хотел уби-ить! Я бы сам себя убил! А-а!..

Все опять облегчённо вздохнули.

– Ой, голова болит! Ой!.. – продолжалось из-под кровати. – Ой, температура поднимается!..

– Ну, Микельбанд, разве так можно? – укоризненно сказала Стернина и подмигнула Микесу. – Смотри, какой Дима красный!

Услышав это, Дима ещё больше поднатужился, и, ей-богу, если бы у него сейчас померили температуру, то она была бы не меньше тридцати восьми.

– Ой!.. Ой!.. – совершенно естественно ещё сильнее заохал он, и ребята, изобразив, что очень испугались, вытащили Диму, положили на кровать и начали хлопотать вокруг него.

– Ну, зачем ты ворует? Такой хорошенький! Такой голубоглазенький! – причитала Стернина. – Весь дачный посёлок обчистил. И у нас вот... Надо амидопирин ему, ребята!

– Да! – подтвердил Шукшин. – В тройной дозе! И если он врёт, то умрет! Сильное лекарство!

– А у меня амидопирин есть! – вдруг радостно выкрикнул Микес. – А ну, дайте водички запить!..

– А-а-а! – истошно завопил Дима и вдруг совершенно спокойно добавил: – Не надо. У меня уже температура стала меньше. И сердце сразу успокоилось... И ноги не ноют...

– Как? У тебя ещё и ноги ныли? – ахнули все.

– А как же! Отнимались! Но всё равно что-то есть ещё...

– Тогда нужно банки на сердце поставить, – очень серьёзно вступил в разговор Скоблов – здоровенный детина, занимающийся тяжёлой атлетикой. – Сразу моментом пройдёт. А если не болеешь, то сердце вытянет.

– Ой! – пискнула Стернина, и Дима ещё больше испугался.

– Уже проходит! Уже проходит! – отчаянно заголосил он.

– Ну ладно, – успокоила Саранчу Аня. – Не будем мы тебя сегодня лечить! Но как ты умудрился продать мне мою же расчёску? Гипнотизёр ты, что ли?

– Это не твоя! Это мне мама подарила!

– Говори-говори! Там у меня отметина.

– Он и мне загнал гребешок. За сорок копеек. Его ему наверняка папа подарил. Рукоятка такая... в виде охотничьей собаки. Вот он! – сказал Савельев и показал необычный прибор для расчёсывания волос.

– Мой! – ахнул Микес. – Ну, Дима!..

Ребята снова возмущённо загудели, и Дима потихоньку начал сползать под кровать.

Но тут за закрытой дверью послышались громовые раскаты, и, снеся, как былинку, стоявшего на шухере здорового орла, в корпус влетела Зайра.

– Где?.. Где мой Димочка?.. – истерически завопила она, и Дима тут же бодро нырнул под крыло своего ангела-спасителя.

– Мадонна с младенцем! – мрачно буркнул кто-то, но на него зашикали.

– Целый?.. Слава Богу!.. А мокрый какой!.. Пытали, изверги!.. Идём, Димочка, идём... Сейчас ты расскажешь, как они над тобой издевались...

Зайра машинально потрогала лоб дитяти и ещё более восторженно ахнула:

– Да у тебя температура! Ну, это...

Уже на пути к пионерской она узнала, что половина её отряда пошла к Черному камню, да ещё и с первоотрядниками. Дополнительное сообщение малолетнего агента привело комсомольскую даму уже в совершеннейшую эйфорию.

Впрочем, зря она так шибко обрадовалась, так как тут же следовавший за ней по пятам Микес, как пантера, бросился в джунгли. Тут же малыши были проинструктированы и бегом равномерно рассредоточены по территории лагеря в марширующие под руководством старшаков группы. Накануне Микес с такой же оперативностью вовремя вернул первоотрядников в свои постели, что хотя и не скрыло от «сторожа» истины, но для Дурного Пиджак и девушек было фактом, который, как известно, вещь шибко упрямая. Правда, не обошлось и без благоприятного совпадения – как и сейчас, заговорщики не успели далеко уйти. Но всё равно, если бы не Юра, то их обязательно бы застукали.

Теперь ребята не стали испытывать судьбу. Сразу же после ухода Зайры они посоветовались и решили, что пора не ускользать, а принять бой в открытую. Бесшумной рассредоточенной цепью они с разных сторон направились к столовой, где нос к носу уже стояли две легковые и «пазик».

– «Корчагинцы» на белых «Волгах» прикатили! – ляпнул кто-то из «трудных» и тут же получил пинком под зад, так как «корчагинцы» вместе с заведующим районо и методистами той же конторы были слишком рядом и их надутые физиономии не предвещали ничего светлого. Дурной Пиджак червяком крутился вокруг начальствесева и сыпал, и сыпал, и сыпал... Весьма убедительно сыпал, так как все согласно кивали головами и возмущённо пожимали плечами.

Воспитатели и Марина, которые стояли тут же, восприняли это как полное поражение и настолько упали духом, что вообще перестали реагировать. Федя, весь взерошенный, пытался вывести их из ступора и шипел, что не может быть, чтобы на этот раз Аполлону ничего не удалось, но даже Света лишь отмахивалась. Правда, когда Зайра переполошила всех своими пропавшими и развращаемыми комсомольцами у Черного камня детьми,

которые неожиданно оказались на территории, да ещё и так мило для сердец руководящих марширующие, лица воспитателей немного оживились.

Но вот всех пригласили на заседание с разбором ультиматума-жалобы, и взоры педагогов снова потухли. Однако если взрослые опустили руки, то ребята – наоборот! И коль скоро смелость, действительно, – воспоминание прошлых побед и лишь иногда глупость, то хотя побед ещё и не было в достатке, но смелость уже присутствовала. Именно смелость, а не отчаяние! Вместе со спокойным разумом, выдержкой, корректностью и вежливостью это произвело ошеломляющее впечатление на... Марину и воспитателей. А вы что, думали – на начальство? Ну, да-а! Ждите! Жёстко и безапелляционно те требовали сосуществования...

И так бы тянулось до бесконечности, если бы после трех часов сидения огромной массы людей в маленьком помещении один из них не свалился в обморок. А когда его достали из-под стола, то оказалось, что это председатель совета лагеря Булат Дарментаев. Естественно, что ребята и воспитатели всполошились и, приведя его в чувство, попытались вывести на воздух. Но начальство и тут не дрогнуло. Опытное оно было и потому судило обо всём только по себе.

– Ну, это же Марина Марсовна сидела с ним рядом! Она сказала ему упасть, и он упал для того, чтобы жалость вызвать какую-то, – сказал Дурной Пиджак, и все понимающе заулыбались такому детскому приёмчику юных воспитателей.

Вот это-то и оказалось перебором. В принципе, можно было бы инсценировать и падение в обморок, и кое-что другое, дабы положить конец совершенно пустой говорильне, но не председателя же совета лагеря грохать. Тем более что у того было больное сердце.

– Чушь! – закричали ребята. – Булат не такой дурак, чтобы падать в обморок по чьей-то указке!

– Эти так называемые воспитатели и курят, и спят с комсомольцами. Вот почему у них такое единодушие, – начал быстро-быстро выплёвывать в ухо секретаря райкома Дурной Пиджак. – И ведь все они проходили утверждение в районо...

Дурной закусил язык, но было поздно. Заврайоно, которая сидела рядом, побледнела и начала подниматься. Камень, брошенный машинально, угодил в её огород, и инстинкт самосохранения сработал блестяще.

– Позвольте!.. – начала она. – Вы это видели своими глазами? Ну, то, что дети курят... спят!.. У вас есть свидетели?

– Есть! – машинально ляпнул комиссар-”сторож” и Дурной Пиджак похолодел.

– Где они? – очень жёстко сказала заврайоно и парализующе посмотрела на комиссара.

– Вот!.. – сказал тот и вытащил из карманов две пачки презервативов. – Первый корпус, отделение девочек, вторая тумбочка направо от двери!

Ах, какое наступило молчание!

Око тайфуна глянуло на пионерскую!

– Это не свидетели! – ничуть не смутилась заврайоно. – Как вы докажете, что они не ваши или не подкинута вами специально?

– Да там ещё три коробки противозачаточных таблеток... – продолжил было комиссар, но был прерван.

– Ничего там нет и не было! – многозначительно метнув взглядом в сторону Марины, обрезала заврайоно, и Микес испарился из пионерской. – И вообще, попрошу всех ребят и воспитателей выйти! Тут действительно душно. Перерыв!

Видели бы вы и слышали бы, в каком молчании и с какой стремительностью пионерская опустела и какой крик там поднялся после этого. Не-ет, это надо видеть, это надо слышать!..

Лагерь замер.

И не зря!

Через удивительно небольшой период времени шум в пионерской стих, и в полном молчании оттуда вышли покрытые красными пятнами все руководящие лица. Не обращая никакого внимания ни на кого, приехавшие сели в «Волги» и укатили. Дурной Пиджак, Зайра, Алма и комиссар-«сторож» разбежались по своим спальным местам, и через пять минут все, кроме «сторожа», так же, не говоря ни слова, полезли в «пазик».

Машина заурчала и тронулась.

– Стойте! Стойте!.. – расколол тишину страшный крик.

Через линейку, наперерез машине, бежал комиссар-«сторож».

Глаза у него были белые...

Машина продолжала ехать...

– Откройте! Откройте! Они меня убьют!.. – застучал кулаками в дверцы приемник лучших из лучших.

Судя по уровню страха, он прекрасно осознавал цену своего вклада в заварушку.

Створки дверей закрипели, и «сторож» прямо на ходу прыгнул в автобус.

– Улю-лю-ю! Эге-ге-гей!.. – засвистел и закричал лагерь, и «пазик» скрылся за поворотом.

– Вернутся, – безнадежно сказала Марина.

– Ну и пусть! – ответили ребята и ещё теснее окружили своего лидера.

– Тогда Савельев, Андросик-старший и Стернина, как и в начале смены, – на отряд Зайры, а Микельбанд и...

– Осокина! – лукаво подсказал Юра.

– Ну, пусть Осокина... на отряд Алмы! Остальные по своим местам. Справитесь?

– Ну, Марина Марсовна, расмешили! – удивились ребята и тут же разошлись в разные стороны.

Что ж Аполлон? Где он – всесторонне одарённый потенциальный победитель? Впрочем, как современные человечки считаются с природой читатель прекрасно знает на примере надвигающихся экологических ужасов. Так что... Да-да – Аполлон опять был недоволен. Передавая утром ультиматум ребятам адресатам, он использовал всё свое обаяние и красноречие, но лица ответственных не дрогнули. Даже наоборот: «черный гонец», как и в древнейшие времена, особой симпатии не вызывал. И здесь особенно рельефно выпятилось то, чего смертельно боялись ответственные – они боялись ответственности! И это какой-то заштатный лагерь! В масштабах же государственных... Да что там говорить! И никто никуда не хотел ехать и ничего разбирать, пока Аполлон не пошёл на крайность: через своего дядюшку он организовал несколько звонков из горкома, минпроса и даже ЦК партии.

Надо отдать должное преподлейшей структуре, не нами выдуманной, – она сработала чётко. Страх большей ответственности выбил страх меньшей, и, как мы уже знаем, лагерь посетили... И опять же только страх, и только он, сработал в пользу ребят и их руководителей. Аполлон же, поняв, что ничего больше сделать не в силах, не очень торопился возвращаться. Он сидел в своем кабинете и, обхватив голову руками, так же, как когда-то Наум Аркадьевич, раскачивал ей из стороны в сторону. Когда же приступ отчаяния пошел на убыль и, вместе со скрежетом зубным, вновь закипела кровь, Аполлон взмахнул рукой, встал, закрыл кабинет и вышел из ДК. В голове звучали давнишние юношеские рифмы:

Я смеюсь – мне смешно и больно!

Я привык жить свободно и вольно!

Мне того, что имею, – довольно!

Я бедняк, но пою я – сольно!

Решительно открыв дверь автошедевра и обнаружив в салоне Смирнова, “бедняк” не удивился, а лишь хмыкнул.

– Привет! – сказал «известный». – Открыто было! Караулю, чтоб не повредили чего! Ничего, что без спроса?

– Своим – можно, – ответил герой и вытащил из «бардачка» жалобу на рецензента. – Спасибо... Повеселились от души...

– Мелочь! – деланно небрежно бросил Ваня и, возмущённо сопя, объяснил свое неожиданное появление: – Прицепился тут ко мне один... Я, понимаешь ли, его макакой обозвал... Довёл, собака!.. Обезьяны!.. Папуасы!.. Жили-жили, ели червячков, кенгуру, баранов и не знали, что они папуасы... И вдруг узнали!.. И сразу же оскорбились!.. Ты знаешь, где-то я читал, что один мужик воспитал обезьяну... Обучил её английскому языку, научил вращаться в обществе, ухаживать за дамами. И всё бы хорошо, но временами обезьяна в обезьяне просыпалась. А он, для того чтобы усмирить её, потуже затягивал на её шее галстук. И один раз так затянул, что та взбесилась! Оказывается, надо было не затягивать, а наоборот... В морду мне присветил, сволочь... Ты им культуру, а они тебе в морду!

– Зато налицо торжество национальной политики! – рассеянно сказал Аполлон и вставил ключ зажигания.

– Подожди, не заводи! Я никуда не поеду! Я только ещё немного посижу... Ты сейчас куда?

– К детишкам. В пионерский лагерь.

– Во! Можешь им рассказать про это торжество. Недавно, после проверки успеваемости в школах, выяснилось, что приличный средний балл выводится только за счет детей неказахской национальности. Ну и, чтобы не ударить лицом в грязь, тут же резко стали завышать оценки казахам. И хилые вчерашние троечники сразу стали твёрдыми ударниками. А кое-кто и в отличники попал. В институтах – тоже!.. На производстве – тоже!.. В общем, торжество налицо!

– Ну, это дети не поймут... – ускользнул от прямой реакции Аполлон.

– Тогда они поймут вот это, – зло сказал Ваня и выдал:

Все ниже, и ниже, и ниже

Наш папа снимает трусы.

Сейчас вы, увидите, дети

Четыреста грамм колбасы!

– Да-а... – так же рассеянно и думая о чём-то своём, протянул Аполлон. – Недавно в филармонию приезжал дирижёр-англичанин. Сунулся в туалет, а там нет туалетной бумаги.

– Ну-ну! – обрадовался Ваня.

– Он в «Волгу» – и в свой номер по нужде...

– Культура! – цокнул языком поэт.

– А зимой швейцарский дирижёр гастролировал... Так тот сорок пять минут подирижирует, рубаху снимет – и духами себя! И туалетной водой!.. Все в оркестре одурели от запаха! А один скрипач, похоже, даже по фазе сдвинулся. Сморщил, как бурундук, нос, след в след за дирижёром ходит и мелко-мелко так нюхает, нюхает... Вот-вот в обморок упадёт!

– Культура! – ещё раз цокнул языком Ваня и обмяк. – Эх, сиганул бы я туда! Вот где бы нажрался!.. Прочесть моё новое... лирическое?

– Давай!

– Романс «Осенний гон»!

О как он яростен – осенний гон-н!

Под лето бабье – в пору листопада –

Я пожирал её глазами, как питон-н.

Она кокетливо крутила задом!

И припев:

Осенний гон-нн! Осенний гон-нн!

Как много дум-м наводит он-ннн!

– Мда-а...

– Подожди... Ещё второй куплет...

Железными пятёрками звеня,

Завел я в дом лукавую кокетку.

И вдруг она напала на меня,
Как с островов Гавайских людоедка!

И опять припев:

В её объятиях издал я тяжкий стон-нн!
Как много дум наводит он-нн!
Бом-мм! Бом-мм!

Можешь на музыку положить!

– Ну! Что ты! Тут Глинка нужен! Или Бородин!..

– Хороший ты парень! – проникновенно сказал Смирнов и вытащил из-за пазухи бутылку.
– Давай! Плодово-выгодное! «Слёзы Мичурина»! Всего четыре процента сахара.

– Я за рулём.

– Да-да... Ну, я сам... немножко... За Абрама!

– Моисеевича?

– Ну, а за кого же ещё? У вас один Абрам, и, похоже, он прав – все мы подлежим эмиграции. Не за кордон, так на тот свет! – и Ваня забулькал прямо из горла.

– Так вот... – сказал он после того, как насытился, – подхожу я к секретарше главного, а она мне:

– Смирнов, а у нас новый “главный”!

– Ерунда! – говорю, и только в кабинет, а та и просит:

– Прочтите что-нибудь из Фета!

– Пожалуйста! – говорю:

Я пришел к тебе с приветом –

Рассказать, что что-то встало!..

– Гы-гы-гы!.. – говорит.

– Молодая, а уже с достаточным чувством... Ну, я вламываюсь к “главному” и сразу с порога: «За строку рубль пятьдесят шесть!». Он: «Я не знаю... Я человек новый...». – «А я старый член!» – говорю я. – “И оплодотворять массы меньше, чем за рубль пятьдесят шесть, не буду!». Заплатил!..

– Ну, ещё бы!..

– Твой худрук, я слышал, книгу написал?

– Да... – неопределённо махнул рукой Аполлон.

– И про что? – сделав сильно равнодушный вид, ревниво стрельнул Ваня и впился глазами в Аполлона.

– Про патриота, который сидит в дерьме и радуется, что его в ещё большее дерьмо не посадили, – тоже нарочито безнадежно и небрежно ответил Аполлон.

– Вот непонятно... Конечно, понятия «родина» и «нация» существуют лишь для войны и штурмов... Кому как не мне это знать... – очень трезво начал Ваня и спохватился: – Ерунда! Не напечатают!

И всё шептала шёпотом: “А что потом? А что потом?..”

И всё шептала шёпотом: “Куда суешь? Ведь жопа там!”

– А может быть, что-то... – попробовал было Аполлон, но Ваня прервал его:

– Блажь! Чтобы напечатали что-то, надо писать то, что надо! А про такое... Никогда! Кое-какие способнишки у него есть, конечно... Прислушивался бы ко мне – я бы его поднатаскал...

– Ну, мне пора! – сказал Аполлон.

– Да... Мне тоже... – мрачно откликнулся Смирнов.

Он вышел из машины, достал бутылку и добулькал её до конца. По новой испорченное настроение постепенно заволакивалось винными парами, и вскоре опять слышались

знаменитые «Пф!», сопровождаемые механическими и поэтическими соловьиными пощёлками:

Я лежу в постели графом –

чуть не Львом Толстым!

С папироской рядом Марфа.

над постелью дым.

Синий дым от папиросы

тянется в окно.

Марфа с каверзным вопросом –

«Будем пить вино?».

“Нет! С похмелья пью я кофе.

приоткрой-ка грудь!”.

Я смотрю на Марфин профиль

ниже пупа чуть.

Марфа, полная соблазна,

смотрит на часы:

«Хоть поэт ты несуразный, –

я сняла трусы.»

Привалилась пышной грудью

к моему плечу:

«Ещё будешь иль не будешь?

Я ещё хочу!».

Грудь давят, словно гири.

Чувствую – конец!

Прошептал ей, что я лирик,

а не жеребец!..

ВО ИМЯ ЖИЗНИ!

(Размышления в дороге в тот же день)

Цель философии – изучение
и описание мыслей и создание идей, которые
позволили бы нам повысить качество жизни.

Философия с какой-либо другой целью –
тиранический догматизм.

Фил Лаут

Чудны дела твои, Господи! Капнешь в дерьмо – блестит!

Впрочем, сегодняшнее дерьмо – вчерашняя пища. А может быть, даже и завтрашняя. И тут шовинизмом пахнет, но уже от меня, – думал Аполлон, крутя баранку. – Ох, Смирнов, Смирнов! Со всех сторон провокатор! Да-а... Если здоровье в порядке, то самое большое несчастье – это общение, которое в тягость... Неужели и это шовинизм? Вот проклятье человечества! Из всех щелей так и лезет. Проклятье из проклятий, грех из грехов, и никто этого не замечает, так как с детства глаза им замылены. Что Смирнова винить, если сам не лучше? С рождения это заложено. В каждого! Я – это я, и уже поэтому я лучше и ценнее, чем ты! Но это же вечная война и разрушение! Да такого просто не может быть! Господи, если ты есть, то бытие, тобой созданное, только созидательно! Для меня, по крайней мере, это очевидно. Где же здесь созидание? Может быть, просто естественная трансформация для шовинизма не наступила вовремя и потому нет движения дальше? Поистине: «Будь же ты навек благословенно, что пришло процветать и умереть!». Что если шовинизм созидателен как стимул для формирования и осознания неповторимости своей личности в раннем детстве и так же созидателен как стимул для борьбы с ним же самим, когда личность уже сформировалась и созрела? Механика вселенной! Достоинство и благо на определённом этапе и недостаток и грех на другом. А войны – вынужденные для природы способы разрядки зашкалившего шовинизма. Ну если не можем мы по другому! Не хотим! Ну, недоделки мы какие-то! Заготовки!.. Обидно! Скотине может быть и всё равно, а мне, какому ни на есть человекоподобному, обидно. Я же – ЧЕЛО-ВЕК! Разум, рассчитанный, по крайней мере, на

сто лет! Господи, если ты всё таки есть, то я же по образу и подобию твоему создан! Плод твоего творчества, а значит, и какие-то твои функции! А кто это знает? Многие не знают даже, что обозначает слово «шовинизм». Вот приеду я сейчас к детям и скажу им: «Детки, не шибко ли достал он вас, проклятый?». А они мне: «Шухернизм? Достал! Ещё как достал!». – «Правильно, мои родные!» – скажу я им. – «Только шухернизм уже после шовинизма наступает. Появился Дурной Пиджак со своим классово и подклассово уголовно-политическим шовинизмом, а потом уже начался шухернизм. А сколько видов этого шовинизма? Знаете? Тьма! Это вырастающая из безобидного и милого трогательно задиристого розового червячка лирнейская гидра, детки! И если бы Иолай – сын Ификла, брата Геракла, не прижигал шеи, с которых Геракл сбивал головы, никогда бы ему не справиться. А помнят только Геракла. Поняли мысль? В этом мире и один в поле воин, так как с ним всегда много других. И в нём и вокруг, и в прошлом и в будущем. Поэтому он вроде бы и один, но воин, и ещё какой! Все мы друг у друга в долгу и друг другу в помощь. И не надо бояться и чураться этого – надо бояться быть неблагодарным. Что? Вы уже не шовинисты? Вы уже с рождения какие-то особенно зрелые? Да я только несколько примеров приведу, и никогда так больше не говорите!». Вот так скажу я деткам. Вот так!.. «Шовинизм, мои родные и любимые, есть и бывает у нас, недоразвитых:

1. РАСОВЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ. (Раз я такой нации, группы, расы, то уже лучше тебя!)

2. РЕЛИГИОЗНЫЙ. (Только моя религия и вера – истинная и точная! Остальные – пакость и отклонения с извращениями! И ты, естественно, тоже!)

3. КЛАССОВЫЙ. (Я утончённый потомственный дворянин и потомок того-то или того-то, и потому всегда и везде лучше какого-нибудь пусть четырежды потомственного, но грубого презренного пролетария или крестьянина, или я здоровый крестьянин или пролетарий и всегда и везде лучше вырождающегося и деградирующего дворянина.)

4. СИЛОВОЙ. (Я сильнее тебя, здоровее, руки-ноги есть, инвалидности нет, и уже поэтому ты недостойн говорить со мной на равных!)

5. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ. (У меня вон какие знания, цитаты, знакомые, маститые имена, мысли, плавность речи, дипломы, заслуги, признание, имидж, а у тебя только какой-то никем не оценённый собственный жизненный опыт! В общем, как в «Золотом телёнке»: «Кто ты такой?»)

6. ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ. (Я в столице живу, в центре, в раю, а ты – в деревне, в пустыне, в аду! Ты – ничтожество уже только поэтому!)

7. ПОЛОВОЙ. (Я уже только потому лучше тебя, что я – мужчина или женщина, и всё! Никаких возражений!)

8. ИМУЩЕСТВЕННЫЙ. (Я богатый – ты бедняк, а значит – ничтожество!)

9. НАЧАЛЬСТВЕННЫЙ. (Я начальник – ты дурак! Я хозяин – ты слуга, раб, холуй, дерьмо!)

10. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ. (Я человек, а ты – муравей, собака, дерево, трава, инопланетянин. Да что угодно, но уже хуже, потому что не человек!)

Господи, да не счесть форм проявления этого младенческого блага. И никто из вас не обойдён вниманием. И бороться вам с ним всю жизнь, и дай вам бог больше побед, чем поражений». Но может быть, всё-таки, в постоянной борьбе с шовинизмом в себе и благодаря этому и происходит переход в другое качество и в этом и есть главный смысл и назначение этого бытия? А? Может, специально для этого он во всех заложен и не убран, и для этого постоянно зашкаливает? А? Что вы скажете на это, люди? Так сказать, как один из главных соблазнов и испытаний? А? Интересное развитие мысли! И, главное, совершенно на поверхности! Не назовёте ли вы меня гением, а я шовинистически снисходительно и самодовольно улыбнусь вам? Или так же шовинистически отвергнете, унизив эпитетами «Невежда!», «Шизоид!», «Высочка!», «Нахал!» и тому подобное? Тут снова так и напрашивается Ильфовское и Петровское «Да кто ты такой?». Христос? Лев Толстой? А что если я скажу, что святые – это люди, которые просто-напросто напрочь избавились от шовинизма и всё-таки сохранили своё неповторимое “я”? И больше – ничего! Всё остальное – театр и маскарад! А? И что всё это происходит только в общении. Друг с другом, с природой – со всем! Не навязывая ничего своего и не отвергая твоё, а только предлагая. Нравится – не нравится, колетя – не колетя, воняет – не воняет, – не имеет значения! Раз мы созданы по образу и подобию Божьему, то и выполняем его главную функцию – творим! И высшая степень и смысл любого творчества – самосовершенствование! Что Лев Толстой прекрасно и понял. Не зря же любой вид деятельности, где мы не можем себя проявить творчески, нам в тягость. Бог творил и продолжает творить вселенную, Землю, биосферу, нас, себя, а мы – культуру. Неважно, через искусство, технику, среду или непосредственный контакт. И в итоге – главную! Не умаляющую значение других, а самую продуктивную. Не только – города, деньги, машины, электронику, унитазы, а – КУЛЬТУРУ ОБЩЕНИЯ. Где шовинизм – нонсенс!

Прав Фромм! Ей-богу, прав! Теряем мы даже те крохи культуры общения, которые с таким трудом и через столько крови нарабатываем! Может быть, поэтому нам и даётся всё время шанс избавиться хоть от какой-то частички цветущего, как раковая опухоль, шовинизма и, вернуть эти крохи. Опять стать хотя бы на капельку качественнее и потому ближе к Богу и его замыслам. И не похлопывая снисходительно по плечу стоящего ниже и не плюя в него и на него, а помогая стать рядом, и даже поднимая его выше себя. А?..

Каждая встреча со Смирновым, и не только с ним, но и с любой неоднозначной личностью, будоражила и располагала к размышлениям. Причём, оттолкнувшись от частного факта, мысль расправляла крылья и, опираясь на мощные потоки общечеловеческого опыта, парила и звала: «Потеря культуры общения – это симптом такого дефекта нашей культуры, который не только приносит ущерб, но и вообще может оказаться смертельным», – и сейчас как бы зазвучал голос мало известного советским гражданам философа и психоаналитика: «Я бы это объяснил следующим образом: в наше время каждый старается делать то, что несёт ему выгоду, – деньги, славу, продвижение по службе... И крайне редко делается то, что не имеет подобной цели... Но ведь самое прекрасное в жизни состоит в том, чтобы выразить себя не ради такой цели, а ради деятельности как таковой, ради творческого акта.

Возьмём любовь: она не имеет прямой цели. Хотя многие утверждают обратное, но на самом деле ни сексуальное удовлетворение, ни женитьба, ни производство потомства здесь

ни при чём. В какой-то степени это, конечно, можно назвать словом «цель». Но не это главное. К сожалению, сегодня очень редко встречается и сохраняется настоящая любовь, для которой самое важное – не ощущение собственности, а сам процесс любви, т. е. когда для любящего главное – БЫТЬ, а не потреблять, когда главное – самовыражение личности во всех её способностях. Но понимаемая таким образом «любовь» просто выпадает из нашей культуры, ориентированной на внешние цели, успех, производство и потребление. Она настолько чужда нашей культуре, что никто и не подозревает, что она вообще возможна.

И то же самое можно сказать о проблеме общения. Общение в нашей культуре – это либо товар, либо спор; а поскольку оно ещё происходит на глазах у других людей, то превращается в своего рода современный бой гладиаторов. Каждый нападает и стремится унижить другого. Или же люди общаются, чтобы доказать свою правоту и убедиться (и убедить других) в своей правоте. Они общаются, не желая узнать или придумать что-либо новое. Каждый имеет своё мнение и знает заранее, что скажет другой.

Настоящее общение – это не переубеждение и не спор, это, скорее, обмен. Причём совершенно не имеет значения, кто прав; и даже нет нужды, чтобы сказанное было безусловно выдающимся. Но вот что воистину важно – так это чтобы все сказанное было настоящим, подлинным.

Маленький пример. Два человека идут домой, оба коллеги, психоаналитики. И один говорит: «Я порядком устал». А второй отвечает: «И я тоже». Это звучит почти банально, но на самом деле это совсем не банальность. Потому что если двое делают одно и то же дело, то оба знают, какова эта усталость, и делают друг другу честное сообщение: «Мы оба устали и знаем друг о друге, как мы устали». И в этом обмене фразами гораздо больше общения, чем в дискуссии двух интеллектуалов, обсуждающих новейшие научные теории: каждый произносит свой монолог, но другого этот монолог не волнует. Искусство общения или радость общения (в смысле сопричастности и открытия себя другому) проявляется иногда в словах, а иногда и в прикосновениях, движениях (танце, например). Но для нас такое состояние станет возможным лишь при условии серьёзных перемен в нашей культуре: когда будет преодолен односторонний образ жизни, ориентированный на потребление. Нам нужно такое мироощущение, при котором единственной достойной целью человека и общества станет всё большее самовыражение человека в ходе его жизни. Другими словами, речь идет о переходе на позиции “БЫТЬ” вместо «иметь».

“Казалось бы, сегодня у людей гораздо больше, чем прежде, свободного времени, а, следовательно, и поводов для общения, но внешние обстоятельства как бы обратно пропорциональны внутренней предрасположенности современных людей”, – поддержал оратора другой голос. – “Кроме того, такому общению, о котором вы говорите, мешает целая масса посредников: приборы, аппараты и т. д. Складывается впечатление, что целая система создана для того, чтобы препятствовать тому «разговору», о котором мы здесь вспомнили.

Мне даже кажется, что очень многие люди (если не большинство) боятся остаться наедине друг с другом без программы, технических средств, без темы и регламента», – согласился философ. – «Они чувствуют себя совершенно потерянными и не находят слов. Я не знаю, как обстоит дело в Германии, а в Америке, например, принято приглашать в гости не менее двух пар, ибо хозяева просто боятся, что если придёт один человек или одна пара, то будет смертельная скука. А когда собираются шесть человек, то общения не получается, но

можно избежать полного провала: всегда найдётся кто-то, кто скажет пару слов. Получается своего рода игра в четыре руки, музыка не умолкает. Но, повторяю, при этом общения не происходит. По-моему, сегодня многие считают, что развлечение, которое не стоит денег, не может принести большого удовлетворения. Пропаганда и реклама приучили нас верить, что всё счастье человек получает от приобретения вещей. Но почти никому не приходит в голову, что человек может быть очень счастлив, не имея всех этих вещей. Этим современность отличается от прошлого. Пятьдесят лет назад люди покупали мало вещей для своего удовольствия, тем более в кругу средних буржуа. Не было ни радио, ни телевидения, ни автомобиля – и всё же было общение. Разумеется, не всякий разговор есть общение, это может быть просто болтовня. Общение требует определённой собранности. Но если человек внутренне скован и замкнут, то это тоже плохо: трудно ждать от него оживлённой беседы. Есть много людей, которые могли бы гораздо активнее общаться, если бы не боялись остаться без мнимых «костылей»: планов, конспектов, программ и т. д.».

– Смирнов не скован, не замкнут, с чувством юмора, и беседа с ним протекает весьма и весьма оживлённо, а всё равно мерзко! – вклинились собственные мысли. – Да-а... Он-то не скован, а других сковывает – вот в чём дело. Такое ощущение, что всё, о чем бы ты с ним ни говорил, становится компроматом против тебя. Доносом, что ли... А! Плюнуть надо, как и раньше, и улыбнуться. Слава богу, не в одной камере сидим!

«Смысл жизни состоит в том, чтобы вновь и вновь переживать своё рождение, а не становиться жертвой столь распространённой трагедии нашего века, когда человек умирает, не успев начать жить».

И эта формулировка Эриха Фромма нравилась Аполлону. Мало того, многое из выводов великого мыслителя двадцатого столетия совпадало с интуитивными догадками героя. Даже мысль о фальсификации и искажении Маркса социал-демократией импонировала ему. Стремление к такому состоянию духа, при котором главным для человека становилось преодоление своего нарциссизма, эгоизма, закрытости, когда человек открывался для других людей, когда он полностью растрчивал себя для того, чтобы снова наполниться до краев и ощутить свою цельность, делало честь безвинно посмертно замороженному и покрытому проклятиями гению.

– «Действительно, мало кому удалось интерпретировать его без искажений либо правого, либо левого толка. Все использовали Маркса, да и не только его, для доказательства собственных взглядов,» – продолжал мысленно соглашаться с Фроммом герой. – «Мы вынимаем какую-нибудь страницу и находим там суждение об отдельном, и за ним не видим целого и не знаем главного...».

В тех случаях, когда что-то потрясло Аполлона, память становилась феноменально-фотографической:

– «Решающим событием, повлиявшим на моё становление, была первая мировая война», – продолжал звучать голос мудреца. – «Мне было четырнадцать лет, когда разразилась война. В тот момент я мало что мог понять, я просто видел этот кошмар, эту бесчеловечную жизнь длиною в четыре года. Спустя много лет я начал серьёзно изучать эти проблемы. Но уже тогда у меня возник вопрос, который преследует меня по сей день (или я преследую его): к а к э т о в о з м о ж н о, чтобы миллионы людей убивали друг друга ради явно

иррациональных целей или «из политических соображений», от которых каждый человек настолько далёк, что сознательно никогда не стал бы жертвовать собой? Как возможна война с политической и с психологической точек зрения? Какие мотивы движут человеком? Этот вопрос стал для меня самым жгучим, возможно, даже центральным вопросом моей жизни. Второй очень мощный импульс я получил несколько позже от Маркса. Меня привлекла прежде всего его философия и его видение социализма. В секуляризованной форме это было выражение идей полной гуманизации человека, становления и развития такого типа человека, для которого целью существования является не обладание (мёртвое накопление), а живое Бытие, понимаемое как самореализация личности. Если сравнить философию Гёте и Маркса, то обнаруживается удивительно много общего. Маркс идёт в русле гуманистических традиций и даже, как мне кажется, продолжает традицию пророков...».

Знакомство с работами Эриха Фромма было неслучайным. Перерыв горы философской литературы и не найдя того, что искал, Аполлон наконец-то встретился с единомышленником. Ясность, простота и минимум специфических терминов, от которых хотелось сразу же пойти и лечь спать, поразили его. Но поистине тотальное потрясение испытал он от определений Фроммом категорий «некрофилия» и «биофилия». Это было родное. Своё! Точка в точку. Боже мой! Нервная дрожь и сейчас пронзала героя, когда он в который раз мысленно и неторопливо начал прокручивать ту часть стенограммы радиобеседы редактора и издателя Шульца с Фроммом, где говорилось о них. Последовательное прокручивание началось с беседы о Гитлере:

ФРОММ. Мое собственное исследование отличается как от немецких, так и от американских вариантов. Я ещё в тысяча девятьсот сорок первом году сделал краткий анализ Гитлера, не углубляясь в детали его детства. Нынешняя попытка опирается на последние материалы истории и, конечно, даёт значительно более полную картину. В “Бегстве от свободы” я рассматривал Гитлера как тип садомазохиста. Я понимаю под некрофилией некое состояние «привязанности» ко всему мертвому. Это проявляется в наклонности к разрушению живых связей, к расчленению и т. д. Сюда же относятся все ситуации, когда мы обнаруживаем особую тягу к машинам и механизмам.

Итак, некрофилией называется любовь к мёртвому. Некро – это синоним трупа; но некрофилия – это не любовь к смерти, а любовь к мёртвому, к тому, что не является живым. Противоположностью некрофилии является любовь ко всему живому, растущему, сложному, цельному, единому и неделимому.

Вернёмся к теме Гитлера. Если говорить честно, то вряд ли можно считать экстраординарным преступлением Гитлера тот факт, что он начал войну, в результате которой погибли миллионы людей. Ведь на протяжении последних шести тысяч лет многие государственные деятели и полководцы совершали подобные акции, чаще всего оправдывая себя долгом, служением интересам отечества и т. д. Гитлера отличает то, что он уничтожал людей беспомощных. И потому самый главный пункт моего анализа этого характера состоит в том, чтобы показать, что носитель его в глубине души просто ненавидел всё живое.

Когда говорят, что Гитлер ненавидел евреев, – это, конечно, правда, но это и неправда в то же время: он ненавидел не только евреев, но и немцев. Ведь когда он проиграл войну, он хотел, чтобы вся Германия рухнула вместе с его амбициями. Он ещё в тысяча девятьсот

сорок втором году высказал эту мысль: если война будет проиграна, то немецкий народ не заслуживает того, чтобы остаться в живых. Гитлер – это крайний случай некрофилического типа личности, характер которого не разглядели его поклонники, загипнотизированные его многообещающим «Хайль!».

У Гитлера в лице была одна чёрточка, которая встречается у большинства некрофилов: это своего рода гримаса человека, принимающего к какому-то дурному запаху. В этом проявляется то, что для этих людей всё живое – это дерьмо по сравнению с мертвечиной, и они развивают в себе весьма архаичную форму постижения окружающего мира – обоняние, обнюхивание. У некрофилов лицо обычно неподвижно, маловыразительно, словно он замёрз и ни на что не реагирует. У биофила лицо подвижное, оно прямо светится, когда встречает какое-либо живое существо.

Можно ещё иначе описать эту разницу. Некрофилическая личность всегда скучает; биофилу никогда не бывает скучно. И дело не в предмете обсуждения, а в «коэффициенте» жизнелюбия.

Наблюдения показывают, что самый высокий интеллект некрофила, самые его слова не способны породить ничего, кроме скуки. В то время как значительно менее блестящий человек, высказывающий почти банальные суждения, находит взволнованный отклик у окружающих, если его устами говорит жизнь. Жизнь всегда привлекательна. Жизнерадостный человек притягивает к себе как магнит.

В этом легко убедиться на простом примере. Когда влюблённые на стадии ухаживания хотят понравиться друг другу, они действительно выглядят гораздо оживлённее, чем обычно. Несчастье состоит в том, что радость жизни частично исчезает с их лиц, когда цель достигнута, когда партнёры становятся «обладателями» друг друга, каждый из них вдруг видит существенные перемены в своей половине, и через некоторое время любовь исчезает. Многие даже не понимают, как можно было влюбиться в такого (или такую). И это понятно. Ибо они видят перед собой совсем иное лицо: некрасивое, утратившее оживлённость и свет той прекрасной поры в самом начале романа.

Лицо некрофила никогда не бывает красивым, ибо в нём нет ни грамма жизни. Это видно и на портретах Гитлера. Он вообще не умел свободно и оживлённо смеяться. Мне рассказывал Шнеер, какая дикая тоска была неизменным спутником всех его званых обедов. Он говорил и говорил, не замечая, что все вокруг умирают от скуки. Да и самому-то ему было так скучно, что он нередко засыпал на полуслове. Это типично некрофиловское проявление.

Категории «некрофилия» и «биофилия» оформились в результате обобщения моего клинического опыта и, разумеется, под влиянием фрейдовского противопоставления инстинктов жизни и смерти. Я поначалу не принимал фрейдовский «инстинкт смерти» и много лет вместе с остальными психоаналитиками отрицал «танатос». Мне он казался чисто спекулятивной конструкцией, лишённой эмпирических оснований. Но позже я в своей лечебной практике убедился, что, несмотря на некоторые концептуальные просчеты и неточности, Фрейд обнаружил нечто чрезвычайно важное: в человеке действительно соседствуют две первородные силы – тяга к живому и тяга к мёртвому (к разрушительности). Фрейд нашёл для этого очень красивые формулы. Он сказал: «Эрос несёт

тенденцию к интеграции, объединению, слиянию в единое целое, в то время как Танатос имеет целью дезинтеграцию, разъединение» (я называю это словом «расчленение»).

Категории «некрофилия» и «биофилия» отличаются от фрейдовских инстинктов по двум основным пунктам. Во-первых, по Фрейду, обе силы существуют параллельно: и страсть к разрушению и радость жизни одинаково присущи человеку. Я так не думаю. Мне кажется, что уже по биологическим причинам это не так. Даже с точки зрения выживания бессмысленно, чтобы саморазрушению отводилась в организме такая важная роль, как и самосохранению и продолжению рода (если, конечно, мы исходим из того, что сохранение жизни есть действительно высший биологический принцип бытия). И ещё есть одна причина моего несогласия с Фрейдом по этому вопросу. Можно доказать, что разрушительные тенденции (то есть склонность к тому, что смертоносно) проявляются в результате разлада с жизнью, на фоне неправильной жизни, как следствие утраты искуства жить.

Можно подтвердить эту мысль многочисленными примерами, когда человек, лишённый возможности свободного развития, зажатый в узкие рамки общества, класса или группы, живущей по устоявшимся механическим схемам, сам утрачивает и уникальность и творческую активность. Мелкие буржуа, которые составили ядро гитлеровских сторонников, – это были люди, зажатые экономическими и социальными условиями жизни и утратившие иллюзии перед лицом конкуренции и нарастающей экономической мощи современного капитализма.

Связь между разрушенным жизнелюбием и некрофилией можно показать и на примере отдельного человека. Нередко встречаются люди, которых с детства в семье окружала такая «мертвящая» атмосфера, при которой они не чувствовали ни малейшего тепла: когда вся жизнь ориентирована на «обладание», всё «забюрократизировано», кругом порядок, регулярность, никакой спонтанности, вся кое живое отклонение от правил оценивается родителями как дурное поведение.

Но ведь в ребёнке от природы заложены активные черты, и, прежде всего тенденция к жизни и росту. Последние нейропсихологические исследования показали, что ребёнок, живущий в условиях вышеописанной регламентации, постепенно утрачивает жизнелюбие и переходит на другой путь, где большая роль отводится неживой компоненте бытия. И, в конечном счете, можно утверждать: кто в своей собственной жизни не имеет радости, тот хочет за это отомстить и предпочитает выступить разрушителем жизни вообще, чем почувствовать, что он не в состоянии наполнить её каким-то смыслом. И хотя с психологической точки зрения он жив, но душа его мертва. И здесь берёт своё начало активная жажда разрушения и готовность лучше уничтожить всех (и себя в том числе), нежели признать, что ты не использовал данную от рождения возможность прожить настоящую жизнь. Это ведь очень горькое чувство, и нетрудно предположить и доказать, что желание разрушать становится почти неизбежной реакцией на это эмоциональное состояние.

ШУЛЬЦ. Не кажется ли вам, что в наши дни наблюдается явная тенденция к росту некрофилии как явления?

ФРОММ. Боюсь, что это именно так. Я думаю, что этот рост обусловлен перепроизводством механизмов всякого рода. Мы бежим от жизни. Это очень трудно объяснить кратко, почему в кибернетическом обществе механическое вытесняет живое, а

вещи заменяют людей. В наше время в человеке всё больше растёт неуверенность в отношении собственного бытия.

ШУЛЬЦ. Господин Фромм, вы наверняка задумывались над тем, какие обстоятельства способствуют, а какие препятствуют полному развёртыванию жизни. Из вашей концепции биофилии напрашиваются определённые выводы. Поскольку вы человек политический и при этом совершенно независимый, вам, может быть, легче оценить позиции любой партии. Вы обычно понимаете, что политика в целом не совпадает с партийной политикой. Хотелось бы услышать ваше мнение по этому вопросу.

ФРОММ. С удовольствием готов порассуждать относительно этой важной проблемы. В годы юности, когда люди обычно вступают в какую-либо политическую партию, я никогда этого не делал. В более чем зрелые годы я некоторое время был членом американской Социалистической партии, пока не увидел, что её развитие так сильно склоняется вправо, что при всём моём оптимизме я не мог больше оставаться в её рядах. Я чувствую экстраординарный интерес к политике. Но я не могу и не хочу зависеть от иллюзий ни в одной сфере жизни, в том числе и в политике. Ложь делает человека зависимым, заставляет держаться за какую-либо партию – и только истина, в конечном счёте, ведёт к полному освобождению. Но есть очень много людей, которые боятся свободы и предпочитают сохранять иллюзии.

Раньше в прогрессивных партиях всегда ценили людей с самостоятельными суждениями, впрочем, такие партии в наше время вряд ли сохранились. Но на деле существует острая политическая потребность в таких людях, которые, будучи специалистами своего дела и интересуясь политикой, могли бы свободно высказывать то, что они знают и думают. Нельзя разделять личное и общественное, знания о себе нельзя отрывать от знаний об обществе. Это одно целое. Именно в этом пункте, по-моему, коренится заблуждение Фрейда и многих других аналитиков, которые считают, что можно до конца понять себя, закрыв глаза на процессы, происходящие в обществе. Это невозможно хотя бы потому, что правда – неделима. Невозможно видеть в одной точке реальность, если весь остальной мир от тебя закрыт. Это делает поиск истины малоэффективным. И самого себя можно увидеть в истинном свете только, когда в таком же свете видишь и других людей, когда видишь и понимаешь общественную обусловленность их жизни, то есть если ты способен критически оценить то, что происходит в мире.

И это также одна из заповедей любви. Когда ты любишь другого человека, ты не можешь ограничить свою жизнь и свою любовь рамками узколичных проблем. Чтобы не впасть в заблуждение, ты становишься «политическим» человеком. То есть ты соответственно своему темпераменту, профессии и способностям проявляешь не просто интерес, а, я бы сказал, страсть во всех делах – и личных и общественных.

И ещё хочу кое-что к этому добавить. Для интеллигента есть только одна задача, которую он решает, во-первых, во-вторых и в-третьих. Эта задача состоит в том, чтобы любыми способами искать правду, находить правду и говорить правду. Составление политических программ не является исконной функцией интеллигенции (это не отменяет всего, что я сказал раньше). Но есть одна специфическая функция бескомпромиссного следования истине, невзирая на личные, групповые или иные интересы. А когда интеллектуалы становятся на службу какой-то партии, на достижение политических целей

(какими благими они ни казались), то функции обнаружения и выражения всей правды ограничиваются. И в этот момент не только совершается грех (людей отрывают от их предназначения), но, в конечном счете, этим наносится ущерб решению важнейшей политической задачи интеллигенции. Ибо я всё же считаю, что политический прогресс зависит от того, насколько много правды мы знаем, как ясно и смело умеем её высказать и какую её часть внушить людям...».

Аполлон вздохнул и, поворачивая с талгарской трассы в сторону «Олимпийца», сначала толчками, а потом как стон, отчаянно выщедил сквозь сжатые зубы:

– По капле... выдавливать!.. Шовиниста, раба и некрофила... Из себя!.. Из себя!!! До самой смерти!

И даже после неё!!! Господи, до чего ж очевиден и рельефен твой перст, и как умудряются некоторые не видеть его и пользы и выгоды той жизни, на которую он указывает?

Мотор на подъёме чихнул и заглох. Как раз на месте недавней встречи с «джипом».

– Судьба! – подумал герой. – Э-эх! Разомну косточки!..

Аполлон вышел из машины и прошёлся метров пять на руках. Кровь прилила к голове, и мир окончательно встал на положенное ему место.

– Виват биофилу Фромму и всем святым, которые и есть настоящие ЧЕЛОВЕКИ! – уже вслух воскликнул герой и, как бы слившись на мгновение с лучшим из лучших и талантливейшим из талантливых, добавил: – Вот какой я интересный! Умный! Необыкновенный! Общайтесь со мной! Восхищайтесь! Берите себе самое лучшее! Радуйтесь, а не завидуйте! Будьте такими же и ещё лучше! Чтобы и я радовался, общаясь с вами!

Я в комфортабельной карете, на эллиптических рессорах

Люблю заехать в златополдень на чашку чая в жено-клуб,

Где вкусно сплетничают дамы о светских дрязгах и о ссорах,

Где глупый вправе слыть не глупым, но умный непременно глуп.

О, фешенебельные темы! От вас тоска моя развеется!

Трепещут губки иронично, как земляничное желе...

– Индейцы точно ананасы, и ананасы – как индейцы... –

Острит креолка, вспоминая о экзотической земле.

Градоначальница зевает, облокотясь на пианино,
И смотрит в окна, где истомно бредёт хмелеющий Июль.
Вкруг золотеет паутина, как символ ленных пленов сплина,
И я, сравнив себя со всеми, люблю клуб дам не потому ль?..

ОПЫТЫ

(день тот же)

Марина оказалась права. Где-то часа через два после отъезда всей камарильи возвратилась одна из «Волг» с заврайоно и несколько вызывающе эффектной дамой с филологической фамилией Словарь. Райком, но теперь уже не комсомола, а самой что ни на есть коммунистической партии, оставлял её вместо Дурного пиджака и его окружения.

Однако, как только «Волга» отчалила, дама всех успокоила:

– Я только так... для виду! Что, мол, вы не без надзора остались! Вы мне не мешаете – я вам! – сказала она и, взяв одеяло, полезла на гору загорать.

Словарь оказалась толковой. А вернее, весь этот детский лепет ей был до фонаря. Она в своё молодое время в таких партийных передрягах и оргиях участвовала, что сейчас желала лишь забыться и заснуть. Это и подтвердил Аполлон, полезший вслед за новым начальником и уточнивший до деталей ситуацию. Он приехал несколько раньше и, ещё совсем недавно буквально облепленный возбуждённо кричащими ребятами, затыкал указательным пальцем то одно ухо, то другое.

– Мы преклоняемся перед вами! – кричала белокурая девушка.

– Очень плохо! – неожиданно жёстко сказал Аполлон, и ребята недоумённо притихли. – Никогда ни перед кем и ни перед чем не преклоняйтесь! Даже если это бог Саваоф, Аллах, Будда, Христос и всё царствие небесное со всеми своими обитателями и вчерашними и сегодняшними земными пророками и святыми. Всякое преклонение унижительно! Это тормоз! Можно уважать, любить, но ни в коем случае не преклоняться. Согласны?

– Согласны! – радостно завопили все. – Мы вас очень, очень уважаем!..

– Как и я вас. Ну, полная взаимность и гармония! Хорошая совместная работа – ох, простите, я хотел сказать хороший совместный труд – приятные воспоминания! А с этой системой тотального взаимоунижения и давилни пора кончать. Один её микрокусочек сегодня сдох. Смерть идиотизму!

– Сме-ерть! – радостно и совсем не страшно ахнуло по лагерю.

– Ну, вот и всё, – сказал Аполлон, когда все точки над «и» были поставлены и на горе, недалеко от очень привлекательно загорающего «толкового Словаря», остались лишь он, Федя и Серёжа. – Устал я...

– Ничего, что грудь впалая, – зато спина колесом! – отозвался Серёжа и вытащил из-под одеял банку сока манго. – Будете?

– Будем! – ответили друзья, и Серёжа начал продырявливать жестянку.

– Разрешите войти? – раздалось со стороны тропинки, и в кадре появился Микес.

– Входи. Соку хочешь? – предложил Серёжа.

– Спасибо, – сказал Юра и отрицательно покачал головой.

– Зря отказываешься, – заметил Федя и достал четыре стакана. – Сегодня у Серёжи праздник – у него есть собственность! А это существенная предпосылка для немалой части свободы.

– Правильно! – подтвердил Серёжа. – Свобода начинается не с болтологии, а с экономической независимости. Смотри, как я независим: целый арсенал!

– Слишком приторный... – буркнул Юра и так посмотрел на гору банок, что сразу стало понятно, что это не очень большая беда.

– Так мы же его минералочкой разбавим! – радостно успокоил Юру Аполлон и выкатил тоже откуда-то из недр наваленных в кучу одеял три бутылки «Сары-Агачской». – За вашу победу!

– И за вашу тоже! – добавил Юра и взял стакан.

– Нет, братец, мы тут постольку-поскольку. А победили вы! Да и с таким бойцом, как штабист Калининского района, нельзя было не победить!

– Да ну... чё смущаете... Я там тоже постольку-поскольку. Там такие ребята... И потом, я и здесь-то не очень... Вот разве что профессиональным осведомителем чуть было не заделался... А вообще, вот все говорят: Калининский, Калининский! А чё Калининский? Там у них, знаете, в штабе как?

– А как? Ну-ка, ну-ка!.. Интересно... – сразу же загорелся Федя.

– Когда я понял, что такое районный пионерский штаб, а потом и комсомольский, я за голову взялся: «Бли-ин, куда я попал?» – начал Микес. – Такая хитрая организация – вы себе не представляете! Вот на вид комсомольцы, пионеры... всё такое... Вроде, просто тебя берут... вроде, хороший мальчик там... утю-тю-тю! А выйди, попробуй! Особенно, если тебя

посвятят в штабисты. Я пробовал, поверьте! Позору не оберёшься! Горono, районо... Вплоть до исключения из комсомола.

– Как же это они умудряются? – удивился Федя. – Дело-то, вроде, добровольное?

– О-о! Это – шесть секунд! Вначале добровольное, а потом подневольное! Там такая организация подпольная! Если вам рассказать до ниточки, чем там занимаются и как обрабатывают каждого...

– Ну-ну, рассказывай! Время есть! – сказал Аполлон и поудобнее устроился на одеялах.

– Всем заправляет Светлана Евгеньевна. Она по профессии литератор. Умная такая, тонкая женщина. Талантливая. Она когда из школы уходила в Дом пионеров, так дети аж плакали... Вот что есть, то есть – дал бог человеку! Отбирает она пять или шесть человек, начинает при них курить, планы свои раскрывает, тайны... Ну, кто в Москву поедет, кто в будущем в совете штаба будет... Стихи читает, истории разные рассказывает... то да сё... Ну, чистая атаманша! И через некоторое время те уже полностью свои люди. Тогда она им уже говорит... Ну, кому-нибудь: «Слушай, такой-то и такой-то – хороший парень, умный, но ещё какой-то не такой... Не штабист! Пойди, отведи его в сторону и поговори с ним. Сделай его своим человеком!». Ну, так же как наркоманы проверяют: пацан – не пацан! Там: «Сними джинсы с того пацана и отдай их мне!». Как отдал, так всё – друг! Ну, вот я, например, иду и делаю его своим человеком...

– Наркомана? – хихикнул Серёжа.

– Да нет! Слушай, говорю, друг, знаешь штаб?

Это такое... Ты не представляешь, что мы там делаем!.. О делах рассказываю, человек загорается, я его привожу в компанию, и его быстренько посвящают в штабисты.

– Пока не остыл, – опять усмехнулся Серёжа.

– Да, пока не остыл, – согласился Юра. – А потом уже всё! Время пролетело, годы прошли – всё! Уже свой человек! Посвящённый! И просто так не уйдёшь. С таким позором...

– А зачем уходить? Почему уходить должен? Перегружают? – спросил и неожиданно сам же ответил Аполлон.

– Ой, ужас! – воскликнул Микес. – Это ужас, что делается там! Я так уже на пределе там был. Не успеешь от одного мероприятия отдышаться, а уже второе валят... Потом третье, четвертое... Как выжатый лимон!

– Что ж вы там такое глобальное запузываете? – недоверчиво буркнул Федя.

– А какая разница, какой масштаб применения. Главное, что выжимаешься на всю катушку. На всяких сборах выступаем... Дни рождения у педагогов, у медиков каких-нибудь... Дни именинника для каждого члена клуба «Радуга»... И всё творчески и на полном выдохе готовим. Каждый день вот так приходишь, она рассказывает нас по группам – и пошло

выматывание... Ужас! Уже ничего не идёт в голову... Сердце барахлит... У нас обычное дело – сердечные припадки от перегрузок. Но попробуй уйди... И все штабисты знают, что уйти – это ой-ё-ёй! Насилие, но изощрённое! Вот Туляков ушёл из штаба. Казалось бы, вот просто нате – и ушёл. Не-ет! Сначала его на совет штаба пригласили. Почему он уходит, выясняли. Потом собрали полностью штаб. Это уже человеку как-то, знаете... Он уже перед всем штабом отчитывается. Ну, как скажешь, что изматываешься? Ах, скажут, трудностей забоялся? И поэтому тут человек начинает врать. А ему: «А где ты это видел?». То да сё... Ну он и сыпется... И в самом что ни на есть неприглядном виде предстаёт. И потом с ним в школе ни один штабист не разговаривает, потому что он уже считается дезертиром. Всё – дезертир! Бойкот! Всё! Ты – чужой!..

– А сама ваша руководительница? Как она такие перегрузки выдерживает?

– Не знаю, – пожал плечами Юра. – Вообще – это ужас! Она ночами не спит, больше всех пашет и знает, что это слишком уж, но менять почему-то ничего не хочет. Я пытаюсь понять почему, но не могу. Может, потому что муж ушёл, а энергии прорва... Да и какая семья это выдержит – целые сутки жена на работе... Но вообще-то мощно работает. Мощно! В каждой школе есть её штабисты и одна или две пионервожатые, которые ещё вчера были штабистами. Все они теперь «Советом друзей» называются. Вот она их собирает и говорит: «Нужны ребята в штаб. Хорошие. Умные». Ну, какие надо! Пионервожатые ищут, приводят – и всё. Раз-раз – механика элементарно делается. Она девочек-штабисток к новым мальчикам, мальчиков-штабистов – к новым девочкам, и человек за день обрабатывается и штабистом становится. Смеётся, пляшет, танцует в кругу – свой парень! А раз его завлекли, ему понравилось, его посвятили, то раз-раз! – посвящают в штабисты. А посвященный клятву даёт перед всеми, и уж если уходит решил – стыдно. Уже на нём и значок висит... А если она хочет избавиться от кого-то, то даёт ему невыполнимые задания, и всё происходит само собой. Но это бывает редко. Раз-два – и обчёлся. Потому что, в основном, отобранные приходят. Вот как-то зашли дикие: Штырьков Руслан и Дёма. Дёма – тот сразу унюхал, чем это пахнет. Тот наркоша! Тот – не-ет, не пойдёт! «Комсюки – это всё!». Ушёл сразу. А Руслик уши развесил... И Светлана Евгеньевна его сразу в комнату – и пошла потрошить! Он: «О, люблю стихи там... такие... знаете... в которых можно помечтать... Для себя читаю!». Ну, она ему – книги, стихи... На выступлениях даёт читать... Тот захлёбывается. Ему нравится это! Тогда она ему для закрепления Ижогину подбрасывает. Ижогина завораживает – и всё! Он влюбляется в Ижогину срочно. Всё! Свой человек! И всё вроде шло мазя, как вдруг Ижогина не выдержала и от ворот поворот дала. Патриотизм – патриотизмом, а жизнь – жизнью! Он даже растерялся сначала, но всё-таки умный парень попался – не лопух. Он думать начал! Его надо было ещё сильнее закрутить, тогда бы он, может быть, до конца свой человек был. А потом уже Ижогину давать. Ижогина – это уже как на растерзание. Ижогина уже на последней стадии должна идти. Но если уже и Ижогина не срабатывает, то Евгеньевна Песнёву обычно даёт... На этот раз она почему-то проворонила. А Песнёва – что-то сверхъестественное! Ну, полностью соответствует своей фамилии! Песнями всякими обрабатывает. Да так проникновенно поёт, что человек ничего не поймёт, что с ним делают. Голова кругом! Ну, чистая сирена!.. А тут какое-нибудь районное дело, а это значит – ответственность. Песнёва внушает это и, чтобы усилить эффект, обрабатываемого, как я уже говорил, садят в девчачью группу и делают так, чтобы он работал. Мыслил! И ему нравится это. А как же! Всё, что тебе нравится, – пожалуйста! Поэзия... любовь... В общем, обрабатываемый ходуном ходит... и голова кругом. Ходуном! Ну, ничего не поймёт! Ну, свой человек! Самый ярый там!.. На него возлагают... всю ответственность. Он такими

глазами доверчивыми смотрит: «Нигде меня не считали таким человеком умным! В школе вообще – двоечник и двоечник! А тут на тебе – человек! Личность! Выявилась!». Ну, это же и с Русликом произошло. И на тебе – Ижогина не сработала. И всё полетело. «Надоел ты мне!» – сказала Ижогина, и всё. Руслик смекнул, смекнул и – к Диме. А тот ему: «Ну, видишь? Баба – это самое последнее дело. Уходить тебе надо!». И Руслик стал уходить...

Юра замолчал.

– Ну-ну! Что остановился? Давай дальше! Интересно! – вывел Юру из задумчивости Аполлон.

– Да... – опять заговорил тот. – Руслик умным мужиком оказался. Как он уходил умно! Не то, что остальные – раз, и больше не приходят. И их вышибают потом с позором... А у Руслика срочно сотрясение мозга сделалось. Сначала днями стал пропускать, потом неделями, потом месяцами... Евгеньевна сама говорит, что выводить его из штаба надо, а ей-то неохота. Вроде бы уже пацана обработали. Уже завлёкся полностью. Уже свой. Столько труда! Какой бы ни был, а это труд. И через меня ему на совесть давить начали: «Что ты? Мы тебе всё дали. Ты выступал уже. Тебя за своего уже приняли... Ты уже...». Ну и так далее... А он как замашет на меня руками: «Что ты, что ты?! Я наркоман! Стал курить! Всё!..». Хорошо вышел из штаба! И он так рад, что его не успели посвятить в действительные штабисты, – вы себе не представляете! А я не ушёл... Не получилось...

– Жалеешь? – спросил Серёжа и протянул стаканы и ещё две банки с соком трём парням и девушке, подсевшим к компании.

– Чёрт его знает!.. Тогда сильно жалел, а сейчас вроде перерос, наверное... Сил, что ли, больше стало... Я и гири жать начал, и турник... Вообще-то все, кто до конца в штабе, – ребята ой-ё-ёй. Но идиллии нет.

– В школе-то, чай, вообще зевотой рот раздирает? – уже веселее сказал Аполлон.

– Это уж точно! – тут же откликнулся один из парней. – Школа – это крах!

– Да-да! Это верно! – сразу же подхватил Микес. – Я в этом году пробовал там хоть что-то закрутить... Думал оставить след!

– Как же так? – возмутилась девушка. – Как же это мы об этом ещё ничего не слышали? А ну, Микес, давай, рассказывай! Вы знаете, – обратилась она уже к взрослым, – из него так и сыпется. Мы его просто раскрыв рот всегда слушаем. Наверное, писателем будет. Вот погордимся-то, что рядом сидели!

– Прекращай! – смутился Юра и зарумянился.

– Давай-давай, Юрыч, не стесняйся, когда тебя объективно оценивают, да ещё и в твою пользу! Не ты, так я зафиксирую при случае... – подмигнул Федя.

– Хы! – усмехнулся Юра, видимо, вспомнив что-то весёлое, и локомотив бытописания тронулся. – Решил я создать в школе клуб по интересам. И первая у меня цель или мысль

была такая – светлый след! Почему другие могут, а мне нельзя, а? И я решил сделать то, что никогда не делали... Но, оказывается, всё когда-то уже все делали. Это я потом убедился, попозже...

– Ха-ха-ха!.. – захохотали слушатели, а Аполлон даже смахнул слезу.

– Вот именно – «ха-ха-ха!» – неожиданно совсем невесело заметил Микес и продолжил: – Две-три ночи я не поспал, сделал план клуба, где каждое воскресенье и субботу будут работать кружки, секции... потом всякие там, знаете... дискотеки... В столовой – кафе... Свои! Понимаете? Зачем куда-то ходить, когда всё под носом. Хотел сделать людям добро.

– Но с выгодой для себя, – подковырнул Серёжа. – Да, не отрицаю – с выгодой. Чтобы оставить след в школе. Чтобы они делали и после меня, и помнили, что это начал делать Микельбанд, а не ктонибудь другой. Что это была эра Микельбанда! А что, плохо?

– Что ты, Юрыч! Нормально! – подбодрил Аполлон: – Давай! Давай дальше!

– Ну, подготовил писанину и подхожу к директору, – продолжил Микес. – Как раз была контрольная, и мне нужно было до неё это сделать быстренько. Ну, чтобы я не пошёл на контрольную и у меня было алиби, что я был у директора, а не у кого-то там... Мы всегда подбираем себе какую-нибудь работёнку во время контрольной. Делаем так, чтобы кто-нибудь попросил... какой-нибудь парторг... А тут я пошёл к директору. На совещание. Это же внушает...

– Ух, Микес!.. – теперь уже забулькал Серёжа. – Ну, ты...

– Да, я! – развёл руками Юра. – А что сделаешь, если никто больше!.. В общем, пришёл я туда. А там уже педсовет собрали. Малый! И прихожу я со своими предложениями. Ну, у нас директриса вообще... Тут эта очередная шумиха по стране катится... Партийная!.. И тут, на тебе, товарищ пришёл с предложениями. Да ещё с какими! Да ещё из народа!.. Им это нужно, понимаете? И я это знал и специально пошёл туда. Делаю умный вид, сажусь... Весь при галстук... Всё чин по чину. Рассказываю всё, как будет... Всем интересно-о! Сидят тоже с умным видом. Кто-то там пишет... Записывает! Потом на меня рушатся вопросы. Ну, как всегда это делается! Рушится, значит, вопрос... тут дискуссия... я защищаю свой проект, то да сё, пятое, десятое... Утвердили!

– Можно было бы даже и не приходить! – опять забулькал Серёжа.

– Точно! – согласился Юра. – Сунул бы свою бумагу, и всё равно бы утвердили. И я знал, что верняк, потому что никто ничего никогда не предлагал, а я предложил. И это надо было обязательно утвердить. Понимаете? Это же элементарно!

– Да мы-то понимаем... – теперь уже смахнул слезу Федя.

– Ну вот. Пришли все вместе в столовую. Договорились. Там, значит, бармены будут, там ансамбль... Всё! Ребята загорелись – ужас! Во-первых, никогда такого в школе не было. Во-вторых, опять же, не надо никуда ходить. И, в-третьих, можно кого хочешь привести из своих знакомых. В общем, в ближайшее воскресенье решили начать... Пришло шесть человек.

– Шесть? – ахнули все.

– Шесть, – подтвердил Микес. – Хотя все горели желанием. Директор говорит мне: «Ты не расстраивайся. Мы на следующий раз всё пересмотрим. Может, чего-то там не добавили?». Опять созвали малый педсовет. Сидим. Выясняем, почему мало пришло. Кто-то сказал там такие умные вещи – мол, надо работать сначала с меньшинством, а потом всё это будет возрастать. Ну, просто эти люди из народа будут рассказывать, как это было интересно, и остальные тоже потянутся... Ладно! Подходим всем малым педсоветом к этим шестерым, которые были, и говорим им: «Всё! Всё теперь будет строго-настрого!». В следующий раз и те шесть не пришли. Они, наверное, подумали, что опять комсомольская работа какая-нибудь. И так у нас всё затихло...

– Ну, ты повеселил! – утирая слёзы, сказал Аполлон.

– Так это не всё ещё! Не всё! – воскликнул Микес.

– Не всё? – удивились все.

– Ну да! Через некоторое время опять ко мне директор подходит: «Понимаешь, Юра, тебе нужно ещё с каким-нибудь предложением на педсовет выйти. Никто не приходит, кроме тебя, ёлки-палки! Это получается, что я как директор бездействую? Нельзя так! Что это за осенний бал ты предлагал? Может, его и не надо? Предлагай что-нибудь ещё...». Ну, я ночь не поспал – делаю бумагу. Самое нелепое и затёртое предложение оформляю: каждую субботу и воскресенье – дискотеки. Прихожу в школу – меня сразу же на педсовет. Там то да сё... музыку надо... расходы... да чтоб школе не в ущерб... «Ну, хорошо, – говорю, – только помещение давайте». Тут на меня, конечно, сразу опять груда вопросов, и все требуют, чтобы поручился. Ладно – поручился! Тут тоже можно было не приходиться, а только бумагу сунуть. Всё равно бы утвердили.

– Да-а... Механика! – цокнул языком Федя.

– Железная! – махнул рукой Микес и продолжил: – Делаем дискотеку. Первые четыре недели ходит масса народу. А потом людям надоело. Неинтересно. Не ходят люди! Срочно созывают педсовет, и опять Микельбанд сидит и свои мысли высказывает. Объясняет, почему ничего не получилось. «Ну, – говорят учителя, – ты и башковитый мужик! Как своё предыдущее предложение отрицаешь! Ну, предлагай другое, раз это не годится!». Завтра, говорю, принесу свои новые мысли, так как не могу так сразу... в такой обстановке. Ухожу домой и на следующий день такой план предлагаю: неинтересно, мол, ребятам просто так топтаться. Нужно, чтобы отдых влиял на их развитие. Воспитывал! Нужно готовить всякие мероприятия, а не только эти дрыганья. Что-то развлекательное и к тому же поучительное. Ну, ничего нового не предлагаю, но все, конечно, тут же: «Да-да!». Записали мои умные фразы и всё такое... Понимаете? Ну, то же самое! Можно было бы опять сунуть эту бумагу – и всё равно утвердили бы! Пошли со мной в комитет комсомола. Говорят: «Вот тут Микельбанд предложил, и директор тоже принимает самое активное участие...». Комитет повесил объявление. А на нём внизу сначала подпись директора, а потом моя фамилия. Провели пару раз – надоело! Директор ко мне, а я ему говорю: «Не надо так часто! Тот же эффект, что в штабе получается, только там ребятам деваться некуда, а здесь все добровольно ходят». А она не соглашается. Тут, говорит, в чём-то другом дело... Думали мы, думали...

уже без педсовета... и, в конце концов, решили – оставить всё по-старому. Вот. От чего бежали, к тому и прибежали! И на том закончилось всё. Раз в четверть стали проводить мероприятия, и люди ходят. И всем интересно. Тем более что уже немного поднаторели кое в чём...

– И всё это потому, что редко, – подвёл черту Федя.

– Ну, как я говорил! – подтвердил Микес. – Часто, оказывается, не надо. Надо, чтобы человек успел созреть. Чтоб у него накопилось желание. А для плана это мало. Мало! И директриса опять закопошилась... А так как эра Микельбанда закончилась, то теперь Тажибаева Мухтара на педсоветах выдаивают. Его эра пошла...

Некоторое время все молчали и пили сок.

Юра сосредоточенно жевал и, остывая от второго рассказа, возвращался к анализу первого.

– Нет, – говорил он. – Всё равно Евгеньевна что то не то делает... или не так. Понимаете, человек насилует сам себя, потому что должен. Бодрячество! Искусственный коллективизм! Мы зарефлексованные становимся, пока туда ходим. Роботы! Хотя и качественные, вроде бы. В этой операции нужно действовать так, а в этой этак... С этим человеком так говорить, а этому нужно руку обязательно подавать... Из нормального человека лепят машину. Да и она сама, как электровеник, работает. У неё же всё расписано. Всё! Когда разбегаемся на месяц, а потом опять встречаемся, то вроде совсем другие люди. А потом опять начинается закомплексовка. Налаживается эта машина. Постепенно, постепенно – глядишь, и уже то же самое отвращение, что и до этого было, опять появилось. И сказать про это открыто невозможно. Запрещённая тема! Этот вопрос зажимается полностью. Сразу донесут ей, и пошло...

– Неужели и ей доносят? – удивился Федя.

– Каждый второй, и, причём добровольно! Как она это делает – не знаю...

– Что ж, совсем ничего искреннего нет между вами? – опять спросил Федя.

– Почему? Есть, но не во всём. Есть запретные темы. И вообще, они какие-то закапсулированные. Сами в себе, и лучше их нет. Если кто-то что-то своё делает интересное без их подачи или благословения, да ещё и в другом районе, то они не радуются, а завидуют. Злятся! Старются всячески подковырнуть. Унизить! И всё это с улыбками. Да они не способны радоваться радости других! Талантливые они, но не добрые. Хотя и притворяются ну очень уж добрыми. Если у кого-то что-то слабо сделано – они норовят пальцем в рану ткнуть. Пальцем! Чтобы себя ещё выше ощутить. Я видел это! Видел! И всё это с улыбками. С улыбками! Они только делают вид, что хотят кому-то помочь, а сами только себе, только себе! Если кто-то не за нас, значит, против нас. Вот их принцип! Шовинизм! Домопионеровский шовинизм – вот что это! А снаружи кажется, что тут-то уж полная демократия и прогресс...

– Расскажи ещё что-нибудь, Микес! – попросила девушка.

– Да ладно, пойдём, – одёрнул её один из парней. – Хворост для костра собирать надо.

– А что... можно... – задумчиво проговорил Юра. Взгляд его зафиксировался на фирменной олимпийке одного из парней с этикеткой «Адидас», и воспоминания потекли по иному руслу.

– Этим летом мать меня хотела на склад ЦУМа грузчиком пристроить. Ну, и я пошёл знакомиться, что и как...

Приподнявшиеся было парни сели.

Юра продолжал:

– Захожу на склад, смотрю – хачик идёт, кроссовки несёт. Ну, тоже «Адидас». Вот как у тебя. Госцена что-то около пятидесяти, а на “барахле” – сто пятьдесят.

– Что это ещё за хачик? – спросил Федя, и Серёжа так удивился, что ответил за Микеса:

– Фарцовщик! Спекулянт! Кавказско-еврейской национальности. Ну, Федя, в какой ты стране живёшь?

– Вот, – продолжал Юра. – Подходит к нему мужик и говорит: «Алик, «Адидас» костюм можешь достать?». Ну, это госцена рублей семьдесят, а продают за двести-триста. «Что просишь – могу, – говорит хачик. – Зайди завтра – там он будет лежать». – «Спасибо, Алик! Деньги будут там же», – говорит мужик.

Я иду так машинально за этим Аликом, уши развесил... Где деньги?.. Что?.. Никак не могу врубиться... Наконец, врубился и говорю этому Алику:

– Здорово!

– Здорово, – отвечает он.

– Отойдём в сторону?

Ну, молодой парнишка этот Алик! Лет двадцати пяти. С меня ростом.

– Новенький, что ли? – спрашивает он.

– Да, – говорю я.

– Из наших?

– Хачик! – ляпаю я.

– Кто отец? – ничуть не удивляется он.

– Грузин, – говорю я и попадаю в самую точку, так как он тут же спрашивает:

– Где работает?

– В совхозе.

– Слушай! – вдруг загорается хачик. – Овёс надо! Коней кормить надо!

Все рассмеялись.

– Что ты, Алик? – изумляюсь я так натурально, что сам себе верю. – За чем дело стало? За овсом? Всё будет. Три мешка хватит?

Он так подумал-подумал...

– Нет, – говорит. – Маловато будет...

– Ну, тонну.

– О! – восклицает. – Тонна пойдёт. Что хочешь?

– Кроссовки вот такие, – ляпаю я.

– Всё, – говорит он. – Приходи завтра – кроссовки будут уже на месте.

Ужас, как быстро дело у них делается!

– А где же ты собирался ему овёс искать? – ухмыльнулся Серёжа.

– Я не знаю, где овёс надо искать, – пожал плечами Микес и рассмеялся вместе со всеми. – Я после разговора с ним пошёл узнавать, где это особое место, куда нужно деньги положить и откуда товар брать. Интересно же...

– Нашёл? – опять спросил Серёжа.

– Нашёл. Обыкновенный подвал. Там сидит затрапезный такой старичок. И вот через него всё и делается. А по совместительству он ещё и следит, чтобы грузчики лишнего чего не уволокли. Вот как я это увидел, так и подумал: издеваться – так издеваться! Говорю старичку так непринуждённо-непринуждённо: – Алик ничего не просил передать?

– А ты кто? – спрашивает тот.

– Хачик! – опять ляпаю я и аж отшатываюсь, так как старичок вдруг побагровел весь, затрясся – да как рявкнет:

– Щ-щ-щегол! Уйди отсюда! Уйди!..

– Ну, я смылся, конечно... Тем более, что грузчики тоже, на меня, как на падаль порушились... Не тот пароль ляпнул! Выскакиваю из подвала, смотрю – Алик около машин с товаром прохаживается.

– Что привезли? – спрашивает грузчиков.

Те отвечают ему. Негромко, но мне слышно.

– Это мне забросишь, – говорит он одному. – Посмотрю, может, нет у меня дома.

– Алик! – удивляется тот. – Я и то знаю, что у тебя это уже всё есть.

– А-а, ясно, – кивает Алик и вдруг у другой машины сам удивляется: – Это что? Игрушки? Почему не сказали? Оставьте мне партию заграничных. Мне надо...

Потом уже мне мать рассказывала, что туда ни одного человека с улицы не берут. Если кого нужно, Алик только своего приводит, тут же консультирует, и на другой день тот уже как свой ходит. Че-ло-век!

– Кем же он работает? – спросил Федя.

– О! – религиозно воскликнул Микес. – Он главный по складам! Отчёты пишет. Всё знает! Что получили, что вытащили... Сначала ему кладовщики свои отчеты о проделанной работе поставляют, а потом он свои катает. И одет – с иголочки! Вплоть до халата. Ну, казалось бы, халат, как халат – чёрный. Ан – нет! У него тут на халате итальянская такая фижня... Фирма! Италия! И у всех разговоры только вокруг Алика: «Алик достанет! С Аликом нужно поговорить! Алик... Алик...». Вот так налажено всё.

– Что ж, – тебя не взяли? – спросил один из парней и, облизнув сохнувшие губы, хлебнул минералки из бутылки.

– А какие у меня анкетные данные? – усмехнулся Микес. – Только на учёте в милиции состоял, да и то недолго.

Серёжа выкатил из-под одеял новые банки с соком, но ребята вежливо отказались и ушли.

Юра тоже направился было за ними, но вернулся. – Я ещё побуду с вами... Можно?

– Спрашиваешь! – радостно воскликнул Федя и протянул Микесу новую и уже продырявленную банку. – Бери-бери! Это экспедитор Кеша от радости, что комиссии не по его душу, на всех через Серёжу выделил.

– Хотел ещё лично меня пузырями отоварить, но я отказался... Ну их... – буркнул Серёжа.

– Ну, садись, садись! Рассказывай что-нибудь ещё! – азартно продолжил Федя.

– Да что говорить... – опять засмутился Юра. – Нечего говорить... Я вот только хотел спросить... Если, конечно, это удобно... Аполлон Александрович, вы кто по национальности?

– ЧЕЛОВЕК! – сразу же откликнулся Аполлон.

– Нет... я не про это... – сосредоточенно, серьезно и очень быстро проговорил Юра. Я вот еврей и не стесняюсь об этом говорить в открытую.

– И я не стесняюсь. Я – ЧЕЛОВЕК! И это тоже, как сказал классик, звучит гордо! – ответил Аполлон. – Я совершенно серьезно, Юра. Я ведь и не знаю, какой я национальности. Может быть, поэтому с этим комплексом у меня полный ажур!

– Как это? – изумился Юра, а с ним вместе и Серёжа.

– А так. Я дитя незаконнорожденное. Байстрюк! И кто был по национальности мой папа или дедушка, не знаю. Может быть, еврей, а может быть, и турецко-подданный, который тоже в двадцатых годах мог вполне оказаться евреем. Некоторые торговые евреи Одессы принимали в то время турецкое подданство. Оно освобождало от налогов. А мама моя хоть и писалась «русская», но у неё в крови как минимум пять, а то и весь добрый десяток наций. Так что пишуь русским, но признаю себя только ЧЕЛОВЕКОМ!

– Но вы же Александрович?

– По матушке, Юра, по матушке! Саша она у меня была, Саша!

– А вот я – чистый!.. – уже растерянно пробормотал Юра.

– Ерунда! – махнул рукой Федя. – Чистого в природе ничего нет. В живой природе, по крайней мере.

– И не надо, чтоб было! – подхватил Аполлон. – Живое и рафинированное – понятия несовместимые!

– Вам легко говорить, а у нас, знаете, как следят за этим!..

– Арийцы, дворяне, избранные – всё это всегда кончается вырождением, Юра! Как бы они ни хотели быть лабораторией и концентрацией всего лучшего для других (или не лучшего!). В конце концов получается, что всё это только для себя и весь мир под себя. Да ты же сам это понял, судя по твоему рассказу о комсомольском штабе. Тут любое благотворное и созидательное сравнение незаметно для талантов и гениев переходит в противопоставление. А любое противопоставление – разрушительно. Это не я так считаю, а жизнь. История, наконец, что тоже – жизнь, и ещё неизвестно – прошедшая ли?

– И всё-таки евреи – толковые люди! – заметил Серёжа.

– Толковый разум любой нации, расы и галактики – толковый, а дурак и сволочь – везде дурак и сволочь! – резко откликнулся Аполлон.

– Но у них особенно много толковых! – не согласился Трезвяк. – На Земле, конечно, на Земле...

– Ерунда! – в свою очередь теперь уже не согласился Федя. – Тот, кто убегает, почти всегда умнее того, кто догоняет! У него вопрос жизни и смерти, а это мощный стимул для мозгов. Но это только в процессе действия, а не навечно в генетике. Исторически так сложилось, что евреев давили и гоняли с места на место все, кому не лень. Вот они и самоутверждались не силой, а золотом, умом и талантом. И эволюционировали большинство в денежный мешок, для чего большой ум и сердце не обязательны, но эффект очень убедительный. А вот поцелованные Богом стали научной и творческой интеллигенцией.

– И все вместе, и каждый в отдельности, разделились на разрушителей и созидателей. То есть на некрофилов и биофилов, – усмехнулся Аполлон. – Над этим разделением эволюция бессильна. Здесь сам человек должен работать. Причём при недоборе, каждый раз рождаясь по новой. Вот Федя, например, законченный биофил, хотя фотокарточка у него не ахти какая весёлая, а экспедитор Кеша и тот, который шумел тут, – ярко выраженные некрофилы, хотя рты у них в интересах бизнеса почти всегда до ушей, как разрубленные. Некрофил, Юра, это тот, для кого мёртвое важнее живого и человека в том числе. Барахло, деньги, машины, идеи... А биофил на первое место всегда ставит живое.

Микес задумался.

– Если судить по вашей классификации, то мои родственники не из этих... как их... биофилов, – сказал он через некоторое время. – Например, младшая сестра мамы в магазине работает. А почему? Потому что достаёт колбасу на всех. Сметану. В общем, продовольствие. На всех своих, конечно... Вторая сестра – в прачечной. Бельё всем стирает. И бабушка подарила её мужу машину с таким расчетом, чтобы он белье её в прачечную возил задарма. А другой зять сам работает на машине. Только на грузовой. Там, что привезти тяжёлое... перевезти – пожалуйста! Один родственник работает на «скорой помощи». Тот лекарства всем достаёт. Один – прораб... На стройке. Представляете – советский еврей на советской стройке! Кому-то там деньги заплатил – на повышение пошёл... Какой-то там начальник стройки теперь. Все стройматериалы, какие надо, – всегда! Третий на заводе работает. Думаете, пролетарий какой-нибудь? Ничего подобного! Шишка какой-то тоже. Что там надо сделать – всё! Четвертый, уж не знаю, какой по двоюродности, родственник – лётчик. Билеты на самолёт куда хочешь и в любой сезон. Вот такая семейка...

– Что ж плохого тут? – удивился Серёжа. – Дружно живёте! Типичные эти... Биофилы! Всё для людей!

– Дружно? Противно! Для каких людей? Всё только для себя! – махнул рукой Юра. – Какие они биофилы? Ничего за просто так никто друг другу не делает. Обязательно с какой-то выгодой для себя. То есть на любого другого человека им наплевать. Будь он хоть сто раз их родственник!

– Бедные люди... – вздохнул Федя, и Трезвяк посмотрел на него, как на сумасшедшего.

– О-о, это такие!.. – с ожесточением процедил Юра. – Вот, например, тот, что не заводе работает... Вы извините, он вообще... Он сейчас на пенсии, но на заводе продолжает работать. И весь завод знает его как еврея! В смысле того, что не даст никогда никому никакую самую заваливающую железку. Он лучше выкинет, но другому никогда не даст. И везде, где бы ни ходил, у него корзиночка такая, а в ней бутылка из-под молока. Тут сверху

золотинка... а в ней мускат налит. И время от времени он оттуда потягивает... Не может без муската. Мускат – это всё! И, конечно, его он тоже никому не даёт. Даже в гостях... «Вы пейте водочку, а я мускатик! И больше мне ничего не нужно!..». Да-а... – сделал паузу Микес. – Как выпьет, нос краснеет и то ли больше становится, то ли растёт куда-то сюда, но лицо сразу такое узкое-узкое. И морщинами, морщинами... И только мускат любит... Нет, вру! Ещё жену! Он за своей Линочкой, как хвостик... «Линочка, тебе нужна шубка – пожалуйста!»

Идёт, покупает шубку.

«Ой, – говорит Линочка, – тут что-то не так... Тут давит...».

«Всё будет, Линочка, сделано!..».

– Вот видишь, не такой уж он плохой, раз так любит, – заметил Аполлон.

– Так это тоже потому, что Линочка его собственность! – возмутился Юра и продолжил: – Они, конечно, внешне – как две лапочки молодые, но как-то всё остальное в них это каким-то фальшивым и нечистым, что ли, делает... Купила мать тумбочку, а ножки у неё болтаются. Ну, наша тумбочка – не из-за кордона! Бабушка и позвонила ему... Пришёл... «Ну что ж вы так купили тумбочку – без ножек?» – говорит. А сам радуется. «Я, конечно, сделаю вам ножки... сделаю... И у вас будет совсем другой вид...». «Сколько возьмёшь?» – спрашивает бабушка. «Две бутылки мускатика. Всего две!». Но бабушка знает, что этим не обойтись. И хотя там работы на две минуты, но он обязательно сделает плохо и будет неделю ходить, переделывать и есть. А как он ест! Вы бы видели!.. Потом звонит по телефону и спрашивает – «Валя! Валя, у меня живот болит. Ты откуда брала мясо на котлеты? С базара?.. Это хорошо... Значит, это не от этого... Ох... ох... ох...».

Как-то мама сказала, что в магазине взяла... мол, денег нет... так он так разорался – ужас! «Сволочи!» – кричал. – «Накормили меня гадостью! Я им добром, а они, сволочи, – «денег нет»! Бедного родственника накормить не могут!..».

Я говорю маме: «Плюнь на него! Говори, что с базара. Надоел уже. А ножки я сделаю. А ты скажи, что хорошо держатся, чтоб он больше не приходил».

Вот звонит он, а мать и говорит ему это. Так он так удивился! «Это кто тебе насоветовал так говорить?» – кричит. – «Я же это плохо делал! Я же сам знаю, что с браком это сделал!..».

Тут он опомнился и уже совсем по другому запел «Слушай, я видел у тебя там ещё стол разваливается! Вода, наверное, на него бежала. Сейчас всё равно приду... Душа болит за родственников!..».

И опять мама для него готовит... А если не приготовишь, то вся Алма-Ата будет знать, что мама плохо встречает своих родственников! А он понюхает-понюхает, выберет, что ему понравится, нажрётся – и всё равно потом дома с животом маяться будет. И мало того, в последнее время как меня увидит, так и сватать!

– Сюжетно живёшь, Юрка! – в восхищении воскликнул Аполлон.

– Ещё бы, – безрадостно буркнул Микес. – «Какой ты красивый!» – заликает. – «С каждым разом красивей и умней! А у меня внучка – прелесть! Ну, лицо, конечно, некрасивое, но если с ней ходить постоянно, то будет симпатичной казаться. Ну, а какая умная!.. Французский язык знает. Интеллигентная! Может, сходишь с ней в кино? Я билеты уже купил!..». И пихает мне в карман два билета и пять рублей денег...

Юра опять замолчал.

Все ждали продолжения.

И оно последовало.

– Один раз пошёл... Мать уговорила... Так он так обрадовался!

– Денег у меня пруд пруди! – сразу объявил, как только я пришёл. – А кто знает, где они у меня? Но есть. Ты уж поверь! Хочешь – машину подарю?

– Хочу, – говорю я.

– А с моей внучкой будешь ходить в кино?

– Ну, знаете... неудобно с ней ходить... – говорю я. – Она какая-то слишком полная... Тут бородавка...

– Да не будет этого видно в машине! – кричит он.

– Нет, – говорю. – Не пойдёт!

Но он на этом не успокоился. Как-то затащил меня к себе, а сам в другую комнату – и к Лине своей:

– Линочка, я же вижу, что машину ему хочется! Надо позвонить дочке. Что она делает? Может, сошьёт ему что-нибудь там... Штанишки... Трусики какие-нибудь хорошие... Может быть, понравится ему, какая у нас внучка рукодельница. Сейчас же смотрят мальчики: хорошо вяжет – хорошая жена. Ничего не делает – плохая...

Вбегаёт ко мне с сантиметром и сразу меряет меня со всех сторон – «Та-ак... Тут метр двадцать... тут... А ну, встань! Какой у тебя рост?.. Всё! Завтра вечером приходи. Ужин будет – пальчики оближешь!».

На другой день прихожу. Интересно же – как он меня накормит! А они с Линой в другую комнату – и давай шушукаться. Да так громко, что всё слышно. – «Ты, давай, консервы с маслом прячь!» – говорит он ей. – «А с томатом выноси! Они бывают порченые...».

– Не-ет, дедушка! – думаю я. – Больше я к тебе не приду, сволочь ты такой!..

И тут как раз приходит внучка со штанами.

Он как вскочит, да как схватит меня – «Бананы» видел? Одевай!» – кричит. – «Видишь!.. Видишь!.. Она на тебя только посмотрела и сразу же узнала твой размер! Золотые руки у девочки! А ты говорил – бородавка, бородавка! Эта внучка, знаешь, сколько денег стоит?..».

– Всё измерение в деньгах! Сволочь! – закончил Юра. – Вот такие и позор нашей нации...

– Да не нации, не нации! Всего человечества! – попытался успокоить слишком уж возбуждённого Юру Аполлон.

– Не знаю... Может быть, вы и правы... Но вонизм от евреев почему-то особенно заметен... Вот уж действительно, мы – избранные! – грустно сказал он и, поблагодарив компанию за угощение, ушёл.

Федя вскочил, чтобы остановить его, но Аполлон удержал друга.

– Брось! – сказал он. – Юрычу наши костыли лишь помеха!

– Ну, я же говорил: евреи – народ толковый! – упрямо радостно воскликнул Серёжа. – У меня есть один знакомый...

– А казахи? – перебил Чайку Федя.

– Чурки!

– А вот у меня есть один знакомый казах, так он – Сократ! Да к тому же – душа-человек!

– Не верю!

– Ну, тогда и я тебе не верю, – обиделся Федя.

– Ребята, давайте жить дружно! – рассмеялся

Аполлон. – Помните, как англичан спросили: «Почему у вас нет антисемитизма?». И они ответили: «А мы не считаем себя глупее евреев!». А?

– Зато у них есть Ольстер... – продолжал горячиться Федя. – А откуда всё начинается? Откуда? А вот откуда! Спроси его: «Кто ценнее – муравей или человек?». И он ответит: «Человек!».

– Правильно. А какое тут может быть сомнение? – удивился Серёжа. – Человек способен мыслить, а муравей – чурка!

– А откуда ты знаешь, что чурка? Ты что, помнишь, как муравьём был?

– Знаю, – самодовольно ухмыльнулся Чайка. – Все знают...

– Ни черта никто ничего не знает, а только гипотезы выдают за знания! А твоё мировоззрение самое что ни на есть кондово-шовинистическое! Вот такие, как ты, сначала природу губят, наводя в ней порядок по своему разумению, а потом и сами погибают! И все – исключительные! Избранные, то бишь! И гордятся этим! “Мы – лучшие из лучших!” Худшие! Худшие из худших – вот кто вы! Вы – зараза, от которой все войны и страдания! Потому что сразу заявляют – я муравей рыжий и большой, а ты чёрный и маленький! И поэтому: “Бей его, гада и уroda! Он грязный! Ущербный! С рождения! У него запах не тот! Он – ошибка природы! Он портит всё! Он нас позорит! Смотри-ка ты какой наглый – я, говорит, такой же как вы! Ещё чего! Ну, нахал! Ну, скотина! Да нам спасибо надо сказать, за то, что мы давим вас недоделанных. Что место показываем, где вы должны быть. Мы – санитары! Мы – благодетели!”. Юрыч, конечно, максималист – возраст такой. Но кое-что он правильно понял. Нет избранных с рождения! Всё в временной генетике. И если её не подтренировывать, то где-то через ...надцатое поколение всё тью-тью! Вплоть до рас. Они тоже не бесконечны. Хотя и более глубоко записаны. И всегда и везде остаётся, в конце концов, только – ЧЕЛОВЕК! Две руки, две ноги, а посередине гвоздик. Или не гвоздик, а наоборот. Но главное – голова и сердце! То есть – душа! Да сколько можно об этом говорить?..

– Федя, успокойся! – попытался остановить друга Аполлон.

– Нет, погоди! – отмахнулся тот. – Меня в течение суток пытались сначала зарезать только за то, что я русский, а потом застрелить за то, что я еврей! Так что я имею право! На своей шкуре испытал!..

– Ерунда. Не верю! – ухмыльнулся Серёжа.

– Смотри-ка ты, какой Станиславский! Не верю! Да какая мне корысть тебе врать?.. Вот... Загребел я в командировку то ли в Балхашский, то ли в Баканасский район... Ну, в пустыню! Причём зимой и на целых два месяца. Фельдшером. В отгон.

– Фельдшером? – удивился Серёжа.

– Ну да! Лечебником. Кстати, медицинское училище я кончал здесь – в Талгаре. Какие врачи преподавали! Какие люди были! Королёва Александра Герасимовна... Соломон Исакович Тимковский... Панасенко... Дёмина... Ткенов... А завуч Наливаев? Мы его звали за глаза просто Володей, хотя нам было по семнадцать, а ему за пятьдесят. Все финансовые нормы нарушал, но какой был ЧЕЛОВЕК! Всегда радостный, весёлый! Чего только мы не вытворяли по молодости, он умудрялся всё улаживать. Пока он был завучем, солнце светило всем ласково! И знаете почему? Володя был безумно и постоянно влюблён. И в кого! Никогда не поверите – в свою жену! Да... Так вот, попал я на отгон. Барханы, барханы – и вдруг глиняные полуземлянки и одно или два дерева. Жуть, а люди там живут! И название-то у этого отгона было какое-то такое... Кара-Бек! «Чёрный бай!» Землянки, значит... Нет, не все! Были там два деревянных домика финских. Совхоз поставил. Один – фельдшерский пункт, а другой – «вилла» управляющего. Но он-то на своей «вилле» жил, а я вёл приём в глинянке санитарки при этом пункте. Дров для отопления пункта не было! Хорошо, что она лекарства перенесла к себе домой, а то бы и лечить нечем было. Интересная женщина! Хохотушка. Улыбчивая такая. Когда такая птичка, как я, залетала, она была санитаркой, а никого не присылали – лечила сама. Не всё, конечно, но кое в чём разбиралась получше меня. Да... Глухомань! Но с электричеством! От старого дизеля. Правда, по капризу Васьки

Прощай, то есть почти никогда. Он хоть и был единственным русским, но я с ним не общался. Такой тип... Ну, ссыльный бандит! Вечно пьяный... О чём с ним было говорить?..

– «Прощай» – кличка? – с обидой за своего собрата по хобби спросил Серёжа.

– Фамилия! У него и глаза были такие же, как у тебя, – жёлтые! Во тьме горели. Волк! Натуральный!

– Да брось...

– Точно! Сам видел! Днём я принимал больных, а переводчиком была та же татарочка-санитарочка. Ну, никто по-русски не шпыхал, не спикал! С ней я и на зимовки ездил к чабанам. С профилактическим осмотром. Ну, доложу я вам... Рио-де-Жанейро! Сан-Франциско! Совхоз понаставил финских деревянных домиков чабанам, но они в них не жили. Холодно! Дров, как я уже сказал, в пустыне не особенно... Жили под землёй. Идёшь по выбитым ступенькам вниз, открываешь сплетённую из веток дверь – и ты в “тронном зале”. Громадное такое пространство! Два или три ошкуренных дерева потолок земляной подпирают, а в центре – огромный чугунный котёл. И по стенам кошма, ковры... В принципе, можно туда и скот загонять – место есть, да и условия более или менее... Мне говорили, что при сильных морозах чабаны так и делают.

– Ну, это не везде... – попробовал смягчить Серёжа, но Федя не дал разгореться огню лжепатриотизма.

– Везде, где я был, я видел только такое, а кое-где ещё и похуже – без ковров и кошмы, – перебил он. – Средневековье, антисанитария и авитаминоз. Ужас, как сказал бы Микес. И у всех, кто старше сорока, «Бас аурады!» – «Голова болит!». Давление меряю – сто с гаком на двести пятьдесят. Ужас! Я вначале просто в панику ударялся, но Молдыке, муж санитарки, быстро меня успокоил: «От водки это! От опилочной!». Да-а... Глушат они её без конца. Бешбармак с водкой, каурдак с водкой – всё и везде с водкой! Она им и театр, и кино, и санаторий на берегу океана...

– Брось! – профессионально поморщился Серёжа. – От водочки только баланс в организме налаживается. А давление у них от радиации. Там везде урановые залежи и разработки. Да и навзрывали бомб атомных да ядерных до хрена. Да если бы они не пили, давно бы все вымерли!

– Не знаю... Но факт есть факт – «Бас аурады!». И феодализм с многоженством! Причём, похоже, не столько от похоти и прихоти, а от ситуации. Там такой объём всяческих рутинных работ, что меньше чем трём жёнам с ними не справиться. Я имею в виду домашнее хозяйство. А так как радеющее о благе своих налогоплательщиков государство больше одной жены иметь не разрешает, то они в целях конспирации называют их, после первой, тётками, сёстрами, а когда и просто дальними родственницами. У одного старика я таких «родственниц» насчитал что-то около семи, а самая молодая – совсем ребёнок, помирала вся в отёках... у котла... в подземелье...

– Что ж ты?.. – невольно воскликнул Серёжа.

– Что ж я! Забегал! Попытался вывезти в совхозную больницу, но не дали. «Делай укол и уезжай!» – сказали. – «А не то!..». Через два дня я всё-таки, весь вымотанный, приехал на «газике» с милиционером, но она уже всё... А милиционер на меня же и хотел дело завести. Пугал, конечно, чтобы я не распространялся... Ужас!..

– Ну, у тебя и биография! – развёл руками Аполлон.

– У меня? – возмутился Федя. – У всей страны!

Так вот, пошёл я как-то с санитаркой и её мужем в гости – на бешбармак. Это было уже где-то к концу командировки. Сидим. Естественно, в полутьме. С керосиновой лампой. Вообще, надо сказать, довольно уютно. Меня с хозяевами около аксакалов посадили – то есть на самое почётное место. Напротив тоже какие-то симпатичные люди улыбаются. Хозяйка-санитарка иногда переводит мне, о чём разговор идёт. А перед нами столик. Низенький такой и круглый. С непривычки не знаешь, как пристроиться. Все спокойно разговаривают, стакашек за стакашком вливают в себя и в меня этот опилочный бальзам, кушают... Я тоже кушаю и, дабы поддержать общение, усиленно улыбаюсь. Ну, чистый американец среди аборигенов! И вдруг с этой мирной арены выскакивает здоровенный такой парнище и, брызгая слюной и выкатив глаза кричит «Урус! Урус!» и бросается на меня с ножом. Я привстаю ему навстречу, улыбаюсь ещё шире, руки для объятий распахиваю... Но побрататься не успеваю. Шарах-бабах – и я в темноте, а санитарка шепчет в ухо: «Молчи! Молчи и не шевелись!». И шум вокруг – жуткий! Оказывается, аксакалы дёрнули меня за ноги и бодренько запихали под какой-то ковёр. Был бы трезвый, так, наверное, испугался бы до смерти. А так сижу себе под ковром... доверчиво причмокиваю... Пригрелся даже и закемарил слегка. Наконец, вытаскивают. Аксакалы лопочут, руками размахивают. Санитарка бледная переводит: «Уезжай! Прямо сейчас! Посёлок маленький, а он поклялся аллахом, что найдет тебя и зарежет! Слышишь – по улице бегаёт и орёт?». «За что? – спрашиваю. – Я же его в первый раз вижу!». «Не знаем!» – отвечают аксакалы. – «Они сейчас все какие-то бешеные из армии возвращаются. Вроде в хороших местах служат. В Подмосковье. За границей... Он потом всё равно в город уедет, но сейчас тебе надо уезжать!». Ну, надо, так надо. Тем более, что и командировка моя почти что закончилась. Попрощались мы, расцеловался я с хозяевами, мне принесли мои вещи и тихонько – задами, задами – вывели за посёлок. Там уже стояла лошадь с телегой. Укутали с ног до головы. Возница: «Но-о!»... И через пять минут отгона как и не было. Еду я и думаю: «Что это такое? Или его там, в армии, лупили за то, что он азиат, и он решил, что наконец-то представился удобный случай отомстить, или насмотрелся на цивилизацию, зелень, торжество разума, а тут беспросветно нищая во всех отношениях родина, где вырос и думал, что лучше места нет. Вот и нашёл виновника всего этого. А что, убил – и всё! Проблемы решены! Сады, наконец-то, зацветут, дома со всеми удобствами появятся, в магазинах все товары и продукты мира, асфальтовые магистрали во все стороны, телефаксы, отдыхи на лучших курортах Океании...». Проснулся я уже в Бала-Топаре – центральной усадьбе совхоза. У больницы. А где же мне ещё останавливаться? В ближайшую пятисотлетку при этой власти ни гостиниц, ни столовых тут строить не предполагалось. Да-а... Вот тут-то моя русская часть начала плавно трансформироваться в еврейскую.

– Кино! Чистое кино! – уже менее недоверчиво воскликнул Серёжа и вонзил консервный нож в очередную банку с соком манго.

– В кино, дорогой мой, можно в любой момент из зала выскочить, а из жизни куда выскочишь?

– Только туда! – показал на небо Аполлон.

– Вот именно! Ты слушай, Серёжа, слушай, а не только кушай! Таким, как ты полезно.

– А какой я? Я – нормальный. Ты меня не унижай!

– Что ты, родной, я как раз наоборот! Я тебе рассказываю, а ты уже сам делаешь выводы. Встретила и пристроила меня в больнице дежурная медсестра – хорошенькая девочка лет семнадцати. Мне бы выспаться да протрезветь окончательно, а тут такое чудо в пустыне. Голубоглазое! В общем, всю оставшуюся часть ночи я приударял...

– Ну-ну! – игриво подмигнул Аполлон.

– Вот и ну-ну! Полный облом! То ли разило от от меня, как от помойки, то ли... Ну не получилась любовь, не получилась! Но шум, конечно, был. Утром местный ухажёр меня в щипцы и взял. Но, скажу я вам, девчушка тут ни при чём. Кто-то из больных наступал...

Представляю, как тебя намяли... - хихикнул Серёжа.

– Представляй, представляй! Сначала парень опохмелил меня дефицитнейшим там пивом, а потом аккуратно так, как бы невзначай, стал выведывать детали её реакции на мои ухаживания. Ну, тут уж я кое-что сообразил тоже. Хоть и был «под мухой», старался вовсю, чтобы он услышал то, что надо. «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке» сработало блестяще. Парень так одурел от счастья, что тут же записал меня в друзья и потащил на день рождения своего деда. Тот именно в этот счастливый день и родился. А я рос среди людей разных национальностей и совершенно не обратил внимания на то, что и девчушка, и парень, и всё население этого Бала-Топара – немцы. Э-эх, детство тяжёлое, но золотое, да интернациональное! Моя соседка справа – немка Лидия Яковлевна Мерц – была добрейшей души женщина. А после неё Геберт Эмма – тоже заботу проявляла к сироте... Я без матери рос... Другая соседка, слева, – казашка Салыкбаева (я её звал просто «Апа») – всё время держала для меня что-нибудь вкусненькое, хотя и дети свои были и внуки и бедность жуткая... Филимон Иванович... Такой человек!.. Всегда приглашал в свой сказочный мичуринский сад, и там я тоже мог есть что угодно и от пуза. И никакого хохляцкого куркульства в нём не было, хотя он и был украинец! А турок – дедушка Ризо, который всех детей катал на своём ишачке? А чеченец дядя Вася – самый сильный защитник несправедливо обиженных? Вот кому памятники нужно ставить, да не простые, а чтоб до Бога доставали!

– Что-то тебя всё время не в ту сторону заносит, – недовольно буркнул Серёжа. – Ближе к евреям!

– Да причём тут евреи? Что за особый интерес к ним. И самые талантливые они, и самые поганые... Чушь! Так же, как и русские вроде бы и самые хлебосольные и самые добрые. Я, например, этому парню-немцу больше доверял, чем заведующей Бала-топарской больницей. Хотя она, как и Васька Прощай в Кара-Беке, была единственной русской в этом посёлке. Так

вот, хоть и русская, а сволочь не меньшая, чем тот. А может, и большая. За каждую ерунду тянула баранов, пушнину. С бедных, богатых без разбора! И каких только взяток ей не тащили! Чем больше приносили, тем больше в ней совести и просыпалось. Бывало, вся пробуждалась. Тогда “дохтур” выписывала направление в райбольницу, а иногда и в саму Алма-Ату. Я подозреваю, что она не только не умела лечить, но и не хотела уметь. Она больных ненавидела! Да что там больных – всех людей! Говорили, что её из Алма-Аты выбросили на этот Клондайк за какой-то жуткий абортный криминал. Она и меня хотела приобщить к поборам, чтоб рефлекс в народе не ослабевал, но я быстро смылся в Кара-Бек... В общем, тут тоже всё произошло быстро. По тому же приблизительно сценарию, что и в Кара-Беке. Где-то в середине торжества, когда я прибавил к пиву несколько рюмок того же самого «арака», это и началось. Рядом с именинником стоял телевизор. Шла военная картина с воздушными боями. И вот именинник, очень возбудился от этого исторического рёва моторов. Он вдруг вскочил и начал спорить о достоинствах лётной техники третьего Рейха и недостатках советской. То на русском, то на немецком языке... «Фокке вульф» – зер гуд! – кричал он. – «Мессершмитт» – во! Я летал! Я знаю!.. А «Як» и «Ил» – консервный банка! Панка!..». И всё остальное по-немецки. И только я хотел встать и сказать, что и то и другое друг друга стоит, как дедуля ткнул в меня пальцем и, истерически завизжав что-то вроде «Юде-е! Жид!», сдёрнул со стены охотничью двустволку и пальнул в меня двумя зарядами картечи для диких кабанов. Как он промазал – не знаю! Наверное специально. Внучок рассказывал потом, что по меткости ему не было равных в посёлке. В общем, всё завертелось как накануне. На именинника навалились, а меня в один миг, как куль, сволокли в газик директора совхоза. Внучок на нём шоферил. Он и спрятал меня у себя дома на шикарной русской печке, блистающей немецкой чистотой и аккуратностью кафельной отделки. Культура – есть культура! Умеют немцы окружающую среду облагородить! Через некоторое время – «Бабах! Бабах!..» – начало грохотать то в одном конце посёлка, то в другом. Это престарелый, но могучий как дуб тевтонец, так же, как парень из отгона, разбросал всех своих родичей и знакомых и, бегая по посёлку, пулял в воздух, уничтожая в моём лице всех евреев на все века вперёд...

А утром, ещё более счастливый, чем вчера, внучок тайно подвёз меня к бухгалтерии совхоза, где я тут же получил расчет и отметку в командировочном удостоверении, и ещё через каких-то три часа уже летел в Алма-Ату на премилой отечественной консервной банке «кукурузника».

– Мда-а! – протянул Аполлон и встал. – Надо пойти помочь ребятам костёр сложить.

– Вы идите, а я отнесу пустые пузыри на кухню... – торопливо проговорил Серёжа, и его глаза вспыхнули неистребимой алкогольной похотью...

НЕ ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

(конец того же дня)

К вечеру всё было сделано на высшем уровне, но... костёр не удался. И не только для

старшеклассников. Малыши и пионеры тоже без особого энтузиазма попели, поплясали вокруг него и ушли спать.

Праздника победы не получилось!

Вместо него наступила реакция и какое-то тяжёлое отупение.

Уже где-то в одиннадцатом часу почти весь лагерь спал. Правда, несколько комсомольцев сидели с гитарой у мерцающих углей, а Аполлон, Федя и Света плавали в бассейне, но это было больше похоже на дежурство, чем на торжество.

– Уф-ф!..- отфыркивался директор. – Хорошо!.. Терпеть не могу это стадное и безликое понятие – коллектив! Уважаю слово «компания»! А ещё лучше – тет-а-тет! Ай-я-я-я-й, тет-а-тет-компания!..

– Фен, вылазь! Ты уже синий! – выкрикнула Света и, выйдя из бассейна, запрыгала на одной ноге, вытряхивая воду из уха.

– Я не синий, я – вечно зелёный! «Я водяной, я водяной! Никто не водится со мной!» – громко запел Федя.

Из темноты прямо под свет фонаря выпал и закачался Серёжа. Он очень характерно ковырял щепкой в зубах и быстро и радостно бормотал что-то и хихикал.

– Недолго музыка играла! Недолго фраер танцевал! – беззлобно буркнул Аполлон и полез из бассейна навстречу Чайке-Трезвяку. – Садись, а то, не дай Бог, канешь!

– Я? Хи-хи-хи-хи!.. Ни-ког-да! Ик!..

– «Ну что со мной водиться, когда в башке водица!..» – продолжал самозабвенно петь Федя.

Растерев свои телеса полотенцами, Света и Аполлон включили кассетник и, разогреваясь, запрыгали в танце вокруг бассейна. Серёжа тоже попробовал сделать несколько танцевальных движений, но споткнулся и бухнулся... слава богу, на скамейку! Их у бассейна стояло две, и на одной сидел Микес, а на другой – Кемский Володя, необузданный холерик с косой саженью в плечах. Он приехал в гости к ребятам на костерок и за вечер уже успел на шуметь предостаточно. Володя со всеми вступал в споры и дискуссии и сыпал такой сушёной книжной терминологией, что оппоненты только что замертво не валились. В конце концов его свели с Юрой, и тот грудью встал на защиту покоя и отдыха друзей. Минуту назад между ним и Кемским закончился очередной раунд жаркой политической дискуссии. Набывчившись и ещё продолжая что-то бурчать себе под нос, Кемский медленно остывал.

– Чё не поделили, вундер-кинды? – икнул Трезвяк.

– Капитализм и коммунизм! – буркнул Кемский.

– Чё-ё? – удивился Серёжа. – Он же это... Неизбежен!..

– Кто? – встрепенулся Володя.

– Ну, этот... чтоб его!.. Коммунизм!

– Во! Слышишь, Микельбанд?

– Слышу, Кемский, слышу! Неизбежно только то, что все мы дуба дадим!..

– Да ты Маркса читал? Или Энгельса? Ты же неграмотный! А ещё о чём-то вякать пытаешься!..

– А ты жрёшь, что тебе подсовывают, и думаешь, что другого на свете нет, не было и не должно быть. Твой марксизм-ленинизм – религия!

– Чё-ё? – очень удивился Володя.

В философском кружке при библиотеке, который он уже с год аккуратно посещал, о противниках марксизма-ленинизма особенно не распространялись.

– Ты же, кроме бумаги, ни черта не видишь, – продолжал Микес. – А я вот смотрю вокруг и без всяких твоих фолиантов вижу, чё почём.

– Чё ты видишь, чё? Это же перегибы! Извращения! Это ерунда! – закричал Кемский и вскочил. – Ну, я тебя сейчас задавлю!.. Ну, задавлю!..

– У тебя чё... мам-ку отняли? – отшатнулся Трезвяк.

– Типичный марксист! – сплюнул Микес.

Федя подплыл к стенке бассейна и с любопытством приготовился внимать очередному раунду гигантов юношеской мысли.

Аполлон краем уха тоже прислушивался к диспуту.

– Успокойся, Володя! – не переставая плясать, выкрикнул он. – Я тоже на сегодняшний исторический момент не верю в перспективу того, что получилось. Но если всех нас передавишь – с тоски помрешь!

На Володю стало жалко смотреть. Он явно не ожидал такого подвоха от взрослого.

– Да что ты расстроился-то сразу? – поспешил ободрить верующего Аполлон. – Вот Фёдор Петрович, например, верит в почти то же, что и ты...

– Да? – так же резко обрадовался Володя. – А во что вы верите? В капитализм?

– В ЧЕЛОВИЗМ!

– Мощно сказано! – щёлкнул языком Микес.

– Не мной первым, не мной...

– Чё дают? – раздалось из темноты, и несколько ребят и девушек во главе с Мариной расселись на скамейках.

Света выключила магнитофон и тоже села. Федя наконец-то застучал зубами и полез из бассейна. Сейчас же его место занял Скоблов. Он скинул с себя летнюю мелочь, спустился в бассейн по лесенке и, отфыркиваясь, мощно поплыл по кругу.

– Веру дают! По штуке в одни руки! – съязвил Микес. – Вот вы, комсомольцы Ленинского района города Алма-Аты, – во что вы верите?

– В справедливость! – весело и дружно откликнулись почти все.

– Ну, значит, мы одной веры – вы и я! – усмехнулся Аполлон.

– И я тоже-э-э! – стуча зубами, присоединился Федя.

– И я! – кивнули Микес и Кемский.

– Вот видите – у всех у нас есть общие точки отсчета. Вот от них и надо плясать! Ещё вопросы есть?

– Есть! – упрямо боднул головой Володя. – Может быть, вы ещё и скажете, что партия не нужна?

– Конечно! – радостно заорал Андросик-старший.

– Ой, ребята, загремлю я с вами... Впрочем, уже загремела... Из комсомола меня теперь точно турнут... – устало сказала Марина.

– Не загремите, Марина Марсовна! Мы вас не предадим!..

– Да разве в этом дело... Я же вас не этому учила... Я вас думать учила!

– А мы что делаем? – спокойно продолжил Андросик-старший. – Что она, эта коммунистическая партия, производит? Бюрократию, насилие, бардак и разруху! Так на чёрта нам такой авангард! Вообще, я как-то сравнивал фашистский аппарат и наш – похоже! Потрясающе похоже! Там тоже однопартийность и отсюда нетерпимость к инакомыслию. А уже отсюда и геноцид...

– Да вы что?.. Вы что?.. – совершенно ошарашено запричитал Володя и начал пятиться.

– А что, интересный разговор получается! – загорелся Федя. – Что ты так кипятишься? Если надо будет, они всей грудью на вражеские пулемёты лягут. Не дай бог, конечно...

– Они?.. Лягут?.. Комсомольский штаб!.. Ужас!.. Фёдор Петрович, я не могу такое слышать! Не могу!..

И Кемский заплакал.

– Такой здоровый, а телок телком, – безжалостно бросила Стернина, – Что ж ты приехал к нам в гости – «Зиг хайль!» кричать? Или мордой в затылок фыркать и чувствовать себя Гераклом?

– «Зиг хайль»?.. Да как же это можно?.. Да на вас...

– Настучать надо, Володенька, настучать! – очень жёстко и назидательно подсказала Аня.

– Да... да... Да я сейчас утоплюсь! – взвизгнул Кемский и, как был в одежде, бухнулся в бассейн.

Некоторое время все занимались принудительными спасательными работами и диспут приостановился. Шум у бассейна поднялся такой, что сидевшие у потухшего костра тоже присоединились к компании.

– Ох, Володенька, и дитя же ты!.. – испуганно причитали Марина и Света, отпаивая Кемского минералкой. – И вы тоже... Разорались!..

– Нужна партия, Вовка, нужна. Выигрышная! Истина – результат! – смеялся Аполлон. – И не одна, а сколько потребуется! С постоянной оппозицией! Люди группируются по интересам, и это природно оправдано. Только Бог творит в одиночку! И то это гипотеза... -

Он вместе с Федей массировал левую ногу Кемского, как будто специально для символики сведённую судорогой.

– Даже в походе... если двое идут... один берёт на себя руководство... Ну, решения принимает – направо или налево идти... Но это должен делать тот, кто опытнее и маршрут лучше знает, или положение безвыходное, а не просто так... по прихоти и гонору. Или чтоб в панику не ударились... Расслабляйся, расслабляйся! Поход закончился – и роль партии того, кто вёл, закончилась. Следующий поход – новый лоцман у руля. Новая партия... И потом, что это ты испугался? Это можно – это нельзя... Всё можно! Всё! Если это не вредит тебе и ближнему твоему!

– Правильно! Нет ни запретных мыслей, ни слов, ни действий, – поддержал друга Федя. – И не надо ничего искусственно вздрючивать, а если что-то естественно возникло – тушить. Надо слушать голос природы, а не голос очередного зануды, каким в данном случае оказался ты. И вообще, социализм – это крыша, еда, тепло, одежда, обучение и здравоохранение для всех, всегда и в любой точке пространства.

– Да всё понятно! – усмехнулся Аполлон.

– Нет, не всё! – упрямо боднул головой Федя. – Социализм – это гарантированная социальная защищённость тебя как биологической и потенциально творческой сущности, а коммунизм – это когда все друг другу доверяют и не паразитируют! И если даже только двое друг другу доверяют, то у них – коммунизм. Потому что это такой психологический

комфорт, при котором и ты и все, кто вокруг максимально совершенствуются. И никакой классовой борьбы! Ничего подобного! Это же политический шовинизм!

– Бедный Корчагин... – уже спокойнее пробурчал Кемский и пошевелил пальцами левой ноги, в которой боль уже прошла. – Посмотрел бы он на вас...

– Я думаю, что мы бы с ним нашли общий язык, – усмехнулся Юра. – Он был на своём месте – мы на своём. Вот только формулу его я бы по-своему изложил...

– Ну-ка, ну-ка, Микес! – закричали ребята, очень довольные произошедшим.

– Чтобы, умирая, мог сказать: в каждом случае, в каждую минуту, при том уме, который был у меня в ту минуту, я сделал всё, что мог, для достижения данной конкретно-полезной цели!

– Bravo, Микес! Bravo-o! – заорали добры молодцы и красны девицы.

– Тише вы! Лагерь спит! – шикнул Аполлон и неожиданно очень жёстко добавил: – Горлопаны вы ещё! Добиться свободы – полдела. Надо ещё уметь ею пользоваться. Чтобы твоя свобода не ограничивала свободу другого. И всегда быть интеллигентом. Особенно в конфликтах. Интеллигентом, понимаете? А интеллигент, он же культурный человек, – это доброта, тактичность, вежливость, деликатность, порядочность и, главное, – личная ответственность!

– Так мы... – начал Скоблов.

– Пока ещё, в основном, – хамло! – беспощадно оборвал Аполлон и, сказав, что хочет побыть в одиночестве хотя бы минут пять, пошёл в сторону арки.

У бассейна стало тихо.

Очень тихо...

ФАНТАСМАГОРИИ

(ночь того же дня)

Выйдя за территорию лагеря, Аполлон прошёл к дачам и присел на скамейку у одной из них.

– Не меня ли ждёшь, молодой, красивый? – раздался очень знакомый голос, и очаровательная почти юная особа присела рядом.

– Да нет... бессонница что-то...

– Ещё бы! Такую победу спиногрызам устроил! Не люблю я старшаков. Маленькие гораздо более мяконики! – сказала красавица и рассмеялась растерянности и смятению, с которыми герой уставился на неё.

– Не может быть... Вы так похожи на одну знакомую... Правда, я видел её в таком возрасте только на фотографиях...

– А теперь и в натуральном виде! Угадал! Молодец! – рассмеялась красавица. – Здесь все, кто задержался вроде как на перевалочной базе – в том возрасте, в каком они себя ощущали там или хотели ощущать.

– Где «там»? – ещё больше растерялся герой и похолодел от догадки.

– Не пугайся – наяву! А тут я в твоём сне. Я же обещала, что мы ещё встретимся, – вот и здравствуй!

– А-а! Ну, тогда понятно. Где ж это я успел заснуть? – уже спокойнее сказал герой.

– Всё там же! – кивнула в сторону лагеря бывшая Клавдия Ивановна, а теперь просто Клава. – Заснул там – у арки в беседке, а оказался тут! Без мук и страданий! Ты же знаешь, что лечебный сон – моя основная специализация! Правда, как сказал твой дружок, и на старуху бывает проруха: пыталась я лечить вашего Чайку-Трезвяка от алкоголизма, но не получилось. Теперь-то вижу, что не случайно. Постоянно привычно пьяный он какой никакой, но похож на человека, а если окончательно протрезвеет, то ещё неизвестно какое мурло из него полезет...

– Да-а? А я и не знал...

– Откуда же тебе знать, если это его сон, а не твой. Но тебя я сегодня лечить не буду. И маме твоей моя помощь тоже не нужна. А мне твоя не помешает... Я тебе уже говорила, но ты не расслышал: с мамой твоей всё в порядке! И не только потому, что здесь и там, где она сейчас, никто ничем не болеет. А вот я на распутье... Кто бы мог подумать, что... А, ладно! Для вас эта информация преждевременна. Давай, помогай! Сегодня будем лечить аборигенов. Пошлю им через твой сон свой последний привет. Такую заразу подхватили – хуже сифилиса! Подключайся, подключайся! У тебя ведь тоже впечатление от их национального самосознания весьма и весьма...

– Да уж!

– Ну вот. Я знала, с кем кооперироваться, – обрадовалась красавица. – Поиграем во что-то вроде “Братья-казахи, их охи и ахи!”

– Как-то неудобно теперь вас на вы называть...

– На ты, на ты! Конечно же, на ты! Я же младше тебя лет на десять! – рассмеялась Клавдия Ивановна и окончательно стала Клавой.

– Ну что ж! Действительно - наболело! Но как-то шовинистически звучит. Сразу напрашивается «старший брат и младший брат». Хотя, что в этом плохого, если они друг друга поддерживают? Давайте нейтрально... Вот! “Все беды от женщин!”. У меня на эту тему даже кое-какие заготовки есть... – загорелся герой.

– А почему не победы? – лукаво улыбнулась Клава.

– Потому что и ваши беды иногда – ваши славные победы! Но учти – я режиссёр-диктатор. Да и потом – это мой сон или не мой?

– Твой, твой! Мой зачин, а сон – твой! – успокоила Клава, и тут же за её спиной раздалось “Ой-бой!”.

Прямо через скамейку перепрыгнула уже сильно немолодая морщинистая кукла-мужик в полный человеческий рост и с домброй. Нахально расположившись между Клавой и Аполлоном, кукла-мужик лихо отбацила проигрыш и запела на мотив популярной некогда интернациональной песенки “Шестнадцать девушек”:

О Аллах, на беду создал ты женщин!

Из-за них мой доход сильно уменьшен!

Алименты платить – это не шутка!

Как я, бедный, страдаю от этого жютко!

У меня не гарем

И зарплата, как всем.

Обносился совсем.

Что попало я ем.

Провинился я чем?

Был бы я писатель – написал,

Как я их любил и как страдал.

Никого не крал, не обижал.

Уголовный кодекс уважал.

И за что Аллах покарал?

Я же своё-ё-ё... счастье искал!

Кукла подскочила, упала обратно на скамейку и, бурно пробренчав проигрыш, опять закатилась:

Я плачу, я плачу-у-у Карлыгашке!

Я плачу Зульфие-е-е и Наташке!

А за что? Нету чи-и-истой рубашки!

В голове завели-и-ися букашки!

Хлопнув себя по голове, кукла остервенело зачесалась. Страшно вращая глазами, она выковыряла бутафорски огромную шевелящуюся вошь и, с криком “У-у, зараза!”, бросила её Аполлону, после чего как ни в чём не бывало продолжила:

Убежал я на БАМ –

Отыскали и там!

И не знаю я сам,

Что ещё нужно вам?

Пью уже `по утрам!

Ах, от этих женщин не сбежать!

Норовят, как липку, общипать!

Если б только наперёд всё знать,

Разве стал бы их я обнимать...

Мимо скамейки, стреляя глазами и соблазнительно покачивая невероятными бёдрами, прошла такая же как и певун кукла-красотка. Домбриста как током ударило. Отвесив челюсть и вытянув тонкую морщинистую шею, он заморожено проводил взглядом красотку и жалобно заблеял:

Ой, не в силах я себя сдержива-а-ать...

Ещё ра-а-а-аз попробую опять!..

Домбра загудела-заиграла и, подпрыгивая, как конь в галопе, кукла-мужик ускакал вслед за куклой-красоткой.

– Дзинь! – брякнуло колокольчиком, и я материализовался рядом с героями.

– Дзынь! – звякнуло ещё раз, и материализовался двойник.

– Дзинь! – мелодично пропело в третий раз, и на бывшем месте домбриста – то есть на скамейке между героями – появился Сеня в поварском наряде и с качаном капусты в одной руке и огромным ножом в другой.

Размахивая капустой и ножом, он тут же вскочил и нервно-весело продекламировал:

Доброе утро, страна!

Получай подзатыльники!

Эх, послать бы всех на!..

Да нельзя – собутыльники!

– Замечательно! Как раз к теме! – рассмеялась Клава.

– Это наши повара. Готовят... – начал было объяснять Аполлон, но Клава прервала его:

– Можешь не продолжать! Как эти двое готовят – я в курсе. Они и нас с тобой приготовили, и ещё кое-кого, а вот как ШЕФ в этом участвовал, и вообще, как ОН кашу варит, хотя почти всё время вроде бы в этом мальце дрыхнет, – это для меня и сейчас загадка!

– А что тут загадочного? – сказал Сеня, теперь уже не сильно удивившийся возникшей ситуации. – Берёшь крупу...

– Подожди, подожди! – прервала Клава. – Твои высочайшие профессиональные способности всем известны. Я про того, который сейчас через тебя загружает новую программу. Вон какая спираль закручивается! Ой-ё-ё-ё-ёй!.. Чистый торнадо! Молитесь, голубчики! Может быть, и пронесёт!..

Шквальный порыв ветра подхватил нас и героев и, взметнув вверх, закружил в бешеном хороводе.

– Вот видишь! – прокричал я двойнику. – Наши герои не только нас обскакали, но и друг у друга подпитались!

– Флаг им в руки! – сквозь рёв стихии отозвался двойник. – Наше дело – запустить, а их – жить и творить!

– Ай, молодца-а! – пролетая мимо и хватая меня за ногу, одобрила Клава. – Не все авторы – самодовольные идиоты!

– Конечно, – несмотря на атмосферную жуть, рассмеялся я. – Есть и не самодовольные. Но некоторые не стоят и крохи того, что творят!

– Вот-вот! – поймав мою левую руку, подхватил двойник. – И нет цифры “два”, а есть только “один” и “ноль”!

– Правильно! – повиснув на моей правой ноге, выкрикнула Клава. – Биологическо-космический компьютер!..

Сеня хоть и пообвыкся немного со своим положением, которое, так же как и мы, соотнёс в пользу собственного сна, но всё равно, кувыркаясь, слушал, вытаращив глаза, и, кроме двух горизонтальных морщин, над его переносицей начали обозначаться две вертикальные.

– Хорошо живё-ём! – громовым мужским раскатом прокатилось прямо над нашими головами и тут же женским эхо ответило:

– Хорошо-о...

Мы взглянули вверх и оторопели. На нас падало что-то огромное и тёмное. Вспыхнул яркий свет, и остановившаяся громада оказалась театральной величины и такой же умопомрачительной роскоши люстрой. Мы уже не парили, а, управляемые невероятно мощной силой, как марионетки танцевали прямо в воздухе над огромным, как дом, самоваром, стоящим на круглом низеньком столе величиной с четверть футбольного поля. Дачный пейзаж исчез, а сверху и вокруг ниспадал стадионных размеров купол юрты, задрапированный сверху донизу коврами, на которых были навешаны огромнейшие иконы, старинные сабли, пистолеты, кортики, тициановская Венера в массивной золотой раме, картинные абстракции и авангард, ритуальные маски и скульптурки и так далее и тому подобное. За столом сидели и, чинно чмокая, тянули через коктейльные трубочки чай из огромных кисюшек (чашек в виде полушарий) заплывшие жиром очень важные гротесковые куклы – кукла-мужчина и кукла-женщина. На мужчине был надет явно не по размеру узкий экзотический халат, а женщина была вся в золоте, бриллиантах, изумрудах, рубинах и тому подобных массивных ювелирных изделиях. Сложив ноги калачиком, они сидели... нет, не на кошке или ковре, а прямо на голой земле, да ещё и не просто на земле, а в грязевой жиже.

– Раз! Два! Три – на носочки! Раз! Два! Три – на носочки! Раз! Два! Три – покружились, трахнули и разошлись! Нет, не трахнули, а как-то по-другому... – сквозь рёв стихии прорезался голос дырки от бублика.

– Шпокнули, шпокнули! – с трудом ворочая языком, подсказал двойник. – У кого-то дырка в голове, а у кого-то во весь рост!

– Да-да, – шпокнули! Да нет! Что вы меня путаете? Хлопнули! Хлопнули! Хлопнули и разошлись!..

Что-то тоже как-то не очень... Да ладно!.. Танцуйте, танцуйте! Иначе мне не справиться!..

Как сомнамбулы мы продолжили, и стихия наконец-то пошла на убыль. Где-то вдалеке послышались аккордеонные звуки, и теперь мы, становясь то полупрозрачными, то невидимыми, начали совершать знаменитые детские танцевальные переходы вокруг нижней части люстры.

– Вчера на базу французские парики завезли. Говорят, Людовика шестнадцатая. Взять? – пробулькал мужчина.

– Дорого? – спросила женщина.

– Дорого, – успокоил мужчину.

– Бери!

Некоторое время оба тянули из трубочек чай, а мы осваивались с новой ситуацией и обнаруживали, что можем видеть происходящее не только сверху и снизу, но и отовсюду! И если для нас это было не в новинку, то удивительно было то, что и Сеня с Аполлоном, а тем более Клава, тоже восприняли произошедшее как обычное и должное.

– Турпенбаевы в Италию собираются, – важно прогромыхал мужчина.

– Что? Эта жирная Брекекешка едет в Италию?

– Не переживай, не переживай! Вот достану Шаке то, что нужно Абеке, Абеке достанет то, что нужно Саке, Саке достанет то, что нужно там... – мужчина ткнул пальцем в потолок. – И тогда мы с тобой попадём в Бангладеш!

– А это далеко?

– Дальше, чем Италия.

– Тогда хорошо-о, – довольно протянула женщина, и тут же за юртой послышались приближающиеся громоподобные крики и причитания.

– Сын идёт! – обрадовался мужчина, и тут же в юрту вбежал и начал бегать по ней, весь в модных джинсовых лохмотьях, здоровенный оболтус-кукла со старым журналом “Новый фильм” в руке.

– Опять проигрался, – вздохнула мать.

– Не расстраивайся, сынок, не расстраивайся – деньги есть! – попытался успокоить отец, но сын только схватился за голову и ещё сильнее запричитал.

Мать покачала головой:

– Э-э! Экзамен провалил?

– Фу! Не расстраивайся, сынок, – деньги есть!

– Ой-вой-вой-вой!..

– С друзьями поругался!

– Ой-вой-вой-вой!..

– Ерунда! Всех купим!

– Дураки! Я женюсь!

– А!.. А!.. А!..

– Что такое?

– Тру... Трубочку проглотил... А!.. А!..

– На, заешь хлебом! Быстро! Быстро! У Турпенбаевых все так пьют и никто не давится! Сам с базы два ящика приволок...

– Пошло, пошло!..

– Ну и слава Аллаху! Раз пошло, значит выйдет, – сразу успокоилась мать и, с хрустом отодрав дощечку от стоящего рядом со столом ящика, вытащила новую трубочку и сунула её мужу. – Пей!

Оба тут же снова плюхнулись в родную грязь и воткнули трубочки в кисюшки.

– Ой-бой! Дураки! Я женюсь! – напомнил о себе сын.

– А!.. А!.. А!.. – опять закатился отец, но на этот раз мать успела поймать конец трубочки.

– Весь дефицит сожрать хочешь? Дай сюда! Женюсь-женюсь... Зачем так родителей пугать? На дочке Турпенбаевых?

– Фу-у!..

– На дочке Шакимбаевых?

– Тьфу!..

– Так на ком же?

– На не-ей! Тут же написано – Со-фи Ло-рен!

– Лоренбаева!

– Лорен! Лорен!

Отец пожал плечами и недоумённо протянул:

– Таковую не знаем...

– Ой-бой!.. – запричитала мамаша. – Сын Турпенбаевых женился на дочке ого-го кого, а мой тацит в дом неизвестно кого! Кто папа? Кто мама? Ты знаешь?

– Не знаю и знать не хочу! Я на ней женюсь, а не на них! – выкрикнул сын и истово обсыпал поцелуями журнальный портрет, после чего впился зубами в край журнала и, словно пёс, затеребил его.

– Смотри, какая страсть! – восхитилась мать.

– Какая страсть? Неизвестно чья дочь! А вдруг её родители без связей? Живут на зарплату! Что ты думаешь?

– Конечно, конечно! Любая захочет с нами породниться. Отец – заведующий базой! Мать... Да кто не знает твою мать! А ты? Студент института международной экономики!

– Слушай, не женись, а? Лучше я тебе новую машину куплю, – по-восточному быстро и хитро изменил тактику папаша.

– Правильно, – обрадовалась мамаша.

– Да вы что, не поняли? Софу хочу! Софу-у!..

Журнал затрепыхался как бешеный, и сын без чувств повалился на колени отца.

– Ладно, ладно, – замахал тот руками. – Хочешь – получишь!

Мать подбежала и тоже замахала руками.

- Ой, мой мальчик! Ой, мой дорогой! Всё в наших руках! Всё!..
- Дай, погляжу! – уже спокойнее сказал отец и взял журнал.
- Платье на ней импортное, – заметила мамаша.
- Не-ет, наше!
- Да? Действительно... Простенькое... Ну ладно. Для начала устроишь её продавцом. А там, заочно, в институт торговли. Высшее образование будет. Квартиру купим...
- Купим, купим!
- И обстановку. . .
- Пока заберут это, – величественно обвёл пальцем вокруг отец.
- Да-да! А мы себе с Бангладешу всё новое привезём!
- Свадьбу будем играть в горах. Весь Чимбулак откуплю.
- Правильно! Утрём нос Турпенбаевым?
- Утрём! Ещё как утрём! Все начальники за столами будут. Самого приглашу!
- А приедет?
- Приедет! Я достану Шаке то, что нужно Абеке, Абеке достанет то, что нужно Саке, Саке достанет то, что нужно Самому – и он приедет.
- Колени папаши затряслись от смеха отпрыска.
- Смотри, как смеётся, а?
- Хорошо смеётся! Повеселел мальчик!
- Да? В общем так! Мы согласны. Веди Софу!
- Хи-хи-хи-хи! Дураки! Совсем дураки! Она же в Италии живёт!
- Почему в Италии? Моя невестка в Италии?
- Болтуны! Жениться хочу! Жениться! Софу хочу! Софу! Софу-у!
- Молчать! – громыхнул по столу кулаком папаша. – Сказал «достану!» – значит достану! Подумаешь, Италия! Турпенбаевы туда едут. Достану Турпенбаихе Людовику шестнадцатую!

– Как? Этой жирной Брекекешке тоже Людовику?

– Цыть! Достану!

– Достань, достань, – обрадовался сын.

– И достану! А они мне за Людовику шестнадцатую Софу привезут!..

Сын и мать впились в щёки отца, от чего тот ещё больше выпрямился и надулся. Из-под столика с шипением начали вылетать ракеты фейерверка и расцветать под куполом юрты во всю свою мощь. Вслед за ними, чавкая, пузырясь и гейзерно брызгая, с земли поднялась слишком потревоженная грязь. Вот она уже залила столик, вот добралась до колен героев, которые, ничего не замечая, обнимались в разноцветно-праздничном сиянии, обливаясь слезами радости и взаимного умиления. И вот грязь заполнила всё пространство, и, наконец, наступила полная темнота, где ещё какое-то время метались красно-сине-зелёные всполохи.

Аккордеон совершил виртуозный пассаж и смолк.

– Ну, чего притихли? Ваше это, ваше! Я только зашкалы корректирую! – опять раздался голос дырки от бублика.

– А где тогда апофеоз оркестра Курмангазы? – ответил голос Аполлона.

– Да заело что-то... – ответил уже Клавин голос, и тут же в полную громкость обрушилась музыкальная байга (скачка).

– Хватит! Хватит! – закричал Сеня, и наступила тишина. – Кто-нибудь включит свет?

– Кто же, кроме тебя? – удивилась Клава.

– А я-то тут причём? Я повар, а не электрик.

– Ох, вы, Сени, мои Сени! Кто же тебе говорит, что ты электрик? Но сейчас ты не только повар... – сказала Клава.

– Тем более что моя сценка уже на выходе, – добавил Аполлон.

– “Без женщин жить нельзя на свете, нет! В них солнце мая, в них любви расцвет!” – тут же грянуло по-мужски напористо и очень музыкально.

– “Тут – нежный взгляд, признание – там. Как солнца луч, приятны нам...” – присоединились женские голоса и музыкальное сопровождение.

– Ни черта не видно... Свет! – крикнул Сеня, и прожектора всех цветов и оттенков ударили со всех сторон.

В клубах разноцветного пара не на сцене, а прямо в пространстве плясали и пели не герои оперетты Имре Кальмана, а полный состав киносъёмочной камарильи. Операторы

пританцовывали с камерами, режиссёр и его помощник со сценариями, осветители с “юпитерами”, гримёры и визажисты с зеркалами и своими атрибутами и так далее и так далее.

Неожиданно музыка оборвалась, и все замерли. Зато сразу стало видно, что это тоже куклы, но... Нет, в это трудно было поверить: физиономии у них были наши и наших героев. Режиссёром был Аполлон, его помощником – Сеня, операторами – я и двойник, осветителями – Наум Аркадьевич, Федя и Абрам Моисеевич, гримёрами – Соломон Израилевич и...

Да нет смысла перечислять всех, тем более что, кроме основных действующих лиц и персонала, была ещё и массовка, где кто только не мелькал. Но даже не это было самым поразительным. Самым поразительным было то, что все мы были казахами. Наши лица и лица наших героев были и собственными, и одновременно карикатурно монголоидными.

И тут грянули вступительные такты арии барона Баринкая из “Цыганского барона”. Вся съёмочная группа, пританцовывая и распевая в новом ритме, окружила режиссёра, который вальсировал и прижимал к груди сценарий.

РЕЖИССЁР:

Классный я режиссёр!

ВСЕ:

Режиссёр!

РЕЖИССЁР:

У меня глаз остёр.

ВСЕ:

Ох, остёр!

РЕЖИССЁР:

Отсниму я сюжет.

ВСЕ:

Да, сюжет!

РЕЖИССЁР:

Удивлю-ю им весь свет.

ВСЕ:

Весь свет!
Наконец-то! Ура!

РЕЖИССЁР:

Урра!

ВСЕ:

Час наш пробил. Пора!

РЕЖИССЁР:

Порра!

ВСЕ:

Создадим мы шедевр.

РЕЖИССЁР:

Шедевр!

ВСЕ:

Для потомков пример!

Со смехом из цветного тумана выбежали три крашенные красотки: шатенка, брюнетка и блондинка. Все восхищённо расступились.

РЕЖИССЁР:

Девочки, вы к кому?

КРАСОТКИ:

К вам! Хи-хи-хи-хи-хи!

Зазвучали вступительные такты арии Раджая из оперетты Кальмана “Баядера”, и красотки, пританцовывая и напевая, начали наступать на режиссёра.

КРАСОТКИ:

У нас нету связей, и-мя нет.

Но зато талантов ви-не-грет:

Бюст и всё тако-е...

И кой-что друго-е...

Можем станцевать и спеть куплет.

Красотки застыли в самых соблазнительных позах.

РЕЖИССЁР:

Ах, какие крошки!

ПОМОЩНИК:

О-бал-деть!

РЕЖИССЁР:

Крупным планом ножки

В кадр на-меть.

Помощник подскочил к операторам и вместе с ними выполнил манипуляции с камерами, а режиссёр обежал красоток со всех сторон и, как бы по делу, погладил их, от чего те крупно задрожали.

РЕЖИССЁР:

Всякое такое...

И кой-что другое...

Тут уже режиссёр не выдержал и в поцелуе присосался к одной из красоток, которая сразу же ответила взаимностью. Оставшиеся две возмущённо вскрикнули и впились в поцелуе в правую и левую щеку режиссёра. Первая красотка начала их отпинывать, а режиссёр, задыхаясь, отчаянно замахал руками.

ВСЕ:

Ах, какой он гений –

Жуть смотреть!..

Режиссёр, наконец, вырвался и, пьяно пошатываясь, вышел на передний план, а красотки со смехом убежали и растворились в клубах разноцветного пара.

РЕЖИССЁР:

О труд тяжёлый –

Геркулесу под стать!

ПОМОЩНИК:

Фильм будет новый –

Стоит только начать.

ВСЕ:

С тобой мы заодно.

Вмиг сляпаем кино.

В тебе искра таланта –

Нам то не дано!

РЕЖИССЁР (стирая помаду):

О труд тяжёлый –

Геркулесу под стать...

Медленно, как привидение, из клубов пара выплыла высоченная, худющая, с бледным прыщавым лицом девица – вылитая карикатурная казахская Клава. Она тыкнула носом прямо в режиссёра и заговорщицки подмигнула.

ДЕВИЦА:

Рр-режис-сёрр?

РЕЖИССЁР:

Я... я... я...

ДЕВИЦА:

Ти-хо! И-и...

Оркестр заиграл партию куплетов Нинон (“Карамболина”) из оперетты “Фиалка Монмартра” и девица тут же, растолкав всех и, безобразно танцуя, хрипло заголосила:

ДЕВИЦА:

Вам нужна на роль актриса – это буду я!

РЕЖИССЁР:

Это что за сон кошмарный среди дня!

ВСЕ:

Нет ни данных, ни таланта...

ДЕВИЦА:

Вхожа всюду я!

И попляшите ещё вы у меня.

Я по блату, по записочке,

А короче – про-тэ-жэ.

Я не ровня там какой-нибудь актрисочке!

РЕЖИССЁР:

Делать нечего – согласен я уже!

ВСЕ:

Да-а!

Делать нечего – согласен он уже!

Всё изменилось, как по мановению волшебной палочки. Все дружно запели и заплясали вокруг девицы и провели с ней ряд манипуляций, резко меняя её внешность.

ВСЕ:

Загримирuem! И наподадим!

ОПЕРАТОРЫ:

Другие ножки в кадр возьмем!

Помощник и режиссёр выволокли из пара отчаянно сопротивляющихся красоток и, манипулируя, сначала поменяли ноги девицы на ноги от разных красоток, а потом начали таким же манером менять и всё остальное.

РЕЖИССЁР:

Вот тут прикроем,

Вот тут пригладим...

Девица на мгновение исчезла в клубах пара и когда пар рассеялся, то это была уже не она, а собранная из частей тел красоток супермодель.

ВСЕ:

И голос дивный подберём.

РЕЖИССЁР:

Ох, подберём!

ДЕВИЦА:

Как здесь чудесно!

Как я прелестна!

Мне удивительно самой.

Пусть будут ножки

Вот этой крошки,

Но гонорар, гонорар

Конечно, мой!

ВСЕ:

Конечно, твой!

Пусть будут ножки

Вот этой крошки.

ДЕВИЦА:

Но гонорар...

ВСЕ:

Но гонорар, конечно, твой!

ДЕВИЦА:

Конечно, мой!

Как лавина, обрушилась увертюра к оперетте Жака Оффенбаха “Орфей в аду”, и все тут же начали остервенело танцевать канкан. Всё заволокло цветными и всё более багровоющими и темнеющими парами, и вскоре наступили полная темнота и тишина.

– Свет! Свет! – опять прозвучало откуда-то издалека, и уже сердито, но светлее не стало.

– Ох, вы, Сени, мои Сени! Кто же с такой злой интонацией свет включает? – так же где-то вдалеке прошелестел голос Клавы. – А ты тоже хорош. Такую роль мне отвесил.

– Я? Может, ты ещё скажешь, что наши рыла – моя задумка? – то приближаясь, то отдаляясь, прозвучал голос Аполлона.

– А чья же? Я точно знаю, что авторы это не ваяли. – Конечно! Нам-то это зачем? – сказал я. – Темно как в гробу...

– Представляешь, каково было Гоголю прийти в себя после того, как его закопали живьём, спящего, – отозвался двойник.

– Господи! Боже ты мой! Мама!.. – вскрикнул Аполлон.

– Прекрати! – оборвала Клава. – Навыдумывал на свою голову! Где ты слышал, чтобы от рака просто засыпали. А вы тоже мне – авторы! Садисты!

– Да это я так... к ситуации, – поспешил оправдаться двойник.

– Ой! Ой! А-а!.. – вдруг заголосил Сеня.

– Чего это он? – удивился я.

– Рожает! Господа Бога! Сейчас образы и подобия явятся! Процесс аяк талды! – выкрикнула Клава.

– Похоже, что ты поболее нас в курсе, – неожиданно совсем близко сказал двойник. – Может, ты ещё и в темноте видишь?

– А как же! И вижу, и знаю. Ну, чего орёшь, кулинар ты наш родимый? Уже родил! Вон «дырка» вылетела! О-па! Уже обезьянка...

– Фу-ух! Как будто бы от паразита отделался... – облегчённо вздохнул Сеня.

– Нашёл чему радоваться... О! Пошла картинка!.. Темнота посерела, и в каком-то особенно ярком свете звёзд стало отчётливо видно, как родная нашему сердцу обезьяна, чем-то очень похожим на лопату, с энергией кладоискателя рылась на линейке лагеря, прямо под мачтой с приспущенным флагом. Вот что-то звякнуло, и на лопате ржаво запрыгали геометрические фигуры треугольника и круга. За ними появились кресты, полумесяцы, скульптурки Будды и других индийских и неиндийских божков, ритуальные маски дикарей, иконы, пятиконечные, шестиконечные и восьмиконечные звёзды и многое другое подобное. Падая с лопаты, символы вспыхивали и становились чистыми и разноцветно радостными.

Последней с лопаты скатилась волосатая грязно-бурая фашистская свастика, которая перевернулась и, освободившись от шерсти, оказалась древним, вполне миролюбивым и сверкающим всеми цветами радуги символом вечного движения и света. Обезьяна воткнула лопату рядом с вырытыми обновлёнными сокровищами и, опершись на неё, взглянула на нас...

ЭЙФОРΙΑ

(день седьмой)

Утро было... Да-да – опять свежо и очаровательно! Птички, как им и было положено, щебетали, пчёлки жужжали, цветики цвели совершенно естественно и потому благолепно.

– Ну и абракадабра мне снилась! Сон во сне! Заснул и приснилось, что у арки опять заснул. И попал бог знает куда! – сетовал Аполлон, так как контраст между видениями и действительностью был разителен. – Наши повара – наши авторы, а мы – литературные герои. А поварёнок – автор наших авторов. То есть не сам он, а тот, кто был в нём. То есть... Да непонятно ни черта! И знаешь, кого я встретил? Клавдию Ивановну, но примерно двадцатилетнюю. Мы с ней представление закатывали. Представляешь – она мне про Бога рассказывала. И что он то обезьяна, то дырка, то человек, то вообще что-то неопишное и непонятное. И что из всех религий и верований дверь открывается одна и та же в одно и то же. И что наступит время, когда и человека не будет в том виде, в каком он сейчас. И бессмертие станет очевидным и непрерываемым никакими катаклизмами и жуткими смертельными переходами. И ничего не потеряется по качеству контакта с миром и влиянием на него, а наоборот, приумножится неограниченно. И перемещения на “тот свет” и в какие-то другие и обратно, а также перемещения по времени и в новые варианты его будут обычным и лёгким делом. И реинкарнирование будет таким же произвольным и демократичным, как и отключение и, включение памяти о предыдущих воплощениях. И мы будем мы, и будем всё время рядом с Богом и со всеми живущими до нас, как вот я сейчас с тобой, и сами будем Богами. И никакая гибель вселенной нам не будет страшна. Вселенных оказывается бесконечное множество. А создание новых и перемещения из одной в другую будет таким же обычным делом как перепланировка и постройка нового дома и переход из одного в другой, и... Да всего я и не помню. Такая жизнь – сказка! Только последний сон меня немного и отрезвил. Бегу я – тороплюсь в это будущее. И вдруг двое с повязками останавливают:

– По этой дороге нельзя! Иди в обход!

– Почему? – спрашиваю. – Другие же идут!

– Евреев не пропускаем! Только в обход!

– И хотя я вроде бы и не еврей, но всё равно обидно. Вон оно – будущее! Рукой подать! И не пускают! И, главное, сами-то эти мерзавцы очень характерно носатые... Как тебе это нравится, а? А недавно по радио слышу – выступает одна из последователей Порфирия

Иванова. Хорошее дело! Они голодают, с природой общаются и, главное, водой холодной обливаются! И, естественно, многие, кто не простывают, здороваются. Но как только она начала взхлёб кричать, что только вот так и должны все жить, а, ни в коем случае не иначе, мне скучно стало. Одному так полезно, другому как-то по-другому, а третьему, может быть, как раз и поболеть не мешает, чтобы боль других понять и кармические свои пёрышки почистить. А она – только так, и всё!

– А у меня всё про то же, – вздохнул Федя. – Сегодня снилось, что в мавзолее Ленина завелись духи. Духи великих революционеров. Днём они летают по Союзу, а вечером анализируют свои впечатления и организуют оппозицию по борьбе за власть Советов. Ну, чтобы опять советовались, а не комиссарили и диктаторствовали. Вроде Советы как вторая партия, но на руководящих постах, ни одного партийного. Все беспартийные. В общем – партия беспартийных! И, главное, – землю опять крестьянам, а не покойникам, власть – народу... Ну, те же лозунги, что и в семнадцатом! Представляешь – стоят солдатики у входа, а им навстречу – Феликс Эдмундович. Злой как фурия! И тут же – Блюхер, Тухачевский и Котовский с Кобой дискутируют во время возложения венков невинно замученным... А Ленин, так тот вообще всё время на валерианке. Самый крупный банкрот! Бледный как мел... Булгаковский сюжет! Развязочку бы ещё...

– Можно и развязочку, – оживился Аполлон. – Реалистическую! Постепенно духи начинают материализовываться, и тут-то они и гибнут окончательно. Живым им нет места в нашей действительности! А можно и в психушку их всех... Ну, это тебе виднее...

– Мда-а... Пора нам отсюда драпать!

– Этого ещё не хватало! Сейчас, может быть, только и начнётся настоящая жизнь. А вот растор мозиться нужно...

– Как он? – кивнул в сторону мертвецки пьяного Серёжи Федя.

– Деградируешь, брат, деградируешь! Надо делать даже не то, что получится отлично, а то, где ты будешь непревзойдённым! Разве нам его в его деле превзойти?

– Никогда!

– Вот! Сейчас возьмём Светланку, заедем за Катенькой или Юленькой – и на Медео к шашлычку. Свежий воздух, горы – и всё пройдёт, как сон, как утренний туман. Все кошмары – как рукой... Хватай кассетник, врубай Высоцкого – и по-шёл!

Аполлон вскочил, сделал стойку на руках, два сальто и, схватив полотенце, запрыгал с горы к умывальным агрегатам. Федя поставил кассету, лёжа прослушал куплет «Гимнастики» и выключил магнитофон. Бодрость не приходила. Когда умытый и побритый Аполлон вернулся, он так и продолжал смотреть в небо и поёживаться

У кого в пятнадцать лет

Друга искреннего нет,
К двадцати – красоток томных,
К тридцати – долгов огромных,
Положенья – к сорока,
А к пятидесяти – денег,
Тот валяет дурака
И порядочный бездельник!

– возмущённо продекламировал директор и сдёрнул с друга одеяло.

Короткая брешь закончилась победой сильнейшего.

Однако в Алма-Ату друзья поехали вдвоём.

– Раз твоя половинка не может, то я проявлю солидарность, – успокоил впавшего в уныние друга Аполлон. – И вообще, женщина на корабле...

– Да-а? – деланно удивился Федя и загробным голосом начал:

Вашу ложь не приемлю – я не лицемер.
Поклоняюсь я истине – лучшей из вер.
Я – один, но неверным меня не считайте,
Ибо истинной веры я первый пример!

– О! Гений возвращается в жизнь! – довольно отметил Аполлон.

– Да брось ты – «гений, гений»! Я гений среди удобрений! – уже живее сказал Федя и продекламировал дальше:

Не ставь при жизни памятник герою,

А лучше ставь, когда почил герой.

Не славь живого – ты убьешь живое.

Славь мертвого – он снова встанет в строй!

– Я знаю, что я говорю! – улыбнулся директор и ответил:

Щелкопёров на кладбище – бездна.

Не молитесь за них – бесполезно!

– Ты бы ещё про похороненных наушников вспомнил! – укоризненно сказал Федя.

– Правильно! И этих забывать нельзя:

Прохожий, лучше здесь не стой:

Доносчик спит под сей плитой!

– Мм-да... Помёрли эти шелкопёры и доносчики, потом опять родились где-нибудь, потом выросли, опять нагадили да намусорили, помёрли – и обратно всё по новой. И так без конца, – вздохнул Федя. – Судя по нашим гипотезам, некоторые так и бегают: в тупик – к перепутью, в тупик – к перепутью. Из века в век! И зачем им бессмертие? Это же с ума можно сойти от однообразия!

– Ничего! Побегают, сообразят чё почём и почему – и вперёд! Но в последних рядах! Мир так устроен. Тут и без Клавы можно догадаться. И то, что этот мир не последний и не первый, – сто процентов! Помнишь, в «Тысяча и одной ночи» одно подземное царство, второе, третье... И везде солнышко светит и травка растёт. Это же про другие измерения и другие жизни! Да и в русских сказках где-то я тоже что-то подобное читал про тридевятое и тридешатое царство. Да что сказки? Вспомни: в детстве – одни ценности, и они очень серьёзны и справедливы именно для детства, в отрочестве – другие, в зрелости – третьи, в старости – четвёртые. И мы совершенно разные существа, когда мы дети, подростки, взрослые и старики. То же, что и в остальной природе. Личинка – куколка – бабочка! Мы просто не замечаем этого, потому что переход плавный, а не, как смерть, резкий. А что это значит? Значит, и дальше блоки ценностей и форм нашего бытия будут меняться. То есть мы должны быть в принципе бессмертны. Как и весь мир. Не может быть по-другому. Это же

противоречит элементарной логике! А уж интуиции – тем более! Другой разговор, что движение – то есть жизнь – может развиваться как вперед, так и назад. Тут наш милый доктор прав – ей, если она бессознательная, всё равно. Лишь бы было движение. А раз так, то что?

– Не знаю. Ох, не знаю...

– Как? – возмущённо закричал Аполлон. – Как это не знаешь? Знаешь! Ещё как знаешь! Не притворяйся! Вперед! Только вперед! Сознательность-то уже есть! Назад – скучно! Это мы уже проходили! И, похоже, не один раз! Причём мешая Богу творить через нас себя!

– А мне и назад приятно... «Живут во мне воспоминания! Слова любви, слова признания!» – провокационно запел Федя, и Аполлон завёлся с ещё большей силой:

– Ну, не-ет! Нет! Можно, конечно, вспомнить, но чтобы ещё раз пережёвывать на этом же уровне возможностей... Не-ет! Ты уж как хочешь, а я только к тому движению, которое и есть Божественная сверхжизнь! Вне форм и воплощений! А вернее, в любой удобной для её реализации форме. Представляешь, какой манёвр! Свобода какая! А? Хочешь – в микрокосмос смотался, хочешь – в макрокосмос! А хочешь – опять с мамой любимой или с папой в этом воплощении посидел, побеседовал. Пожалуйста! Ради Бога! Между нашей теперешней и Божественной жизнью такая же разница, как между пешкой и ферзём. Но и шанс у любой пешки есть. Любая может стать ферзём! В этой книжечке, которую ты у детишек одолжил, очень неплохо про это сказано. Я просмотрел её с большим интересом.

– Вот-вот! Я её Абраму хочу показать. Мы с ним недавно на эту тему спорили.

– Ещё бы! Есть о чём поговорить. Тем более что философия – не только наука умирать, но скорее наука выживать и жить радостно. Иначе все бы уже вымерли, так как в кого ни ткни – философ!

– Кто его знает... Тяжко мне от этой философии. Муторно!

– Всем тяжело! Всем, кто думает, а не только жуёт. Потому что «Частица Бога в нас заключена подчас!». И никаких чертей! И как только мы врубаемся в это, так она и начинает расти. И давить! Ответственность давит! Ответственность! Думаешь, Бог только в тебе или в поварёнке нашем столуется? Да куда ни глянь – везде его часть. Вот когда-то Он в большей своей части и проявился в Христе. А для чего? Для чего?

– Не знаю. Я в религиях не очень... Вот... читаю... Федя похлопал себя по животу, на котором при тулилась заткнутая за пояс упомянутая книжечка.

– А кто очень? Я? Я ведь тоже читаю, но и собственный взгляд имею. В данном случае он, слава богу, кое в чём совпадает с авторским. Господи! Как же ты умудрился допустить такое обнуление и одебивание человека, уже научившегося складывать из букв слова? – совсем радостно возопил Аполлон и, истово прочитав «Отче наш», продолжил в почти что церковно-увещательном ключе: – Для того, сын мой, Бог проявился в Христе и исторически не только в нём, чтобы ещё раз попытаться открыть глаза нам на очевидное из очевидного – мы такая же, как и они, часть Его! С возможностью увеличения или

уменьшения. И, опять же, какое бы маленькое созидательное дело мы ни делали, но если мы его делаем максимально качественно и творчески, то всегда чувствуем причастность к Богу. А уникальность и неповторимость – это разве не Бог? Я думаю, Бог не что-то определенное, законченное, однообразное и никуда не движущееся, а именно многосоставное из неповторимого, уникального и всё время развивающегося. То есть – выбирай! Или ты – ничтожество, скотина и зверь, или – ЧЕЛОВЕК, что и есть в завершенности синоним Бога в этом земном воплощении! Сейчас! Сегодня! Тогда и завтра! Твои шансы у тебя в руках! Вот они! – закончил мысль герой и, опустив руль взметнул большой палец левой руки, а из того же пальца правой сконструировал фигу.

Оба рассмеялись.

Аполлон снова уронил руки на руль и запел:

Если ты весел и влюблён,
Пусть в косматых тучах небосклон,
И сверкают пусть молнии во мгле –
Весел ты и, значит, всё прекрасно на земле!

– «Пусть унылый дождь плачет на заре – весел ты и, значит, всё в порядке на земле!» – тут же подхватил Федя.

Руки гения заплясали в восточных выкрутасах, и оба бодро на два голоса продолжили:

Все нормально в жизни и в любви.
А беда нагрянет – «Се ля ви!».
Если за девчонкой бегал зря,
Разведи руками – «Ой-ла-ла!».
Хочешь быть счастливым – говори,
Что бы ни случилось, – «Се ля ви!».
И не прогадаешь, говоря
Кстати и не кстати – «Ой-ла-ла!»...

Дорога на Медео насколько живописна, нас-только и крута. Может быть, даже больше крута, чем живописна. Нет, всё-таки и живописна тоже! Тут вдруг горы, горы... ёлки... палки... Шутка, конечно, но, как вы уже заметили, автор описывать пейзажи особенно не рискует. Так что, если хотите насладиться красотами высокогорья, сами прокатитесь и насладитесь! Минут через... неважно сколько друзья закупили чудовищную грудку шашлыков и, расположившись прямо у скандально-громкой горной речушки, начали свою утреннюю трапезу. Хотелось бы сказать в интересах каждодневной правды, что шашлык был недожаренный и жилистый, но в данный момент было не так – он был на удивление мягкий и прожаренный.

– Ревизия у них, что ли? – подозрительно буркнул Федя.

– Какая тебе разница? Кушай!

– А может, это и не баранина?

– Да хоть кошатина! Лишь бы свежая!

– Ну да, стал бы ты есть...

– Вот и лопай! Остывает!

Еда не во вред, – утверждает Хуан, –
богатым, – когда позволяет желудок,
а бедным, – когда позволяет карман!

– Что-то тебя сегодня на испанском заклинило!

– А тебя – на возвращении к плохому настроению. Ты посмотри:

Какое небо голубое!

Какой вокруг тебя простор!

Как нежно солнце озорное

Нам луч свой посылает с гор!

Какой восторг в душе вскипает!

Как сердце рвётся из груди!

И счастье сердце наполняет,

И все несчастья позади!

Федя пнул какую-то бумажку и огляделся.

– Загадили Медео! – сказал он. – Куда ни ткни – мусор да проплешины. И так по всей стране... Курорт Боровое возьми... Такая антисанитария, что только благодаря сосновым фитонцидам там нет холеры и чумы... У нас своя Швейцария, талдычат. Да какая это Швейцария? Мусорная яма!

– «Ну что за кони мне попались при-ве-редли-вы-е-е!» – пропел Аполлон. – Не бери в голову! Ни Боровое, ни весь наш очень не советский Союз! Ну, хотя бы на сегодня! На сейчас! Когда-нибудь и здесь будет Швейцария.

– Мне-то что с того? Я же сейчас по уши в дерьме, и это моя жизнь! – подняв бумажку и неся её в урну, опять завёлся гений. – Не-ет, что-то не то... Не так всё! И не придёт ничего само собой... Швейцарцы соринку не бросят куда попало! И что это такое – «Плыви, мой чёлн, по воле волн!»? Мы что, парализованные? Да ты же только что примерно про это чирикал! Природа-то сбалансирует всё в конце концов. Скомпенсирует! Там, где была ямка, бугорок вырастет, но и бугорок будет не тот, и ямка ни к чему. Не вовремя! Всё будет, но нас не будет! Дорога ложка к обеду! – закончил Федя и демонстративно бросил ещё одну бумажку в урну.

– Ну, ты меня сразил! – развёл руками Аполлон. – Моё же мне, и в таком, до идиотизма, примитивном и банальном виде!

– Так ты посмотри! Посмотри, среди кого живём? Идиот на идиоте! Бандерлог на бандерлоге! Они же скоро опять только междометиями будут обмениваться. И жевать, жевать...

– Ну, зачем так шовинистически! Смотри, кто к нам идёт, – Наум Аркадьевич и Абрам Моисеевич! Разве они бандерлоги?

– Где? Где?.. А-а! На ловца и зверь бежит! Сейчас я задам жару! – обрадовался Федя и выхватил из-за пояса книжечку. – Со мной и с тобой Абраму спорить запросто, а вот пусть поспорит с ним – с Богом!

– С автором, с автором!

– У истины только один автор – Бог!

– Наума только шибко не возбуждай...

К друзьям действительно подходили вышеназванные, а вдалеке, прямо на тротуарном асфальте родня доктора, громко и весело вскрикивая, играла в бадминтон.

Федя лихорадочно залистал книжецу и, найдя нужное место, сразу же ткнул ею чуть ли не в лицо подошедшим.

– Смотрите и не говорите, что не видели и не слышали! Я сколько раз говорил про это, да и Поль тоже, но для некоторых – не убедительно. Потому что – не напечатано. А вот детишки нашли где-то это же, но напечатанное – и, пожалуйста! Младенцы-младенцами, а читают не только сказочки и дефективы. Вот... У меня тут заложено... «Мы живём в мире ошибок и иллюзий. Главное незримо для нас, а неглавное с назойливыми подробностями проникает в наши чувства и топит и дробит нас в себе. Буддизм и индуизм говорят о «майе» и «сансаре», Платон – о «пещере», Библия – о мире, покорёном «тлению». Это, во-первых! «Во-вторых, глубочайшая неправда состоит в том, что мы погружены в мир несвободы, в мир страдания. Это мир радикальной и всеобщей несвободы – мир страдательности («дукхи») и детерминизма («кармы»). В этом мире низшее (тело) властвует над высшим (душой). И ещё как властвует: Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю!».

– Опометайтесь, пан Теодор! Поздоровайтесь сначала, а потом пикируйте, – попытался охладить Федю Наум Аркадьевич.

– Не лезь! Тебя сегодня не трогают – и не лезь! – только отмахнулся гений.

– Да-а?..

Аполлон укоризненно хмыкнул и, раскланявшись, подхватил доктора и Абрама Моисеевича под руки и повёл их к ближайшей скамейке.

Не тут-то было!

Федя заскакивал то справа, то слева и сыпал прямо на ходу:

– «В-третьих, фундаментальная неправда состоит в том, что мы смертны. Отчего мы умираем? Смерти быть не должно!» – вот это главная боль всех религий. Человек выпал из бытия, из мира вечного, в котором нет... ни тени перемены, и впал в мир бывания. Здесь всё бывает, но ничего не есть. Это мир возникновения и ухода, созидания и распада. У Апостола Павла смерть именуется последним врагом. Отсюда – и его мольба: кто избавит меня от сего тела смерти? (Святой Григорий Пальма эти слова понимает как мольбу об избавлении от смерти сего тела). Понятно, что борьба со смертью должна быть не борьбой с её последствиями, а борьбой с её причинами... Причина же смерти – в том, что человек рождается в мире, в котором у смерти есть свои права. Не хочешь умирать? Что ж, докажи, что правомочность смерти не распространяется на тебя, что ты обладаешь экстерриториальностью перед лицом её домогательств. Предъяви в себе энергии иного Бытия. Это три боли: боль об ослеплённости, боль о несвободе и боль о смерти – суммируясь, порождают фундаментальный вопрос: «Что есть человек?». А! Как сказано!

Абрам Моисеевич приостановился и, терпеливо дослушав, пожал плечами и уселся рядом с Аполлоном и доктором.

– Да это ещё не всё! Вот главное! «Главная боль всех религий – почему мы не Боги? Почему человек так отличен от тех, кого он видит в Небесах, и в то же время так похож, родственен им? Фундаментальная религиозная идея – идея иерархичности бытия. Человек же – стоит на грани миров. Религии мира в изумлении взирают на человека: откуда взялся этот, так сказать, кентавр, соединивший дух и плоть? Почему в человеке есть Божественное начало и есть животное? Так вот призвание человека выражено святым Василием Великим в очень страшных словах. Святитель сказал, что человек – это животное, которое получило повеление стать Богом. Это страшные слова. Они страшны потому, что показывают – чего мы должны достигнуть. Сами мы добиться этого не можем, но ведь Бог приходит нам на помощь. Святой Ириной Лионский сказал: Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом». Я не знаю, кто такой святой Василий и Ириной Лионский, но они почти слово в слово сказали то же, что говорю я!

– И я тоже! – усмехнулся Абрам Моисеевич. – Человек без цели самосовершенствования конечно – животное, а может ли быть совершеннее цель, чем стать Богом! Я разве по этому поводу спорил? Я просто говорил, что истина – дочь дискуссий, а не симпатий, и её надо доносить до людей и тем более до детишек, как можно доступнее, а не с философской заумью. И если ты прав, то совсем не обязательно так истерично орать. Я же о методике, а не о пути. Воспитание и опыт – убеждения. Убеждения – поступки. А совесть, во истину, – голос нашей бессмертной души, но в механике возникновения боли она ещё и противоречие между убеждением и поступком. И если человек воспитан так, что убивать для него дело привычное, необходимое и прибыльное, то какая совесть может его мучить? Так, Ньюма?

– Не всегда, но бывает и так. Тут один мне говорил, что у него нет ни одного пятнышка на совести. Ну, я ему и ответил: «Это потому, что ты ей никогда не пользовался!».

– Ну вот. Слышишь, Теодор-торреодор! Я тоже про ЧЕЛОВЕКА. А про кого же ещё? И нечего наскაკивать не разобравшись. Я и в огород Ньюмы могу камешки подбрасывать, но это совсем не значит, что я его враг. Вот наш милый доктор считает, что на биологическом уровне совесть всё равно мучает, но я считаю, что это лишь гипотезы. Потому что у меня свой опыт. Не сладкий, но свой! И по нему получается, что именно твои убеждения и поступки – твоя цена и качество перед людьми, природой и Богом. Твой смысл и назначение. И в этом я с Полем и с тобой солидарен на все сто! И я не говорил, что детям не надо о высоких материях говорить. Им-то как раз и надо. Но опять же – максимально доступно. Чтобы не получилось отращения и отторжения. И тем более – на политические темы. Например: тезис-антитезис-синтез! Задавили “благодетели” антитезис однопартийностью – и синтез прекратился. И нет точки благоденствия и покоя там, где есть время. Нет движения вперёд, – есть движение назад. И что не квасной патриотизм надо культивировать, где и дерьмо своё и отраву лучше соседского бальзама, а чувство благодарности и желание улучшать и защищать и людей и то место, где живёшь. Не чувство малюсенькой и спекулятивно-политической национальной гордости, а чувство большого естественного вселенского человеческо-Божеского достоинства. Разве я не о том же, о чём твои святые? Тут опять Поль прав, когда говорит, что если человек добрый, то он – ЧЕЛОВЕК, даже если идиот. И что нет важнее назначения и смысла существования в этом мире, чем быть – ЧЕЛОВЕКОМ! Даже если ты инопланетный осминог или какая-нибудь другая вселенская

козявка или сущность, но с разумом. Садись Теодор! В главном у нас нет расхождений. Иначе мы бы и пяти минут не выдержали и разбежались бы в разные стороны с огромной скоростью. И что это ты такой возбужденный? Вроде бы сегодня не полнолуние...

– Да ладно... – буркнул Федя и, засунув за пояс книжицу, уселся рядом с друзьями.

– О-хо-хох! – вздохнул доктор. – Голгофы вы наши дурацкие. Харакири склочно-коммунальные. Зашёл я на днях с невесткой и внуком в кафе-мороженое. Это напротив Дворца съездов имени Ленина... в гостинице «Казахстан»... в подножье... Взял мороженое, лимонад... Вокруг всё так благопристойно...

– С детьми наконец-то впускают, – съязвил оппонент.

– Да. Европа – и всё тут. Рай, одним словом.

– Социалистический, – опять вставил оппонент.

– Не знаю какой, но вдруг ветерочек как дунет! Из ещё в проекте неправильно рассчитанной канализационной системы стоков. Невестка кушает... внук тоже... Все вокруг кушают, а я не могу. Тошнит меня. И, главное, обидно до слёз. Вокруг так красиво. Такое, наконец, мороженое, вроде, сладкое и... вонии-зм! И все привыкли. Не замечают! Причмокивают только... Ну ладно – у невестки аллергический ринит. Внук в свои малолетние годы ещё не понимает, как надо. Но остальные-то, остальные! Не в подводной же лодке сидят, а на свете белом. Счастливы! Ей-богу – счастливы! А меня тошнит до невозможности. И мой длинный нос с загнутым книзу концом тут ни при чём. Пусть я врач и потому рассуждаю как врач, но, по-моему, общество должно функционировать, как здоровый организм. По законам естественности и, если хотите, целесообразия. Каждое мгновение в нём и раковые клетки образуются, и яды, и конфликтные ситуации, и психические и эмоциональные перегрузки, но болезни-то не наступает!

– Истину глаголешь, старче! – откликнулся Абрам Моисеевич.

– Ну вот! Слава Богу, всем святым и пророкам! – обрадовался Аполлон. – Что бы ни было, но в конце концов травка пробьёт любой асфальт! Удивительный день! Где же ваши счастливые лица и благодарные улыбки? Мы же все отдыхать сюда приехали! Чем вас развлечь?.. А! Вот тест на внимательность. Вы в музее напротив «дома страха» были?

– Напротив КГБ, что ли? Там вроде школа... – недоуменно начал Абрам Моисеевич.

– Да нет! Но там тоже все служащие друг друга больше смерти боятся. Напротив ЦК, – усмехнулся Аполлон.

– А-а... Были...

– Ну и что там самое замечательное увидели?

– Чёрт его знает... Кольчугу золотую разве... – неуверенно начал Наум Аркадьевич.

– Ничего подобного. Считайте, что ничего не увидели. Над входной дверью этого мусульманского дворца-мазара витраж выложен в виде креста.

– Да-а? Что-то я не заметил... – изумился Федя.

– Вот видишь – даже ты. Потому что так и сделано, чтобы в глаза не бросалось. Игра случайности. А может быть, и конкретного индивида. Там балки пересекаются, и витраж очень удачно драпирует их. Наглядный намёк на единство мира и возможности мира в нём.

– Чудеса! – ещё больше изумился Федя.

– Ребятки, нас зовут, – засуетился Наум Аркадьевич. – Сейчас на плотину полезем. По «лестнице здоровья».

– Может, подвезти? Тяжкое это дело...

– Нет-нет! Мы потихоньку с Абрамом доберёмся.

– Ну, вот хоть эти шашлыки заберите. Мы думали, половина в брак пойдет, ну и набрали. Подогрейте только. Мы сейчас тоже поедем. Мы сюда так... на минутку.

– Что значит у людей есть автомобиль! – цокнул языком Абрам Моисеевич и принял у Аполлона ещё довольно пухлую гроздь жареного мяса.

После ухода доктора и его оппонента друзья запили шашлычную остроту соком и включили кассетник. «Вдоль обрыва по-над пропастью, по самому по краю, я коней своих нагайкою стегаю, погоняю. Что-то воздуху мне мало. Ветер пью, туман глотаю. Чую с гибельным восторгом – пропадаю, пропадаю...» – зазвучало из динамиков.

Хриплый отчаянный голос барда веселья не прибавлял, и потому Аполлон поставил другую кассету. «Си-си-си! Си-си-ля-ля-си!...» – завертелось итальянское поп-спагетти.

– Выруби! – махнул рукой Федя.

Машина тронулась с места, и через считанные секунды знаменитый спорткомплекс с не менее знаменитой селезащитной плотиной исчез за поворотом.

В моторе что-то заскрежетало и застучало.

– Не рухнуть бы! – встревожился Аполлон.

Скрежет прекратился.

– Ерунда! – весело выкрикнул Федя и, выставив руку под встречный поток ветра, громко задекламовал:

Я не люблю фатального исхода!

От жизни никогда не устаю!..

Имитируя Высоцкого, Аполлон тут же хрипло подхватил:

Я не люблю любое время года,

В которое болею или пью!..

В моторе опять застучало.

Аполлон побледнел.

Стучать перестало.

Федя же продолжал радостно и с посылом:

Я не люблю уверенности сытой!

Уж лучше пусть откажут тормоза-а...

– Что такое?..

– Растормозились!.. - сквозь зубы, процедил Аполлон. – Тормоза полетели!..

– Шутишь!.. – сказал Федя и вдруг понял, что друг не шутит.

Мотор ревел всё громче и нагаснее.

– Сейчас будет аварийный въезд! Улавливающий карман! Смотри внимательнее! – выкрикнул директор.

– Вот он! Там машина!..

– Вижу... – скрежеща зубами выдавил Аполлон и нажал на сигнал.

К рёву мотора присоединился пронзительный и тревожный звук.

– Мы не первые! – перекрывая шум, прокричал директор. – В конце дороги уже есть один памятник!.. Тоже – тормоза!.. Солдаты бензовоз в дерево!.. Тоже – двое!.. Директорчук и Духович!.. Детский сад дорогу переходил!.. Следующий карман пропустим – выпрыгивай!

– Куда? На асфальт? А ты?

– Проскочили!.. Тьфу!.. Ну, Федька, последний парад наступает! – заорал Аполлон, и тут же раздался страшный скрежет и мотор заглох.

Автошедевр сбавил скорость и стал дёргаться, притормаживая.

– Выпрыгивай! Группируйся!..

– Может, ещё остановимся? – прокричал гений.

Он никак не мог до конца осознать и ощутить, что то, что с ними происходит, происходит взаправду и наяву.

– Может быть... – процедил Аполлон.

Дёрганье неожиданно прошло, и машина снова рванулась.

– Проклятье!..- опять заорал герой и оцепенел.

По шоссе – прямо навстречу машине – бежали две очаровательные девушки.

– Мама!.. – прошептал герой, и одна из них, вырвавшись вперёд, тут же приветственно взмахнула рукой.

Автошедевр замер, а Федя ударился зубами о спинку переднего сидения.

Девушки стояли рядом у обочины шоссе.

– Клавдия Ивановна?.. – изумлённо и с трудом проговорил гений.

В одной из красавиц он узнал чудесницу.

Клавдия улыбнулась и... обе пропали.

Машина опять покатилась, но уже не разгоняясь. Герои были так потрясены, что даже забыли, что они гибнут и пропускают спасительный момент для катапультирования.

– Ты видел?.. Видел?.. – одурело выговаривал Аполлон. – Первая – это моя мама!.. Мама!..

– Наконец-то... – так же одурело пробормотал Федя, и тут же прямо перед машиной опять появились героини из непонятного.

Мама Аполлона продолжала приветственно махать рукой, а Клавдия, обняв её одной рукой за плечи, неожиданно приставила большой палец другой руки к носу и, игриво перебирая остальными четырьмя пальцами, состроила проказливейшую рожицу и показала героям свой острый язычок.

Машина ткнулась капотом в красавиц и встала окончательно, а жизнь...

Жизнь смеялась и продолжала крутить своё фантастическое и вместе с тем такое реальное колесо!

P.S.

(эпилог)

Утро было свежо и очаровательно!

Слив вонючейший жир из-под гриля в ведра и опрокинув это добро в уличную канализацию за магазином, я вышел на предмагазинное парадное пространство, чтобы отдышаться от израильского счастья. Но Израиль – есть Израиль! Не успел я сделать и трёх свободных вдохов и выдохов, как был атакован спортивного вида мужчиной.

– Спроси меня, кто я по национальности? Ну? Ну, спроси же меня! Ну? – обратился он ко мне на великом иноземном языке.

– Ну и какой же ты национальности? – тоже на русском включился я в игру.

– Я – не еврей! – радостно воскликнул мужчина и облегчённо вздохнул.

– А чего ж ты тогда тут делаешь? – тоже на родном языке потомка эфиопов – Пушкина, но уже очень жёстко и ревниво неожиданно подключился ещё один прохожий.

– Смотрю на вас и плачу! – ответил мужчина и начал давиться толчками смеха. – Ой, ребята!.. Ой, не могу!.. Ой!.. Я не еврей, не турок, не русский, не казах, не негр, не японец, не индеец, не американец. Я – ЧЕЛОВЕК!

– Кончай разбрасывать камни – время собирать шекеля! – раздался трубный библейский глас сверху, и, спрыгнув со старенького спортивного велосипеда, другой мужчина, но только гораздо более тощий, начал вытаскивать из рюкзака гитару и какие-то металлические и неметаллические штучки.

Через несколько минут всё это было навешано на пешехода и поставлено около него, а рюкзак униженно присел, недвусмысленно открыв для всех свой голодный рот.

Я иногда тоже перебивался с хлеба на воду как “Цветок асфальта” – то есть подрабатывал игрой на скрипке на улице и потому непроизвольно ощерился в коллегиальной улыбке умиления.

– Бабах! – пальнуло в воздухе. – Ба-ба-ба-бах!.. От неожиданности прохожие шарахнулись в разные стороны.

Тут необходимо сделать небольшое пояснение. Израиль сегодня – это малина для терроризма, что совсем не так весело, как может иногда показаться кому-нибудь в Швейцарии или в Канаде. Недавно в магазине, где я “кайфую”, кто-то из русских туристов начал на весь зал звать свою жену: “Алла, Ал-ла!”. И Алла пришла, но перед этим половина покупателей попадали на пол и закрыли головы руками.

А дело в том, что похожее по звучанию имя ни в чём не повинного Аллаха (да придёт мир с ним!) выкрикивают обычно несчастные замороченные мальчики и девочки, прежде чем взорвать окружающих и самих себя ради якобы попадания за это сразу в рай. Это же надо было придумать такое! Ну, полная политическая чушь и идеальное зомбирование! Ну, чернейшая и мрачнейшая Шехерезада! Куда псевдокоммунизму или фашизму до таких фантазий! И гибнут легковверные детки, и губят ни в чём не повинных людей не для мифического рая, а, как и раньше, для патологически амбициозных идиотов, решающих почти всегда за счёт кого-то и даже таким путём свои меркантильнейшие и психоневрологические проблемы.

Да-а... Так вот, как только бабахнуло, так несколько прохожих шарахнулись в стороны, и лишь один я, покачивая вёдрами, продолжал ещё более блаженно щериться.

“Родина! Мои родные края! Родина! Любовь и песня моя!..” – обрушился на бедных израильтян почти что баритон Ермека Серкебаева – певческого реликта республики Казахстан.

– Бандит! Давай что-нибудь русское! – заказал какой-то подвыпивший и потому, видимо, щедрый позавчерашний житель вчерашнего СССР и бросил в рюкзак первую горсть шекелей.

– Ба-ла-лайка! – склонив голову к микрофону, сразу же объявил тощий мужчина и убавил громкость.

– Тумбала-тумбала-тумбалалайка!.. – уже совершенно своим голосом, и не оглушающе, запел патриот земли Казахстанской, и позавчерашняя гордость какого-то никем не оценённого НИИ или ещё чего-то, рассмеявшись, кинула в рюкзак ещё одну горсть.

– Весёлые ребята! Приятного вам аппетита! – вытерев слёзы, удовлетворённо резюмировал меценат и неожиданно очень аккуратно и плавно присоседил к шекелям столонларовую купюру.

– Ой-бой! – изумлённо воскликнул тощий. – Сенькью! Сенькью вэри мач, сэ-эр!

– После любой цивилизации остается что? – легко и весело спросил меценат и, щёлкнув языком, сам же и ответил: – Культура!

– Истина! Великая истина! Потому и драпают не только кишки и желудки, но и мозги, и сердца! Чтобы хоть что-то сохранить и передать потомкам... – задумчиво глядя вслед весёлому пророку и кудато дальше, проговорил тощий и уже энергичнее добавил: – Трудно выжить, если по-настоящему жить! Поль! Концерт окончен!

– Ты что? Э-э!.. – недоумённо запротестовал певец.

– Молчи, Христос в пустыне! Лечиться надо как следует! Мы для этого сюда приехали, а не для того, чтобы на панели стоять! – почти выкрикнул тощий, обдирая с гитариста феноменальные по мощности акустические минипротезы. – Прямо по курсу благодетеля смотри!

– Ну!

– Что – ну? Полицая видишь?

– Ну!

– Он нас хочет!

– А-а! – тут же всё понял музыкант и уже через мгновение бежал рядом с велосипедистом, взбренькивая не снятыми в спешке железками.

Я бросил вёдра и, крича “Стойте! Стойте!”, рванул за ними.

Велосипедист, не оглядываясь, переключил скорость и нажал на педали. Ещё секунда – и оба скрылись за углом соседнего супермаркета...

Догонять их было глупо и бессмысленно!

Потому что всё духовное принадлежит всем!..

Lapidusya@mail.ru

